



ЭРНЕСТ

ХЕМИНГУЭЙ

ПО КОМУ ЗВОНЯТ КОЛОКОЛ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Эрнест Хемингуэй

По ком звонит колокол

«АСТ»

1940

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Хемингуэй Э. М.

По ком звонит колокол / Э. М. Хемингуэй — «АСТ»,
1940 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-095592-3

«По ком звонит колокол» — один из лучших романов Эрнеста Хемингуэя. Эта книга о Гражданской войне в Испании. Эта книга о Войне, какая она есть на самом деле — грязная, кровавая, бесчеловечная... Эта книга о любви, мужестве, самопожертвовании, нравственном долге и выборе, ценности каждой человеческой жизни как части единого целого, ибо «никогда не посылай узнать, по ком звонит колокол, он звонит и по тебе»... В СССР роман издавался с серьезными сокращениями и искажениями из-за вмешательства идеологической цензуры и теперь публикуется в полном объеме.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-095592-3

© Хемингуэй Э. М., 1940
© АСТ, 1940

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	17
Глава третья	28
Глава четвертая	36
Глава пятая	43
Глава шестая	47
Глава седьмая	50
Глава восьмая	54
Глава девятая	63
Глава десятая	69
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Эрнест Хемингуэй

По ком звонит колокол

Ernest Hemingway FOR WHOM THE BELL TOLLS

Впервые опубликовано издательством Scribner, a division of Simon & Schuster Inc.

© Hemingway Foreign Rights Trust, 1939

© Перевод, текст. И. Доронина, 2015

© Перевод, эпиграф. А. Нестеров, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Посвящается Марте Геллхорн ¹

Нет человека, что был бы сам по себе, как остров; каждый живущий – часть континента; и если море смоев утес, не станет ли меньше вся Европа, меньше – на каменную скалу, на поместье друзей, на твой собственный дом. Смерть каждого человека умаляет и меня, ибо я един со всем человечеством. А потому никогда не посылай узнать, по ком звонит колокол, он звонит и по тебе.

Джон Донн²

¹ Марта Эллис Геллхорн (1908–1998) – одна из самых известных американских военных корреспондентов. За свою 60-летнюю карьеру освещала практически все крупные мировые конфликты XX века. Ее именем названа премия в области журналистики. Геллхорн была третьей женой Эрнеста Хемингуэя (1940–1945). – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Цит. по: Джон Донн. По ком звонит колокол. М., Enigma, 2004. Составитель, переводчик и комментатор Антон Нестеров. Медитация XVIII, перевод Антона Нестерова.

Глава первая

Упершись подбородком в сложенные руки, он лежал на устилавшем землю мягком лесном ковре из бурой хвои, а высоко над его головой ветер раскачивал верхушки сосен. Там, где он лежал, склон был пологим, но дальше круто срывался вниз, и было видно, как по ущелью вьется черная лента битумной дороги. Вдоль дороги бежала речушка, и в дальнем конце ущелья на ее берегу виднелась лесопилка. Вода, переливавшаяся через запруду, казалась белой на палящем летнем солнце.

– Это лесопилка? – спросил он.

– Да.

– Я ее не помню.

– Ее построили после того, как ты здесь бывал. Старая лесопилка дальше, гораздо ниже по ущелью.

Он расстелил на земле фотокопию армейской карты и стал внимательно изучать ее. Старик заглядывал ему через плечо. Это был невысокого роста кряжистый старик в черной крестьянской рубаше, серых штанах из стоявшего колом грубого холста и поношенных чувяках³ на веревочной подошве. Он еще не отдышался после крутого подъема и опирался рукой на один из двух тяжелых заплечных мешков, которые они тащили с собой.

– Значит, мост отсюда не виден.

– Нет, – ответил старик. – Это ровная часть ущелья, здесь течение медленное. Внизу, там, где дорога исчезает за деревьями, оно сразу обрывается вниз и получается узкая горловина...

– Я помню.

– Через эту горловину и перекинут мост.

– А где находятся их посты?

– Один там, у лесопилки, которую ты видишь.

Молодой человек, изучавший местность, достал складной бинокль из кармана вылинявшей фланелевой рубашки, протер линзы носовым платком, подкрутил окуляры так, чтобы очертания лесопилки стали четкими, и начал разглядывать деревянную скамейку рядом с дверью, огромную кучу опилок, громоздившуюся за навесом, под которым стояла циркулярная пила, и часть желоба, по которому бревна спускали с горы, на другом берегу. Издали вода казалась гладкой и спокойной, но там, где, переливаясь через запруду, она водопадом обрушивалась вниз, закручиваясь бурунами, поднимались вихри брызг, которые разносил ветер.

– Часовых не видно.

– Дым из трубы идет, – сказал старик. – И белье на веревке развешано.

– Это-то я вижу, а вот часового – нет.

– Может, он прячется в тени, – предположил старик. – Там жарко. Наверное, ушел в тень на том конце, который нам не виден.

– Возможно. А где следующий пост?

– За мостом. В сторожке дорожного смотрителя, это километрах в пяти от верхнего конца ущелья.

– Сколько здесь человек? – Молодой указал на лесопилку.

– Человека четыре солдат и капрал.

– А там, ниже?

– Там больше. Я выясню.

– А у моста?

– Там всегда двое: по одному с каждого конца.

³ Мягкая кожаная обувь.

– Нам понадобятся люди, – сказал молодой. – Сколько ты можешь привести?

– Я могу привести столько, сколько тебе нужно, – ответил старик. – Здесь, в горах, теперь людей много.

– Насколько много?

– Больше сотни. Но они разбиты на мелкие отряды. Тебе сколько понадобится?

– Это я тебе скажу, когда мы осмотрим мост.

– Хочешь осмотреть его прямо сейчас?

– Нет. Сейчас мы пойдем туда, где можно спрятать до поры взрывчатку. Я хочу, чтобы она была укрыта очень надежно, но по возможности не далее чем в получасе ходьбы от моста.

– Это нетрудно, – сказал старик. – Оттуда, куда мы идем, дорога к мосту будет идти под уклон. Но чтобы добраться туда, придется еще покарабкаться. Ты голодный?

– Да, – ответил молодой человек. – Но есть будем потом. Как тебя зовут? Я забыл. – Ему показалось дурным знаком то, что он забыл имя старика.

– Ансельмо, – ответил старик. – Меня зовут Ансельмо, я из Барко-де-Авилы. Давай помогу тебе с мешком.

Молодой человек, высокий и худой, с выбеленными солнцем русыми волосами и обветренным загорелым лицом, в вылинявшей фланелевой рубашке, крестьянских штанах и чуваках на веревочной подошве, наклонился, продел руку под лямку кожаного мешка и взвалил тяжесть на плечо. Потом просунул другую руку под другую лямку и поудобней устроил мешок на спине. Взмокшая от пота рубашка под мешком еще не высохла.

– Ничего, справлюсь, – сказал он. – Куда идти?

– Вверх, – ответил Ансельмо.

Сгибаясь под тяжестью мешков, потяя, они карабкались вверх по склону, поросшему сосновым лесом. Молодой человек не различал никакой тропы под ногами, но они уверенно продвигались все выше, огибая склон, потом пересекли небольшой ручей, и старик ровным шагом пошел впереди вдоль его каменистого русла. Подъем становился все круче и трудней, пока они не добрались до того места, где ручей, перевалив через громоздившийся над ними гладкий гранитный уступ, срывался вниз; у подножия уступа старик остановился и подождал молодого.

– Ну, как ты?

– Нормально, – ответил молодой. Он истекал потом, и мышцы на бедрах подергивались после крутого подъема.

– Подожди здесь. Я пойду вперед и предупрежу их. Не хочешь же ты схлопотать пулю с таким грузом на спине.

– Страшно подумать, даже в шутку, – сказал молодой. – Это далеко?

– Нет, совсем близко. Как тебя зовут?

– Роберто, – ответил молодой. Он снял мешок и осторожно опустил его на землю между двумя валунами у ручья.

– Ну, жди здесь, Роберто, я за тобой вернусь.

– Хорошо, – сказал молодой человек. – Ты собираешься по этой дороге спускаться к мосту?

– Нет. Когда мы отправимся к мосту, это будет другая дорога. Короче и легче.

– Только этот материал нельзя хранить далеко от моста.

– Сам увидишь. Не понравится место – найдем другое.

– Ладно, посмотрим, – сказал молодой.

Усевшись возле мешков, он наблюдал, как старик взбирается на уступ. Казалось, он делает это без труда, и по тому, как он, не глядя, находил опору для рук, можно было догадаться, что путь этот он проделывал уже не раз. Тем не менее, кто бы ни находился там, наверху, эти люди тщательно позаботились о том, чтобы не оставить никаких следов.

Молодой человек, которого звали Роберт Джордан, был страшно голоден и озабочен. Голодным он бывал часто, но тревоги обычно не испытывал, поскольку не придавал никакого значения тому, что с ним случится, и по опыту знал, как легко в этой стране передвигаться в тылу врага. Передвигаться за линией фронта было так же просто, как пересекать ее, если иметь хорошего проводника. Мысли о том, что будет, если тебя поймут, лишь осложняли дело; они, да еще необходимость решать, кому можно доверять. Людям, с которыми работаешь, нужно либо доверять полностью, либо не доверять вовсе, и решение приходилось принимать самому. Сейчас он не беспокоился ни о том, ни о другом. Но было кое-что еще.

Этот Ансельмо был хорошим проводником и прекрасно ходил по горам. Роберт Джордан и сам был достаточно вынослив, но, следуя за ним весь день – они вышли еще до рассвета, – убедился, что старик способен уходить его до смерти. Пока Роберт Джордан доверял этому человеку, Ансельмо, во всем, за исключением его суждений. Правда, до сих пор у него не было возможности проверить справедливость этих суждений, да и ответственность за принятие решений все равно лежала на нем самом. Нет, из-за Ансельмо он не беспокоился, и взрыв моста был задачей не сложнее, чем многие другие. Он мог взорвать любой мост, и уже взрывал их немало – разных размеров и конструкций. Взрывчатки и оборудования в двух мешках было достаточно, чтобы гарантированно взорвать и этот мост, даже если он окажется вдвое больше, чем говорит Ансельмо, чем самому ему помнится по тем временам, когда он переходил его по пути в Ла Гранху в 1933 году, и чем описывал его Гольц позапрошлым вечером в комнате на верхнем этаже дома в пригороде Эскориала.

– Взорвать мост ничего не стоит, – сказал тогда Гольц, указывая карандашом место на большой карте; свет от лампы падал на его бритую, иссеченную шрамами голову. – Понимаете?

– Да, понимаю.

– Абсолютно ничего. Но просто взорвать его равносильно провалу.

– Да, товарищ генерал.

– Взорвать мост в строго определенный момент, согласованный со временем, на которое назначено наступление, вот что требуется. Разумеется, вы это понимаете. Такова ваша задача, а как это будет сделано, решайте сами.

Гольц посмотрел на карандаш, потом постучал его кончиком по зубам.

Роберт Джордан молчал.

– Да, вы понимаете, что такова ваша задача, и сами решаете, как это будет сделано, – повторил Гольц, глядя на него и кивая. Теперь он постучал карандашом по карте. – Так бы распорядился я. Но это то, чего нам не дано.

– Почему, товарищ генерал?

– Почему? – сердито переспросил Гольц. – Сколько наступлений вы видели? И вы еще спрашиваете? Как можно гарантировать, что мои приказы не будут изменены? Как можно гарантировать, что наступление не отменят? Как можно гарантировать, что его не отложат? Как можно гарантировать, что оно начнется хотя бы не позднее, чем через шесть часов после назначенного срока? Разве хоть *одно* наступление когда-нибудь проходило так, как было запланировано?

– Раз это ваше наступление, оно начнется вовремя, – сказал Роберт Джордан.

– Ни одно наступление не является моим, – возразил Гольц. – Я провожу наступления. Но они не бывают моими. Артиллерия мне не подчиняется, я вынужден просить ее поддержки, а мне никогда не давали того, что я просил, даже когда тому не было никаких препятствий. И это еще полбеда. Есть и другое. Вы знаете, каковы эти люди. Нет необходимости вдаваться в подробности. Всегда может возникнуть что-то непредвиденное. Всегда кто-то вмешается. Надеюсь, теперь вам понятно.

– Так когда все-таки должен быть взорван мост? – спросил Роберт Джордан.

– После того как начнется наступление. Как только оно начнется, но ни в коем случае не раньше. Чтобы подкрепление не могло подойти к противнику по этой дороге. – Он наставил карандаш на Роберта Джордана. – Я должен знать, что по этой дороге мышь не проскочит.

– А на когда назначено наступление?

– Я вам сообщу. Но вы должны воспринимать дату и час только как приблизительное указание. К этому времени вы должны быть готовы. А взорвет мост после того, как наступление действительно начнется. Вам ясно? – Он снова наставил на него карандаш. – Это единственная дорога, по которой к ним может подойти подкрепление. Это единственная дорога, по которой они могут подтянуть танки, артиллерию или даже грузовики к ущелью, где я начну наступать. В этот момент мне нужно будет знать, что моста нет. Но не раньше – чтобы они не успели восстановить его, если наступление перенесут. Нет. Мост должен рухнуть в тот момент, когда наступление начнется, и я должен быть в этом уверен. Там всего два часовых. Человек, который пойдет с вами, только что вернулся оттуда. Говорят, что это очень надежный человек. Увидите сами. У него в горах есть люди. Привлекайте столько людей, сколько вам потребуется: не слишком много, но достаточно. Впрочем, вас учить нет нужды.

– А как я узнаю, что наступление началось?

– Наступать будет целая дивизия. Предварительно начнется бомбардировка с воздуха. Вы ведь глухотой не страдаете, правда?

– Значит, когда самолеты начнут сбрасывать бомбы, можно считать, что наступление началось?

– Так бывает не всегда, – заметил Гольц, качая головой, – но в данном случае можете так считать. Наступать буду я.

– Понятно, – произнес Роберт Джордан. – Не сказать, что мне это очень нравится.

– Мне это тоже не очень нравится. Если хотите отказаться, говорите сейчас. Если сомневаетесь, что справитесь, говорите сейчас.

– Я сделаю, – ответил Роберт Джордан. – И сделаю все как требуется.

– Все, что мне нужно знать, – повторил Гольц, – что через мост никто не пройдет. Что дорога отрезана.

– Ясно.

– Я не люблю обращаться с подобными просьбами и ставить людей в подобное положение, – продолжил Гольц. – Я не могу приказывать вам выполнить такое задание, поскольку понимаю, к чему могут вынудить вас поставленные мною условия. И объясняю все так тщательно для того, чтобы убедиться, что вы все поняли и осознали все возможные трудности и всю важность этого дела.

– А как вы сами пройдете на Ла Гранху, если мост будет взорван?

– Мы возьмем с собой все необходимое, чтобы восстановить мост сразу после того, как овладеем ущельем. Операция, как всегда, сложная, но красивая. План разработан в Мадриде. Очередной шедевр Висенте Рохо, неудавшегося профессора. Я наступаю, и наступаю, как всегда, не располагая достаточными силами. Тем не менее операция небезнадежна. Я испытываю в связи с ней большую уверенность, чем обычно. Она может оказаться успешной при условии, что мост будет взорван вовремя. Тогда мы сумеем взять Сеговию. Вот смотрите, я вам покажу. Видите: мы начнем наступление не со входа в ущелье, оно уже наше, а гораздо дальше... вот здесь...

– Я бы предпочел не знать, – перебил его Роберт Джордан.

– Ладно, – согласился Гольц. – Когда идешь в тыл противника, лучше не обременять себя лишним знанием, правильно?

– Я всегда предпочитаю не знать. Тогда, независимо от того, что случится, выдал – не я.

– Да, лучше не знать, – сказал Гольц, водя карандашом по лбу. – Сколько раз я оказывался в ситуации, когда говорил себе: лучше бы я этого не знал. Но то единственное, что вам следовало понять насчет моста, вы поняли?

– Да. Понял.

– Не сомневаюсь, что поняли, – сказал Гольц. – Не стану произносить напутственных речей. Давайте просто выпьем. После долгих разговоров меня всегда мучает жажда, товарищ Хордан. Ваше имя забавно звучит по-испански – товарищ Хордан.

– А как по-испански произносится Гольц, товарищ генерал?

– Хоце, – ухмыльнулся Гольц, горловое «х» он произнес с хрипотцой, оно напоминало простудное покашливание. – Хоце, – ворчливо повторил он. – Товарищ хенераль Х-хоце. Знал бы, как произносится Гольц по-испански, придумал бы себе имечко получше, прежде чем отправиться сюда воевать. Подумать только: ехал командовать дивизией, мог выбрать любое имя, какое захотел бы, – и выбрал Хоце. Хенераль Хоце. Но теперь уже поздно менять. Как вам нравится *партизанинг*? – Это было русское слово, означавшее диверсионную работу в тылу врага.

– Очень нравится, – ответил Роберт Джордан, усмехнувшись. – Все время на свежем воздухе.

– Мне в вашем возрасте тоже очень нравилось, – признался Гольц. – Говорят, вы мастерски взрываете мосты. Очень научно. Но это только слухи. Я сам никогда не видел вас в работе. Может, на самом деле все не так? Вы и впрямь их взрываете? – поддразнил он. – Выпейте. – Он протянул Роберту Джордану стакан испанского бренди. – Так вы их *действительно* взрываете?

– Иногда.

– С *этим* мостом никакого «иногда» быть не должно. Ладно, не будем больше об этом. Вы уже и так все поняли. Мы поговорили очень серьезно, так что теперь можем позволить себе и пошутить. Признайтесь-ка, много ли у вас девушек по ту сторону фронта?

– Нет, на девушек времени не хватает.

– Вот это вы зря. Чем менее регламентирована служба, тем менее регламентирована жизнь, а у вас служба совсем не регламентированная. Вот только постричься бы вам не мешало.

– Я стригусь по мере необходимости, – сказал Роберт Джордан. Он бы проклял все на свете, если бы ему пришлось побриться наголо «под Гольца». – У меня и кроме девушек забот хватает, – сердито добавил он. – Какую форму мне надеть?

– Никакой, – ответил Гольц. – И с прической у вас все в порядке. Я просто поддразнил вас. Мы с вами очень разные люди. – Он снова наполнил стаканы. – Вы думаете не только о девушках. Я вообще никогда не думаю. С какой стати? Я – *Général Soviétique*⁴. Я никогда не думаю. И не пытайтесь заставить меня думать.

Его подчиненный, работавший с картой, прикрепленной к чертежной доске, недовольно буркнул ему что-то на языке, которого Роберт Джордан не понимал.

– Заткнись, – ответил ему Гольц по-английски. – Хочу шутить и шучу. Я всегда такой серьезный, что иногда могу и пошутить. – И, обращаясь к Джордану, добавил: – Ладно, пейте и можете идти. Вы все поняли, да?

– Да, – ответил Роберт Джордан. – Понял.

Они обменялись рукопожатием, он отдал честь и вышел на улицу, где его ждала штабная машина, в которой, дожидаясь его, спал старик; он так и не проснулся, пока они, миновав Гвадарраму, сворачивали на дорогу, ведущую в Навасерраду, и ехали на базу Альпийского клуба, где Роберт Джордан соснул часа три в одном из коттеджей, прежде чем отправиться в путь.

⁴ Советский генерал (*фр.*).

Это была его последняя встреча с Гольцем – человеком со странно белым лицом, которое не брал никакой загар, орлиным взором, крупным носом, тонкими губами и бритой головой, иссеченной морщинами и шрамами. Следующей ночью они уже будут под стенами Эскориала, где в темноте на дороге выстроятся длинные колонны грузовиков, в их кузова будут взбираться пехотинцы со своим тяжелым снаряжением, пулеметные расчеты будут грузить в них свои пулеметы; на длинные платформы по скатам будут поднимать цистерны с горючим – под покровом ночи дивизия начнет движение к ущелью, в котором ей предстоит наступать. Но ему незачем думать об этом. Это не его дело. Это – дело Гольца. У него же своя задача, и думать он должен только о ней, причем он обязан обдумать все очень четко, до мельчайших деталей, чтобы ни о чем не волноваться в ходе выполнения задания. Волнение так же пагубно, как страх. Оно все сильно осложняет.

Сидя у ручья и наблюдая, как прозрачная вода струится между камней, он заметил на другом берегу густые заросли водяного кресса. Перейдя ручей, сорвал пучок салата, промыл корни в ручье и, снова усевшись возле своих мешков, начал жевать чистые холодные зеленые листья и хрустящие перечно-горьковатые стебли. Потом, встав на колени и сдвинув висевший на поясе револьвер назад, чтобы не замочить, оперся руками о камни, склонился и начал пить из ручья. От ледяной воды заныли зубы.

Оттолкнувшись руками, он выпрямился, повернул голову и увидел старика, спускавшегося с уступа. С ним был еще один человек, тоже в черной крестьянской рубаше, темно-серых грубых штанах и чувяках на веревочной подошве – в здешних местах это было своего рода униформой, за спиной у него висел карабин, голова не покрыта. Оба скакали по камням с ловкостью горных козлов.

Когда они подошли к нему, Роберт Джордан встал.

– *Salud, camarada*, – поприветствовал он человека с карабином и улыбнулся.

– *Salud*, – хмуро ответил тот. Роберт Джордан посмотрел на тяжелое, заросшее щетиной лицо мужчины. Оно было почти круглым, как и голова, крепко сидевшая на короткой шее. Глаза маленькие и слишком широко расставленные, небольшие уши плотно прилегали к голове. Это был крупный мужчина, ростом около пяти футов десяти дюймов, с большими руками и ногами. Нос у него был перебит, а губы с одной стороны расщелил шрам, тянувшийся через весь подбородок и просвечивавший даже сквозь щетину.

Старик кивнул в сторону своего спутника и улыбнулся:

– Он тут самый главный начальник. – Ослабившись, он согнул руки в локтях, как бы демонстрируя мускулы, и с полунасмешливым восхищением посмотрел на человека с карабином. – Очень сильный человек.

– Я вижу, – сказал Роберт Джордан и снова улыбнулся. Человек ему не нравился, и улыбка была чисто внешней.

– Чем ты можешь удостоверить свою личность? – спросил человек с карабином.

Роберт Джордан расстегнул булавку на клапане левого нагрудного кармана, достал сложенный листок бумаги и протянул его человеку, который с сомнением посмотрел на документ и повертел его в руках.

Неграмотный, отметил про себя Роберт Джордан.

– Взгляни на печать, – сказал он.

Старик ткнул в печать пальцем, и человек с карабином стал изучать ее, поворачивая так и сяк.

– Это что за печать?

– Ты ее никогда не видел?

– Нет.

– Тут их две, – сказал Роберт Джордан. – Одна – S.I.M. – Службы военной разведки, другая – Генерального штаба.

– Да, вот эту я видел. Но здесь командую только я, – угрюмо предупредил мужчина. – Что в мешках?

– Динамит, – горделиво сообщил старик. – Ночью, в темноте, мы перешли линию фронта и весь день тащили его по горам.

– Динамит мне пригодится, – сказал человек с карабином, возвращая Роберту Джордану документ. – Да. Динамиту я найду применение. Сколько вы мне его принесли?

– Тебе мы ничего не принесли, – спокойно ответил Роберт Джордан. – Этот динамит предназначен для другой цели. Как тебя зовут?

– Тебе зачем?

– Его зовут Пабло, – вставил старик. Человек с карабином мрачно обвел взглядом обоих.

– Ладно. Я слышал о тебе много хорошего, – сказал Роберт Джордан.

– И что же ты обо мне слышал? – спросил Пабло.

– Что ты – прекрасный партизанский командир, предан республике и доказал свою преданность на деле, что ты человек серьезный и храбрый. Генеральный штаб шлет тебе привет.

– И где ты все это слышал? – спросил Пабло. Роберт Джордан отметил, что лесть не произвела на него никакого впечатления.

– Это говорят повсюду, от Буйтраго до Эскориала. – Он назвал обширную территорию по ту сторону фронта.

– Я не знаю никого ни в Буйтраго, ни в Эскориале, – ответил Пабло.

– По ту сторону гор теперь много людей, которых там раньше не было. Сам-то ты откуда?

– Из Авилы. Что ты собираешься делать с этим динамитом?

– Взорву мост.

– Какой?

– Это мое дело.

– Если он находится здесь, то это мое дело. Нельзя взрывать мосты там, где живешь. Жить надо в одном месте, а предпринимать подобные действия в другом. Я свое дело знаю. Тот, кто выжил здесь в течение этого года, знает свое дело.

– А это – мое дело, – сказал Роберт Джордан. – Мы можем обсудить его сообща. Ты поможешь нам с этими мешками?

– Нет, – ответил Пабло и тряхнул головой.

Старик резко повернулся к нему и заговорил быстро и гневно на диалекте, который Роберт Джордан понимал лишь в общих чертах. Это было все равно что читать Кеведо. Ансельмо говорил на старокастильском, и смысл его речи был приблизительно таков: «Ты что – скотина? Да? Животное ты, что ли? Похоже на то. Мозги у тебя есть? Вижу, что нет. Никаких. Мы приходим сюда с делом величайшей важности, а тебе – лишь бы твое жилище не потревожили? Свою лисью нору ты ставишь выше интересов человечества? Выше интересов собственного народа? Так-перетак твою мать! Так-перетак тебя самого! *А ну, бери мешок!*»

Пабло опустил глаза.

– Каждый должен делать то, что может, но делать правильно, – сказал он. – Живу я здесь, а действую за Сеговией. Если вы тут поднимете шум, нас сгонят с этих гор. Мы только потому и держимся в этих местах, что ничего здесь не предпринимаем. Правило лисицы.

– Да, – с горечью сказал Ансельмо. – Ты живешь по правилу лисицы, а нам нужен волк.

– Я – волк посерьезней, чем ты, – ответил Пабло, и Роберт Джордан понял, что он возьмет мешок.

– Здорово живешь. Хо-хо... – Ансельмо посмотрел на него. – Ты – волк посерьезней? А ты забываешь, что мне уже шестьдесят восемь?

Он сплюнул на землю и покачал головой.

– Тебе так много лет? – переменял тему Роберт Джордан, понимая, что в данный момент это самое правильное, чтобы смягчить ситуацию.

– В июле стукнет шестьдесят восемь.

– Если мы доживем до июля, – буркнул Пабло. – Давай возьму твой мешок, – сказал он, обращаясь к Роберту Джордану. – Другой оставь старику. – Теперь он говорил не то чтобы угрюмо, но почти тоскливо. – Он хоть и старый, но сил у него полно.

– Я сам понесу мешок, – возразил Роберт Джордан.

– Нет, – сказал старик. – Отдай ему, он тоже силач.

– Я возьму, – сказал ему Пабло. В его угрюмости сквозила тоска, которая насторожила Роберта Джордана. Ему была знакома эта тоска, и то, что он почувствовал ее в Пабло, его беспокоило.

– Тогда дай мне карабин, – предложил он и, когда Пабло отдал ему ружье, закинул его на плечо; его спутники пошли вперед, подъем был тяжелым, все трое, подтягиваясь на выступах, карабкались по гранитной скале к ее верхнему краю, перевалив через который оказались на зеленой опушке леса.

Они стали огибать этот маленький лужок; теперь, без тяжелого мешка, под которым спина насквозь промокала от пота, ощущая за плечом лишь приятную жесткость карабина, Роберт Джордан шел легко и заметил, что трава в нескольких местах выщипана, а кое-где в земле видны ямки от колышков. По следам в примятой траве можно было также понять, что здесь водили к ручью на водопой лошадей, о присутствии лошадей свидетельствовали и кучки свежего навоза. Значит, здесь они пасут их по ночам, а днем прячут от посторонних глаз в лесу, подумал он. Сколько же лошадей у этого Пабло?

Он вспомнил теперь то, что увидел раньше, но чему не придал значения: штаны у Пабло были до мыльного блеска затерты на коленях и на внутренней поверхности бедер. Интересно, есть у него хоть пара башмаков или он и верхом ездит в *альпаргатах*⁵, подумал он. Должно быть, у него имеется полная экипировка. Но мне не нравится эта его тоска. Тоска – это плохо. Тоска предвещает либо дезертирство, либо измену. Именно тоска предшествует предательству.

Где-то впереди, в лесу, заржала лошадь, а потом сквозь узкие просветы между коричневыми стволами сосен, густые, почти смыкающиеся кроны которых едва-едва пропускали солнечный свет, он увидел загон, обнесенный двумя рядами веревки, закрепленной вокруг стволов. Почуввав приближение людей, лошади повернули головы в их сторону; на земле возле дерева с внешней стороны загона были сложены седла, накрытые брезентом.

Подойдя к загону, его спутники, которые несли поклажу, остановились, и Роберт Джордан понял, что должен выразить восхищение лошадьми.

– Да-а, – сказал он. – Красавцы. – И, повернувшись к Пабло, добавил: – Значит, у тебя – своя кавалерия?

Лошадей в загоне было пять: три гнедых, рыжая и буланая. Сначала внимательно обведя взглядом всех, Роберт Джордан стал осматривать каждую в отдельности. Пабло и Ансельмо знали им цену, и пока Пабло любовно смотрел на них, гордый и даже не такой теперь тоскливый, старик вел себя так, словно именно он преподнес Джордану этот великий сюрприз.

– Ну, как тебе? – спросил он.

– Всех их я сам отбил, – сказал Пабло, и Роберт Джордан порадовался тому, что в его голосе звучала теперь не тоска, а гордость.

– Вот этот, – ответил Роберт Джордан, указывая на одного из гнедых, крупного жеребца с белой отметиной на лбу и белым носком на передней ноге, – хорош!

Это был действительно красивый конь, словно сошедший с полотна Веласкеса.

– Они все хороши, – сказал Пабло. – Ты разбираешься в лошадях?

⁵ Альпаргаты (в Каталонии их называют эспадрильи) – традиционная легкая обувь из натурального материала (мягкой кожи, парусины) на плетеной веревочной подошве, с ремешками, переплетающимися на голени.

– Да.

– Тем лучше. Замечаешь какой-нибудь дефект у одной из них?

Роберт Джордан понял: вот она, настоящая проверка документов неграмотным человеком.

Все лошади по-прежнему стояли, повернув головы к людям. Роберт Джордан поднырнул под веревку и похлопал буланую по ляжке. Потом, прислонившись к веревочному ограждению, стал наблюдать за лошадьми, кружившими по загону; постояв еще с минуту после того, как они остановились, он наклонился и вылез обратно.

– Рыжая прихрамывает на правую заднюю, – сказал он Пабло, не глядя на него. – Трещина в копыте, но если правильно подковать, дальше расходиться не будет – правда, только если не ездить по очень твердой земле.

– Мы уже взяли ее с этой трещиной, – сказал Пабло.

– У самого лучшего твоего жеребца, того, что с белой отметиной, припухлость над верхней частью голени, мне это не нравится.

– Ерунда, – ответил Пабло. – Ушибся дня три тому назад. Если бы там что-то было, уже проявилось бы.

Он сдернул брезент и показал седла: два простых пастушьих, вроде американских ковбойских, одно богато украшенное, обтянутое кожей ручной выделки, с тиснением и тяжелыми закрытыми стремянами, и два черных армейских.

– Мы убили двоих из *guardia civil*⁶, – объяснил он происхождение черных седел.

– Это крупная добыча.

– Они спешили на дороге между Сеговией и Санта-Мария-дель-Реал. Чтобы проверить документы у возницы. Так что нам удалось убить их, не поранив лошадей.

– И много вы убили гражданских гвардейцев?

– Несколько, – ответил Пабло. – Но только у этих двоих удалось взять лошадей невредимыми.

– Это Пабло пустил под откос поезд под Аревало, – вставил Ансельмо. – Его рук дело.

– С нами был иностранец, взрывал он, – сказал Пабло. – Ты его знаешь?

– Как его зовут?

– Не помню. Чудное какое-то имя.

– А как он выглядел?

– Светловолосый, как ты, но не такой высокий, с огромными руками и перебитым носом.

– Кашкин, – догадался Роберт Джордан. – Скорее всего, Кашкин.

– Да, – согласился Пабло. – Что-то вроде того. Очень чудное имя. Что с ним случилось?

– Погиб в апреле.

– Еще один, – мрачно сказал Пабло. – Все мы этим кончим.

– Все люди этим кончают, – заметил Ансельмо. – Всегда так было. Что с тобой, парень? Чего это ты скис?

– Они очень сильны, – сказал Пабло. Казалось, он разговаривает сам с собой, уныло глядя на лошадей. – Ты не понимаешь, насколько они сильны. Мне кажется, что день ото дня они становятся все сильнее. Все лучше вооружены. У них все больше боеприпасов. А у меня – только вот эти лошади. Чего мне ждать? Только того, что меня затравят и убьют. Больше ничего.

– Ты сам травишь не хуже, чем травят тебя, – сказал Ансельмо.

– Нет, – ответил Пабло. – Больше – нет. А если нам теперь придется оставить эти горы, куда мы пойдем? Ответь мне. Куда?

⁶ Guardia civil – Гражданская гвардия, или жандармерия, правоохранительные подразделения, действующие в основном вне крупных городов. Визитной карточкой гражданских гвардейцев является головной убор – черная лакированная треуголка «трикорнио». В годы Гражданской войны жандармы жестоко расправлялись с крестьянами, а также бродягами и тунеядцами, преследовали цыган.

– В Испании много гор. Уйдешь отсюда – есть Сьерра-де-Гредос.

– Нет, с меня хватит, – сказал Пабло. – Устал я от этой травли. Мы здесь уже обжились. А если вы взорвете мост, на нас объявят охоту. Тогда они узнают, что мы здесь, пошлют самолеты и выследят нас. А потом отправят марокканцев по наши души – и придется уходить. Я устал от всего этого. Слышишь? – Он повернулся к Роберту Джордану. – Какое право имеешь ты, иностранец, приходить и говорить мне, что я должен делать?

– Я не говорил тебе, что ты должен делать, – ответил Роберт Джордан.

– Но будешь говорить. Так-то вот. В этом все зло.

Он указал на тяжелые мешки, которые они положили на землю, пока разглядывали лошадей. Вид лошадей, судя по всему, и разбередил в нем эти мысли, а то, что Роберт Джордан знал толк в лошадях, развязало ему язык. Теперь они втроем стояли возле веревочного загона; разрозненные солнечные блики играли на шкуре гнедого жеребца. Пабло задержал на нем взгляд, а потом пнул ногой тяжелый мешок.

– Вот оно, зло.

– Я только исполняю свой долг, – сказал Роберт Джордан. – Меня послали сюда те, кто командует в этой войне. Я лишь попросил тебя помочь, ты можешь отказаться, я найду других помощников. Да, в сущности, я еще и не просил тебя ни о чем. Я обязан сделать то, что мне приказано, и могу заверить тебя, что это важно. А то, что я иностранец, – не моя вина. Я бы предпочел быть местным.

– Для меня сейчас самое важное – чтобы здесь у нас все не разворошили, – ответил Пабло. – Это мой долг – перед теми, кто вместе со мной, и перед самим собой.

– Перед самим собой. Конечно, – сказал Ансельмо. – Ты давно уже думаешь только о себе. О себе и о своих лошадях. Пока у тебя не было лошадей, ты был с нами. А теперь ты превратился просто в еще одного капиталиста.

– Это несправедливо, – возразил Пабло. – Я постоянно рискую своими лошадьми ради дела.

– Мало рискуешь, – презрительно сказал Ансельмо. – По мне, так очень мало. Украсть – это ты горазд. Хорошо поесть – тоже. Убить – всегда пожалуйста. А вот воевать – нет.

– Твой язык тебя до добра не доведет, старик.

– Да, я – старик, но старик, который никого не боится. И еще я старик, у которого нет лошадей.

– Ты – старик, который может долго не протянуть.

– Я – старик, который будет жить до самой своей смерти. И который не боится лисиц.

Пабло ничего не ответил, только поднял с земли мешок.

– И волков тоже, – добавил Ансельмо, поднимая свой. – Если, конечно, ты – волк.

– Закрой рот, – огрызнулся Пабло. – Слишком много говоришь.

– И всегда делаю то, что говорю, – сказал Ансельмо, сгибаясь под тяжестью мешка. – А сейчас я хочу есть. И пить. Ну, давай, партизанский командир с печальным лицом, води нас туда, где можно поесть.

Нехорошо все начинается, подумал Роберт Джордан. Но Ансельмо – мужик. Эти люди если уж хороши, то хороши по-настоящему. Если они хороши, нет им равных, но если уж они пошли по неверной дорожке, хуже их не бывает. Должно быть, Ансельмо знал, что делал, приведя меня сюда, думал он. Но мне это не нравится. Все это.

Единственным хорошим знаком было то, что Пабло нес мешок и что он отдал ему свой карабин. «Может, у него просто такой характер? – подумал Роберт Джордан. – Может, он угрюм по природе?»

Нет, мысленно возразил он себе, не пытайся себя обмануть. Ты не знаешь, каким он был раньше, но видишь, что сейчас он стремительно катится по дурной дороге и не скрывает этого. Начнет скрывать – значит, принял решение. Помни об этом, сказал он себе. Первое проявление

дружелюбия с его стороны будет означать, что решение принято. А лошади очень хороши, подумал он, красивые лошади. Интересно, что бы могло изменить меня так же, как эти лошади изменили Пабло? Старик прав. С лошадьми он почувствовал себя богатым, а став богатым, хочет наслаждаться жизнью. Думаю, скоро он начнет мучиться от того, что не может вступить в Жокейский клуб. *Pauvre*⁷ Пабло. *Il a manqué son Jockey*⁸.

Эта мысль взбудрила его. Он усмехнулся, глядя на две согнутые под тяжестью мешков спины, маячившие впереди между деревьями. Весь день он оставался исключительно серьезным и теперь, мысленно пошутив, почувствовал себя гораздо лучше. Ты становишься таким же, как все они, сказал он себе, таким же мрачным. Неудивительно, что он был серьезен и хмур во время встречи с Гольцем. Полученное задание огорошило его. Чуть-чуть огорошило, подумал он. Да нет, изрядно огорошило. Гольц был весел и хотел развеселить его перед расставанием, но ничего не вышло.

Если подумать, все самые хорошие были веселыми. Быть веселым гораздо лучше, к тому же это вроде бы как знак чего-то. Как будто, пока ты жив, ты бессмертен. Трудно разобраться. Впрочем, не так уж много их осталось, веселых. В сущности, чертовски мало. И если ты, мой мальчик, будешь продолжать изводить себя размышлениями, тебя тоже скоро не будет. Выключи-ка ты голову, дружок, старый мой товарищ. Теперь твое дело – взрывать мосты. А не думать. Черт, как же я проголодался. Надеюсь, у Пабло хорошо кормят.

⁷ Бедный (фр.).

⁸ Не видать ему Жокейского клуба (фр.).

Глава вторая

Пройдя сквозь густой лес, они вышли к небольшой чашеобразной долине, и впереди он увидел место, где, должно быть, располагался лагерь, – под огибающей полукругом дальний край долины скалой, которая виднелась сквозь деревья.

Да, это был лагерь, причем отлично расположенный. Его нельзя было обнаружить, пока не подойдешь близко; Роберт Джордан отметил, что и с воздуха его разглядеть невозможно. Сверху ничего не будет видно. Замаскирован не хуже медвежьей берлоги. Надеюсь, охраняется получше. По мере того как они подходили ближе, он внимательно разглядывал лагерь.

В теле скалы имелаась большая пещера, рядом со входом в нее, привалившись к камню спиной и вытянув ноги, сидел человек, его карабин стоял рядом, прислоненный к скале. Человек ножом обстругивал палку; когда они приблизились, он посмотрел на них, потом вернулся к своему занятию.

– *Hola*⁹, – сказал сидевший. – Кто к нам пожаловал?

– Старик и минёр, – ответил Пабло, ставя мешок у зева пещеры. Ансельмо тоже опустил мешок на землю, а Роберт Джордан снял с плеча карабин и прислонил к скале.

– Не ставь так близко к пещере, – сказал строгавший палку мужчина, у которого были голубые глаза на смуглом привлекательном цыганском лице цвета прокопченной кожи, имевшем ленивое выражение. – Там огонь горит.

– Встань и переставь сам, – сказал Пабло. – Вон туда, к дереву.

Цыган не двинулся с места, лишь ругнулся и лениво добавил:

– Да оставляй где хочешь. Взлетишь на воздух – сразу от всех болезней избавишься.

– Что мастеришь? – спросил Роберт Джордан, усаживаясь рядом с цыганом. Тот показал ему: это был капкан, формой напоминавший цифру четыре; палка, которую он обстругивал, должна была стать его перекладиной.

– На лис, – сказал он. – Бревно падает сверху и перебивает хребет – лисе конец. – Он ухмыльнулся, взглянув на Джордана. – Вот так, видишь? – Цыган жестами показал, как захлопывается капкан и обрушивается бревно, потом покачал головой, просунул ладонь внутрь, как бы доставая добычу, и, раскинув руки, изобразил лису с перебитой спиной. – Просто и надежно, – объяснил он.

– Да кроликов он ловит, – сказал Ансельмо. – Он же цыган. Поймает кролика – скажет, что поймал лисицу. А если бы поймал лисицу, сказал бы, что поймал слона.

– А если бы я поймал слона? – спросил цыган, снова обнажив в улыбке белоснежные зубы, и подмигнул Роберту Джордану.

– Тогда сказал бы, что поймал танк, – ответил Ансельмо.

– Поймаю и танк, – пообещал цыган. – Обязательно поймаю. И можешь называть его, как тебе нравится.

– Цыгане много болтают и мало убивают, – поддразнил его Ансельмо.

Цыган опять подмигнул Роберту Джордану и продолжил строгать. Пабло ушел в пещеру. Роберт Джордан надеялся, что за едой. Он сидел на земле рядом с цыганом, и пробивавшиеся сквозь верхушки деревьев солнечные лучи приятно грели его вытянутые ноги. Он почуял запах еды – оливкового масла, лука и жарящегося мяса, – донесшийся из пещеры, и от голода у него засосало в животе.

– Можно и на танк поохотиться, – сказал он цыгану. – Это не так уж трудно.

– Вот с этим? – Цыган указал на мешки.

– Да, – ответил Роберт Джордан. – Я тебя научу. Устроишь ловушку. Это не сложно.

⁹ Привет (исп.).

– Вместе с тобой?

– Конечно, – сказал Роберт Джордан. – Почему бы нет?

– Эй, – крикнул цыган Ансельмо. – Перенеси-ка эти мешки в надежное место. Вещь ценная.

Ансельмо что-то сердито проворчал и сказал, обращаясь к Роберту Джордану:

– Пойду за вином.

Роберт Джордан встал, отволоч мешки от входа в пещеру и прислонил к дереву с противоположных сторон. Он знал, что в них, и старался, чтобы они никогда не соприкасались.

– Принеси и мне кружку, – крикнул цыган вслед Ансельмо.

– У вас есть вино? – спросил Роберт Джордан, снова усаживаясь рядом с цыганом.

– Вино? А как же! Целый бурдюк. Ну, по крайней мере полбурдюка.

– А поесть?

– Что душе угодно, парень, – ответил цыган. – Мы питаемся, как генералы.

– А что делают цыгане на войне? – поинтересовался Роберт Джордан.

– Остаются цыганами.

– Неплохая работенка.

– Самая лучшая, – сказал цыган. – Как тебя звать?

– Роберто. А тебя?

– Рафаэль. А насчет танка это ты серьезно?

– Конечно. А что такого?

Ансельмо вышел из пещеры с глубокой каменной миской, доверху наполненной красным вином, на пальцах у него висели три кружки.

– Ты только глянь, – сказал он, – у них и кружки есть, и много чего еще.

Следом за ним появился Пабло.

– Еда скоро будет, – сказал он. – У тебя курево есть?

Роберт Джордан пошел к мешкам, развязал один из них, нащупал внутренний карман и достал из него плоскую коробку русских папирос – из тех, что получил в штабе Гольца. Разрезав ногтем большого пальца края коробки с трех сторон, он откинул крышку и протянул коробку Пабло, который зачерпнул сразу полдюжины папирос. Отделив одну своей огромной лапой, он поднял ее и стал рассматривать на свет. Это были длинные тонкие папиросы с пустым мундштуком из плотной бумаги.

– Много воздуха, мало табака, – сказал он. – Я их знаю. У того, с чудным именем, тоже были такие.

– У Кашкина, – напомнил Роберт Джордан, предлагая папиросы Ансельмо и цыгану. Те взяли по одной.

– Берите больше, – сказал он, и они взяли еще по одной. Он сам дал каждому еще по четыре, и они, зажав их в кулаке, одновременно вскинули руки в знак благодарности, словно бы салютуя папиросами, как шпагами.

– Да уж, – сказал Пабло. – Чудное было имя.

– Ну, давайте выпьем. – Ансельмо зачерпнул из миски и протянул полную кружку Роберту Джордану, потом наполнил кружки себе и цыгану.

– А мне что, не полагается? – спросил Пабло. Все сидели теперь у входа в пещеру.

Ансельмо отдал ему свою кружку и пошел в пещеру за еще одной. Вернувшись, он зачерпнул ею из миски доверху, и они чокнулись.

Вино оказалось хорошим, немного отдавало смолой от бурдюка, но на вкус превосходным, легким и освежающим. Роберт Джордан пил медленно, ощущая, как по усталому телу разливается тепло.

– Еда скоро будет готова, – сказал Пабло. – А этот иностранец с чудным именем, как он умер?

– Покончил с собой, чтобы его не схватили.

– Как это случилось?

– Он был ранен и не хотел попасть в плен.

– А подробности?

– Я их не знаю, – солгал Роберт Джордан. Подробности были ему хорошо известны, но он считал, что это неподходящая сейчас тема для разговора.

– Он заставил нас пообещать, что мы пристрелим его, если его ранят во время задания и он не сможет идти, – сказал Пабло. – Очень чудно он говорил. – Должно быть, ему уже тогда это не давало покоя, подумал Роберт Джордан. Бедняга Кашкин. – Он не признавал самоубийства, сам мне это сказал. И очень боялся пыток.

– Это он тоже сам тебе сказал? – спросил Роберт Джордан.

– Да, – подтвердил цыган. – Он всем нам это говорил.

– Ты тоже участвовал в подрыве поезда?

– Да. Мы все там были.

– Очень чудно он говорил, – повторил Пабло. – Но был очень храбрым.

Бедный старина Кашкин, снова подумал Роберт Джордан. Наверное, он принес здесь больше вреда, чем пользы. Жаль, я не знал, что он так давно страдает этими страхами. Надо было отстранить его тогда. Нельзя идти на задание с людьми, у которых подобные мысли в голове. Такие разговоры недопустимы. Даже если эти люди выполняют задание, они приносят больше вреда, чем пользы, своими разговорами.

– Он был немного странным, – сказал Роберт Джордан. – Думаю, даже чуточку чокнутым.

– Но взрывы устраивал здорово, – сказал цыган. – И был очень храбрым.

– Но чокнутым, – повторил Роберт Джордан. – В такой работе, как наша, нужно иметь ясную голову и быть исключительно хладнокровным. Такие разговоры только мешают.

– А сам ты как? – спросил Пабло. – Если тебя ранят там, на мосту, ты не побоишься остаться один?

– Слушай, – ответил Роберт Джордан, наклоняясь и зачерпывая кружкой еще вина. – Слушай меня внимательно. Если когда-нибудь у меня появится необходимость кого-либо о чем-либо попросить, я сделаю это в тот момент, когда эта необходимость возникнет.

– Точно, – одобрил цыган. – Так и должен говорить правильный парень. А, вот и еда.

– Ты же уже ел, – напомнил Пабло.

– И могу съесть еще вдвое больше, – ответил цыган. – А ты посмотри, кто несет еду.

Пригнувшись, чтобы не удариться головой, из пещеры с огромной чугунной сковородой вышла девушка, и, увидев ее лицо, обращенное к нему вполборота, Роберт Джордан сразу заметил в нем бросающуюся в глаза странность.

Девушка улыбнулась и сказала:

– *Hola*, товарищ.

Стараясь не смотреть в упор, но и не отводя взгляда, Роберт Джордан ответил:

– *Salud*.

Она поставила сковороду перед ним, и он отметил, что у нее красивые загорелые руки. Теперь она смотрела прямо на него и улыбалась. Зубы на загорелом лице сверкали белизной, карие глаза и смуглая кожа одинаково отливали золотом. У нее были высокие скулы, веселый взгляд и ровные пухлые губы. Золотисто-каштановые волосы цветом напоминали выжженное солнцем поле и были острижены так коротко, что покрывали голову наподобие бобрового меха. Продолжая улыбаться и не отводя взгляда от Роберта Джордана, она провела по голове загорелой рукой, пытаясь пригладить волосы, но те снова сразу же встали торчком. Красивое лицо, подумал Роберт Джордан. Была бы и вовсе красавицей, если бы не обкорнала волосы.

– Вот так я их и причесываю, – сказала она Роберту Джордану и рассмеялась. – Ну, давай, ешь. Нечего таращиться на меня. Это меня так в Вальядолиде постригли. Теперь-то уж отросли немного.

Она села напротив и снова посмотрела на него, он ответил ей таким же прямым взглядом, и она, обхватив колени руками, рассмеялась. Из-под брючных обшлагов выглядывали продолговатые чистые ступни, руки покоились на коленях, под серой блузкой угадывалась маленькая высокая грудь. При каждом взгляде на нее у Роберта Джордана перехватывало горло.

– Тарелок нет, – сказал Ансельмо. – И ножи доставайте свои.

Четыре вилки девушка еще раньше прислонила к краям сковороды зубцами вниз.

Все ели из одной сковороды, молча, по испанскому обычаю. Это был кролик, зажаренный с луком и зелеными перцами, под соусом из красного вина с турецким горохом. Хорошо прожаренное мясо легко отделялось от костей, и соус был очень вкусным. Под мясо Роберт Джордан выпил еще кружку вина. Девушка неотрывно наблюдала за ним. Все остальные были заняты едой. Роберт Джордан хлебом подобрал остатки соуса со своей части сковороды, сложил на край кости, промокнул кусочком хлеба соус, остававшийся под ними, тем же хлебом вытер вилку, нож, съел хлеб и убрал нож, после чего наклонился и набрал полную кружку вина. Девушка продолжала наблюдать за ним.

Опорожнив полкружки, но все еще чувствуя ком в горле, Роберт Джордан обратился к ней.

– Как тебя зовут? – спросил он. Услышав хрипотцу в его голосе, Пабло бросил на него быстрый взгляд, потом встал и отошел в сторону.

– Мария. А тебя?

– Роберто. Ты давно в горах?

– Три месяца.

– Три месяца?

Она снова, на этот раз смущенно, пригладила свои густые короткие волосы, по которым, словно по полю пшеницы на склоне холма на ветру, пробежала мелкая зыбь.

– В тюрьме в Вальядолиде нас регулярно брили. Только вот это и выросло за три месяца. Я была в том поезде. Нас везли на юг. После того как поезд был взорван, многих заключенных поймали, а меня нет. Я ушла с этими вот.

– Это я нашел ее в скалах, где она пряталась, – сказал цыган. – Когда мы уже отходили. Господи, видел бы ты, какое это было пугало. Мы забрали ее с собой, но по дороге несколько раз хотели бросить.

– А еще один, тот, что был с ними, блондин? – спросила Мария. – Иностранец. Где он теперь?

– Умер, – ответил Роберт Джордан. – В апреле.

– В апреле? Но поезд же и взорвали в апреле.

– Да. Он умер через десять дней после этого.

– Бедный, – сказала она. – Он был очень храбрым. А ты занимаешься тем же самым?

– Да.

– Ты уже взрывал поезда?

– Да. Три.

– Здесь?

– В Эстремадуре, – ответил он. – До сих пор я был в Эстремадуре. Там для нас работы хватает. В Эстремадуре действует много таких, как я.

– А почему ты теперь здесь, в этих горах?

– Меня прислали на замену тому блондину. К тому же я знаю эти места еще по довоенным временам.

– Хорошо знаешь?

– Не то чтобы очень. Но я быстро осваиваюсь. Кроме того, у меня есть карта и отличный проводник.

– Старик, – кивнула она. – Да, старик очень хороший.

– Спасибо, – поблагодарил ее Ансельмо, и Роберт Джордан только теперь осознал, что они с девушкой не одни, осознал он также и то, что ему трудно смотреть на нее, потому что от этого у него сильно меняется голос. Это было нарушением второго из двух правил, которые следует соблюдать, если хочешь поладить с людьми, говорящими по-испански: угощать мужчин табаком и не проявлять внимания к их женщинам, но он вдруг понял, что ему это все равно. Существовало столько всего, что ему было все равно, так почему заботиться именно об этом?

– У тебя очень красивое лицо, – сказал он Марии. – Хотел бы я посмотреть на тебя до того, как тебе остригли волосы.

– Они отрастут, – ответила она. – Через полгода снова станут длинными.

– Видел бы ты ее тогда, после поезда. Она была такой уродиной, что тебе тошно бы стало.

– Ты чья женщина? – спросил Роберт Джордан, стараясь держать себя в руках. – Пабло? Она взглянула на него и расхохоталась, а потом хлопнула по коленке.

– Пабло? Ты видел Пабло?

– Тогда Рафаэля? Рафаэля я видел.

– И не Рафаэля.

– Она ничья, – сказал цыган. – Она вообще странная. Ничья. Но готовит хорошо.

– Так ты действительно ничья? – спросил Роберт Джордан.

– Ничья. Совершенно ничья. Ни в шутку, ни всерьез. И не твоя тоже.

– Нет? – переспросил Роберт Джордан, чувствуя, как комок снова подкатывает к горлу. – Это хорошо. Потому что у меня нет времени на женщин. Это правда.

– Даже пятнадцати минут? – поддразнил его цыган. – Всего четверти часа?

Роберт Джордан не ответил. Он смотрел на девушку, Марию, и боялся заговорить, чтобы не выдать себя.

Мария посмотрела на него, рассмеялась и вдруг покраснела, но глаз не отвела.

– Ты краснеешь, – сказал Роберт Джордан. – Ты часто краснеешь?

– Никогда.

– Но сейчас же покраснела.

– Тогда я лучше пойду в пещеру.

– Останься, Мария.

– Нет, – сказала она без улыбки. – Теперь я пойду в пещеру.

Она взяла пустую сковороду и собрала вилки, двигаясь неуклюже, как жеребенок, но в то же время с особой грацией молодого животного.

– Кружки еще нужны? – спросила она.

Роберт Джордан продолжал смотреть на нее, и она снова покраснела.

– Не заставляй меня краснеть, – сказала она. – Мне это не нравится.

– Оставь кружки, – сказал цыган. – На вот. – Он зачерпнул из каменной миски полную кружку вина и протянул Роберту Джордану, который смотрел, как девушка, втянув голову в плечи, идет к пещере с тяжелой сковородой в руках.

– Спасибо, – сказал Роберт Джордан. Теперь, когда она ушла, его голос снова звучал обычно. – Это последняя. Уже хватит.

– Надо прикончить миску, – ответил цыган. – Там еще полбурдюка осталось. Мы одну лошадь под завязку вином навьючили.

– Это была последняя вылазка Пабло, – добавил Ансельмо. – С тех пор он больше ничего не сделал.

– Сколько вас всего? – спросил Роберт Джордан.

- Семеро и еще две женщины.
- Две?
- Да, еще *mujer*¹⁰ Пабло.
- И где она?
- В пещере. Девчонка-то стряпает так себе. Я ее похвалил, только чтобы сделать приятное. Но вообще-то она в основном помогает *mujer* Пабло.
- Ну и какая она, эта *mujer* Пабло?
- Дикая, – ухмыльнулся цыган. – Настоящая дикарка. Если тебе Пабло кажется уродом, посмотри на его жену. Но храбрая. В сто раз храбрее Пабло. Только очень страшная.
- Пабло поначалу тоже был храбрым, – сказал Ансельмо. – Тогда с ним шутки были плохи.
- Он убил больше народу, чем холера, – подхватил цыган. – В начале войны Пабло угробил людей больше, чем тиф.
- Но он уже давно стал *miu flojo*¹¹, – продолжил Ансельмо. – Слабохарактерный. И очень боится смерти.
- Наверное, из-за того, что сам столько народу сгубил вначале, – философски заметил цыган. – Больше, чем бубонная чума.
- И еще из-за богатства, – добавил Ансельмо. – К тому же он слишком много пьет. Ему теперь хочется одного – уйти на покой таким матадором, *matador de toros*. Но уйти он не может.
- Если он уйдет на ту сторону, у него отберут лошадей и отправят в армию, – пояснил цыган. – По мне, так в армии служить ничуть не лучше, я не рвусь.
- Потому там и нет ни одного цыгана, – сказал Ансельмо.
- А что им там делать? – спросил цыган. – Кому охота служить в армии? Мы что, делаем революцию, чтобы служить в армии? Драться – это я всегда готов, а в армии служить – нет уж, спасибо.
- А где сейчас остальные? – спросил Роберт Джордан. После вина он чувствовал себя довольным, сонным и лежал, навзничь растянувшись на мягкой хвойной подстилке и сквозь верхушки деревьев наблюдая, как над горами в высоком испанском небе плывут маленькие облака.
- Двое спят в пещере, – ответил цыган. – Двое стоят на карауле там, вверху; у нас там пулемет. Один – на нижнем посту. Спят все, наверное.
- Роберт Джордан перекатился на бок.
- Что за пулемет?
- Да какое-то необычное у него название, – ответил цыган. – Вылетело сейчас из головы. Автоматический.
- Должно быть, ручной пулемет, подумал Роберт Джордан.
- Сколько он весит? – спросил он.
- Один человек унесет, но тяжело будет. У него три складные ножки. Мы его взяли во время последней серьезной вылазки. Той, что была перед вином.
- А патронов к нему у вас сколько?
- Считать не пересчитать, – ответил цыган. – Целый ящик. Неподъемный.
- Похоже, с полтысячи, подумал Роберт Джордан.
- А заряжается он как – дисками или лентами?
- Жестянками такими, которые насаживаются сверху.
- Черт, ручной пулемет Льюиса, догадался Роберт Джордан.

¹⁰ Женщина, жена (исп.).

¹¹ Очень слабый (исп.).

– Ты что-нибудь понимаешь в пулеметах? – спросил он старика.

– *Nada*, – ответил тот. – Ничего.

– А ты? – обратился он к цыгану.

– Они строчат с огромной скоростью и раскаляются так, что руки сжечь можно, – с гордостью поведал цыган.

– Ну, это каждый дурак знает, – презрительно отозвался Ансельмо.

– Может, и так, – сказал цыган, – но он спросил, что я знаю про *máquina*, я ответил. – И добавил: – А еще, в отличие от обычного ружья, он стреляет сам, пока держишь палец на спуске.

– Если его не заест, не кончатся патроны или ствол не расплавится, – сказал Роберт Джордан по-английски.

– Что ты сказал? – переспросил Ансельмо.

– Да так, ничего, – ответил Роберт Джордан. – Просто с будущим парой слов по-английски перекинулся.

– Чудеса да и только, – сказал цыган, – разговаривать с будущим на *Ingles*. Может, ты еще и по руке гадать умеешь?

– Нет, – ответил Роберт Джордан и зачерпнул еще кружку вина. – А вот если ты умеешь, я бы не прочь, чтобы ты погадал мне по руке и сказал, что со мной будет в ближайшие три дня.

– *Mujer* Пабло гадают по руке, – сказал цыган. – Но она такая злющая и такая дикая, что не знаю, согласится ли.

Роберт Джордан сел и отпил вина.

– Ну, пора, видно, познакомиться с этой *mujer*, – сказал он. – Если она такая страшная, как ты говоришь, лучше сразу с этим покончить.

– Я к ней не пойду, – заявил Рафаэль. – Она меня терпеть не может.

– Это почему?

– Считает бездельником.

– Какая несправедливость, – поддел его Ансельмо.

– И вообще не любит цыган.

– Да не может быть! – опять съязвил Ансельмо.

– В ней самой есть цыганская кровь, – сказал Рафаэль. – Так что она знает, о чем говорит. – Он ухмыльнулся. – Но язык у нее – настоящее жало, скажет чего – как хлыстом стеганет. С любого шкуру спустит. И на ремни порвет. Страшная ведьма.

– Как же она ладит с девушкой, с Марией? – спросил Роберт Джордан.

– Неплохо. Та ей нравится. Но не дай бог кому-нибудь всерьез приблизиться к ней... – Он покачал головой и цокнул языком.

– Она очень хорошо относится к девушке, – сказал Ансельмо. – Заботится о ней.

– Когда мы подобрали девчонку после взрыва поезда, она была не в себе, – сказал Рафаэль. – Не разговаривала и все время плакала, а если кто-нибудь до нее дотрагивался, дрожала, как бездомный щенок под дождем. Только постепенно стала приходить в себя. А потом совсем оклемалась. Теперь с ней все в порядке. Ты же видел, когда она с тобой разговаривала, что с ней все хорошо. Мы тогда, после взрыва, хотели было бросить ее. Сам понимаешь – кому охота задерживаться ради такого жалкого чучела, от которого никакого проку? Но старуха привязала ее веревкой и, когда девчонка совсем уже не могла идти, стегала ее концом этой веревки, чтоб шла дальше. А когда та и в самом деле упала замертво, взвалила себе на плечо и понесла. Потом и у старухи кончились силы, тогда я понес. Лезть-то приходилось высоко на гору, в страшную жару, да еще через дрок колючий продираться. Когда и я уже не мог, Пабло подхватывал ее. Но слышал бы ты, как костерила нас старуха, чтобы заставить нести девчонку! – При воспоминании об этом он покачал головой. – Правда, девчонка легонькая, хоть ноги у нее и длинные. Кости, они ж не тяжелые, так что весу в ней было немного. Но когда тащишь в гору, да еще

отстреливаться приходится, а потом снова взваливать ее на себя, мало не кажется; а старуха несет карабин и хлещет Пабло веревкой; как только мы останавливаемся и он сваливает девчонку на землю, жена – ружье ему в руки, потом опять заставляет ее поднять, а сама ружье перезаряжает и честит на чем свет стоит, патроны из подсумка достает, в магазин их сует и кроет мужа последними словами. Хорошо, что темнеть уже стало, а скоро и ночь наступила. Но нам крупно повезло, что у них не было кавалерии.

– Нелегко, видать, пришлось с этим поездом, – сказал Ансельмо. – Меня с ними не было, я ходил за линию фронта, – объяснил он Роберту Джордану. – Там были отряды Пабло, Эль Сордо¹² – его ты сегодня вечером увидишь – и еще два, тоже со здешних гор.

– В придачу к тому светловолосому с чудным именем, – добавил цыган.

– Кашкин.

– Ну да. Никогда, наверное, не zapomню. Двое были с пулеметом. Их прислали из армии. Они потом не смогли унести пулемет и бросили его. Хотя весил он не больше, чем эта девушка. Старухи на них не было, уж она-то заставила бы их его забрать. – Он покачал головой, вспоминая, потом продолжил: – В жизни не видел ничего похожего на то, как взрывают поезд. Он приближался постепенно, мы его увидели издали. Тут со мной такое сделалось, что и не рассказать. Сначала мы заметили пар из трубы, потом услышали свисток, потом – чу-чу-чу-чу-чу, оно становилось все громче и громче, а потом, когда раздался взрыв, передние колеса паровоза оторвались от рельсов, вся земля как будто вздыбилась в черном облаке, и паровоз с диким ревом взлетел вместе с ней, и шпалы стали летать в воздухе – как во сне. А потом паровоз рухнул обратно на землю, как огромный раненый зверь. Только на нас перестали падать комья земли – тут другой взрыв: это струя белого пара со страшной силой вырвалась из паровоза, а за ней и пулемет заговорил: «Та-та-та-та-та!» – возбужденно продолжал цыган. Сжав кулаки и оттопырив большие пальцы, он водил ими из стороны в сторону, изображая стрельбу из пулемета. – Никогда в жизни ничего подобного не видел: солдаты из поезда врассыпную, пулемет по ним строчит, люди падают, падают. Вот тогда-то я сдуру и схватился за ствол пулемета, чуть руку себе не спалил, а старуха – хрясь мне по морде и орет: «Стреляй, придурок! Стреляй, или я тебе все мозги выпущу!» Тогда я начал стрелять, но ружье плясало у меня в руках, а солдаты все бежали вверх по дальнему склону. Потом уже, когда мы спустились к поезду, чтобы посмотреть, чем там можно разжиться, какой-то офицер под дулом пистолета заставил часть солдат вернуться. Он размахивал пистолетом, орал на них, а мы все в него палили, но никто не попал. Потом солдаты залегли и открыли огонь; офицер со своим пистолетом бежит позади них взад-вперед, хочет поднять в атаку, но мы все равно никак не можем попасть в него, а из пулемета по нему стрелять невозможно – поезд мешает. Тогда офицер пристрелил двух своих, но остальные все равно не поднимались, уж он их крыл почем зря, и наконец они, по два-три человека, начали подниматься и побежали на нас. Потом снова залегли и продолжали стрелять. А потом мы стали отходить, а пулемет нас прикрывал, стреляя над головами. Как раз тогда я и нашел девчонку: она сбежала с поезда и спряталась в скалах, ну мы ее и прихватили с собой. А те солдаты до самой ночи за нами охотились.

– Да, досталось вам, – сказал Ансельмо. – Потрепали вам нервы.

– Это было единственное, что мы сделали хорошего, – произнес низкий голос. – А чем ты теперь занимаешься, грязный ленивый забулдыга, мерзкое отродье непотребной цыганской шлюхи? Чем ты занят?

Роберт Джордан увидел женщину лет пятидесяти, ростом не ниже Пабло, чуть ли не одинаковую что вширь, что в рост, в черной домотканой юбке и кофте, с мощными ногами в толстых шерстяных носках и черных чувыках на веревочной подошве, с коричневым лицом –

¹² El sordo – глухой (исп.).

идеальная модель для гранитного монумента. У нее были большие, но отнюдь не уродливые руки; густые курчавые черные волосы стянуты в узел на затылке.

– Ну, отвечай, – сказала она, обращаясь к цыгану и игнорируя остальных.

– Разговариваю с этими товарищами. Вот этот – подрывник. Его к нам прислали.

– Это мне известно, – сказала жена Пабло. – А ну, проваливай отсюда и смени Андреса на верхнем посту.

– *Me voy*, иду, – сказал цыган и повернулся к Роберту Джордану: – Увидимся за ужином.

– И не думай, – сказала ему вслед женщина. – Ты, по моим подсчетам, уже три раза сегодня ел. Иди и пришли ко мне Андреса.

– *Hola*, – приветствовала она Роберта Джордана, протягивая руку и улыбаясь. – Как поживаешь? Как дела у Республики?

– Все хорошо и у меня, и у Республики, – сказал он, отвечая на ее крепкое рукопожатие.

– Рада слышать, – сказала она, с улыбкой глядя на него, и он заметил, что у нее красивые серые глаза. – Ты приехал, чтобы взорвать еще один поезд?

– Нет, – ответил Роберт Джордан, сразу же почувствовав к ней доверие. – Мост.

– *No es nada*, мост – ерунда, – сказала она. – Когда будем взрывать еще один поезд? У нас ведь теперь лошади есть.

– Позже. Мост – это сейчас очень важно.

– Девушка сказала мне, что твой товарищ, который был с нами на подрыве поезда, умер.

– Да.

– Как жалко. Никогда не видела такого взрыва. Он был мастером своего дела и очень мне нравился. Так, говоришь, нельзя пока взорвать еще один поезд? Сейчас в горах много людей. Слишком много. Еды стало не хватать. Надо бы уходить отсюда. И лошади есть.

– Мы должны взорвать мост.

– А где он?

– Совсем близко.

– Ну, тем лучше, – сказала жена Пабло. – Давайте взорвем тут все мосты и уйдем. Меня уже тошнит от этого места. Слишком много народу тут скопилось. Ничего хорошего из этого не выйдет. Запахло гнилью, а это опасно.

Она заметила Пабло за деревьями.

– *Borracho!* – крикнула она ему. – Пьяница поганый! – И, повернувшись к Роберту Джордану, весело добавила: – Наверняка прихватил с собой кожаную флягу, чтобы втихаря выпить в лесу. Он все время пьет. Эта жизнь его сгубила. Молодой человек, я очень рада, что ты пришел. – Она похлопала его по спине. – А ты сильнее, чем кажешься на вид, – сказала, проведя ладонью по его руке и нащупав крепкие бицепсы под фланелевым рукавом. – Это хорошо. Я очень рада, что ты пришел.

– Я тоже.

– Мы поладим, – сказала она. – Выпей вина.

– Да мы уже выпили, – ответил Роберт Джордан. – А ты не выпьешь?

– Я до ужина не пью, – ответила она. – У меня от этого изжога бывает. – Она снова увидела Пабло и крикнула: – *Borracho!* Пьяница! – Потом опять повернулась к Роберту Джордану: – Он был очень хорошим человеком. А теперь весь вышел. Еще что хочу тебе сказать: будь добрее и поаккуратней с девушкой. С Марией. Ей много пришлось пережить. Понимаешь?

– Да. А почему ты меня предупреждаешь?

– А я видела, какой она вернулась после разговора с тобой. И видела, как она наблюдала за тобой, прежде чем выйти из пещеры.

– Я немного с ней пошутил.

– Она была очень плоха, – сказала жена Пабло. – Теперь лучше, но надо увезти ее отсюда.

– Наверняка, когда все здесь закончится, Ансельмо сможет ее переправить на ту сторону.

– Вы с Ансельмо вместе можете взять ее с собой, когда дело будет сделано.

Роберт Джордан почувствовал, как у него снова стиснуло горло, и чуть осипшим голосом ответил:

– Можно и так.

Жена Пабло взглянула на него и покачала головой:

– Ай-ай. Неужели все мужчины одинаковы?

– Я ничего такого не сказал. Просто она красивая, ты же знаешь.

– Нет, она не красивая. Но станет красивой, ты это хотел сказать. Мужчины! Позор нам, женщинам, что мы вас производим на свет. Нет, серьезно: неужели у Республики нет домов, где бы заботились о таких, как она?

– Есть, – ответил Роберт Джордан. – На побережье под Валенсией. И в других местах. Там с ней будут хорошо обращаться, и она сможет работать с детьми. С детьми, эвакуированными из деревень. Что делать, ее научат.

– Вот это то, что нужно, – обрадовалась жена Пабло. – А то Пабло уже сохнет по ней. И это его тоже губит. Как увидит ее – сам не свой делается. Лучше бы уж она поскорей отсюда ушла.

– Мы сможем забрать ее, как только сделаем дело.

– А пока ты будешь осторожен, да? Я ведь могу тебе доверять? Вот говорю с тобой, и мне кажется, что я тебя давно уже знаю.

– Так бывает, когда люди хорошо понимают друг друга, – сказал Роберт Джордан.

– Присядь. Я не прошу у тебя никаких обещаний, потому что чему быть, того не миновать. Но если ты *не* заберешь ее отсюда, тогда дай мне слово.

– Почему именно в этом случае?

– Потому что я не хочу, чтобы она здесь с ума сходила, когда ты уйдешь. Я уже видела ее в таком состоянии и больше не хочу, у меня и других забот хватает.

– Покончим с мостом – заберем, – сказал Роберт Джордан. – Если только останемся живы, обязательно заберем.

– Мне не нравится, как ты говоришь. Такие речи удачи не приносят.

– Я говорю так только для того, чтобы мое обещание не оказалось пустым, – сказал Роберт Джордан. – А вообще я не из тех, кто всегда ждет худшего.

– Дай-ка мне свою руку, – сказала женщина.

Роберт Джордан протянул ей ладонь, она взяла ее своими крупными руками, потерла большим пальцем, внимательно взгляделась в нее, потом отпустила и встала. Он тоже встал, и она посмотрела на него без улыбки.

– Что ты там увидела? – спросил он. – Не бойся меня напугать, я все равно в это не верю.

– Ничего, – ответила она. – Ничего я там не увидела.

– Нет, что-то увидела. Мне просто любопытно. Я в такие вещи все равно не верю.

– А во что ты веришь?

– Много во что, но не в это.

– Так во что же?

– В свою работу, например.

– Да, это я увидела.

– Скажи мне, что еще ты увидела?

– Больше ничего, – с горечью ответила она. – Ты сказал, что взорвать мост будет очень трудно?

– Нет. Я сказал, что это очень важно.

– Но может оказаться и трудно?

– Да. А теперь я собираюсь пойти посмотреть на него. Сколько у вас тут людей?

– Стоящих – пятеро. От цыгана никакого проку, хоть человек он неплохой. Сердце у него доброе. На Пабло больше нельзя положиться.

- А сколько стбящих у Глухого?
- Человек восемь. Узнаем сегодня вечером. Он придет сюда. Глухой – человек очень толковый. И у него тоже есть динамит. Правда, немного. Поговоришь с ним сам.
- Ты за ним посылала?
- Нет, он каждый вечер приходит. Мы же соседи. Он – друг, не только товарищ.
- И что ты о нем думаешь?
- Он очень хороший человек. И очень толковый. В деле с поездом показал себя с самой лучшей стороны.
- А как насчет других отрядов?
- Если вовремя предупредить, в них можно набрать с полсотни относительно надежных бойцов.
- Насколько надежных?
- В зависимости от того, насколько опасной будет ситуация.
- А сколько имеется патронов на каждую винтовку?
- Может, десятка по два. Смотря сколько они прихватят на дело. Если, конечно, вообще придут. Ты ж понимаешь, что от взрыва моста – ни денег, ни добычи, а опасность, хоть ты и не говоришь о ней, очень велика, и после, должно быть, многим придется уйти с этих гор. Так что многие будут против подрыва моста.
- Ясно.
- Поэтому лучше без надобности об этом не распространяться.
- Согласен.
- Ну, в таком случае вечером, после того как ты осмотришь мост, поговорим об этом с Глухим.
- Я пойду с Ансельмо.
- Тогда разбуди его. Карабин нужен?
- Спасибо. Было бы неплохо, но я им все равно не воспользуюсь. Я иду осматривать, а не поднимать шум. Спасибо за то, что ты мне рассказала. Мне очень понравился твой разговор.
- Я стараюсь говорить начистоту.
- Тогда скажи, что ты увидела на моей руке.
- Нет. – Она решительно тряхнула головой. – Я ничего не увидела. Иди на мост. А я пригляжу за твоим снаряжением.
- Прикрой его, и чтобы никто к нему не прикасался. Пусть лучше остается здесь, а не в пещере.
- Оно будет прикрыто, и никто до него не дотронется, – заверила жена Пабло. – Иди на свой мост.
- Ансельмо, – позвал Роберт Джордан, трогая за плечо старика, который спал, подложив руки под голову.
- Тот открыл глаза и сказал:
- Да. Конечно. Идем.

Глава третья

Держась в тени, осторожно, от дерева к дереву, они прошли последние двести ярдов крутого склона и сквозь ближние сосны всего ярдах в пятидесяти от себя увидели мост. Под послеполенным солнцем, которое все еще висело над коричневым склоном горы, мост на фоне голого ущелья казался почти черным. Это был одноарочный стальной мост, на обоих концах которого стояли сторожевые будки. Мост был достаточно широким, чтобы машины по нему могли идти в два ряда; в своей застывшей металлической грации он перекрывал глубокую горловину, на дне которой, далеко внизу, белыми бурунами вихрился между валунами ручей, стремясь к главной речке ущелья.

Сначала солнце било Роберту Джордану в глаза, поэтому он видел лишь контуры моста. Когда же оно стало меркнуть, а потом совсем ушло за бурую округлую вершину, он сквозь деревья увидел, что склон горы покрыт нежной молодой зеленью, а у самого гребня кое-где еще лежат островки нерастаявшего снега.

Он снова перевел взгляд на мост, чтобы за оставшееся недолгое светлое время лучше разглядеть его конструкцию. Судя по всему, разрушить его будет нетрудно. Продолжая изучать мост, он достал из нагрудного кармана блокнот и быстро набросал чертеж. Силу заряда вычислять не стал – это он сделает позже. Теперь он лишь отмечал места, где следовало заложить взрывчатку, чтобы, лишив опоры, обрушить арку моста в ущелье. Сделать это можно было либо не торопясь, строго соблюдаясь с правилами взрывотехники, расположив и соединив между собой полдюжины пашек так, чтобы все они взорвались одновременно, либо просто, без заморочек, с помощью всего двух, но мощных закладок. Но тогда закладки должны быть действительно мощными, расположенными на противоположных концах моста, и взорваться они должны синхронно. Он наносил штрихи быстро и легко, радуясь тому, что наконец-то имеет дело с проблемой, решение которой зависит только от него, и что наконец-то можно приступить к выполнению определенной задачи. Закрыв блокнот, он сунул карандаш в кожаный держатель на его корешке, сам блокнот – в карман и застегнул карман на пуговку.

Пока он чертил, Ансельмо наблюдал за дорогой, мостом и сторожевыми будками. Он считал, что они подошли к мосту на небезопасное расстояние, и испытал облегчение, когда Роберт Джордан закончил набрасывать чертеж.

Застегнув клапан кармана, Роберт Джордан лег на землю, укрывшись за стволом сосны, и продолжил наблюдение. Ансельмо тронул его за плечо и указал пальцем в сторону моста.

В ближней к ним сторожевой будке сидел часовой, зажав между коленями винтовку с примкнутым штыком. Он курил сигарету, на голове у него была вязаная шапка и поверх нее – капюшон плащ-палатки. Рассмотреть лицо с такого расстояния не представлялось возможным. Роберт Джордан поднес к глазам бинокль и, хоть солнце уже село, предусмотрительно прикрыл окуляры ладонью, чтобы избежать бликов; придвинувшийся парапет моста вырисовался четко, казалось, протяни руку – и можно потрогать, часовой тоже стал виден крупно: впалые щеки, пепел на кончике папиросы, тусклый блеск штыка. У него было крестьянское лицо: ввалившиеся щеки под высокими скулами, щетина на подбородке, глаза, затененные густыми кустистыми бровями, большие руки, сжимающие винтовку, тяжелые грубые башмаки, выглядывающие из-под плащ-палатки. На стене в будке висела затертая до черноты кожаная фляга с вином, рядом на полу валялось несколько газет, телефона видно не было. Он наверняка должен был быть в той будке, которая отсюда не просматривалась, хотя, насколько мог разглядеть Роберт Джордан, от ближней к ней не тянулось никаких проводов. Телефонные столбы стояли вдоль дороги, и провода висели над мостом. Перед будкой на двух камнях стояла угольная жаровня, сооруженная из старой бензиновой канистры с отпиленным верхом и просверленными в дне

дырками, но костра часовой не разводил. В золе под жаровней валялось несколько закопченных пустых жестянок.

Роберт Джордан протянул бинокль Ансельмо, лежавшему позади него. Старик усмехнулся, покачал головой и постучал согнутым указательным пальцем возле глаза.

– *Ya lo veo*, я и так его вижу, – тихо выдохнул он по-испански одними губами. Роберт Джордан улыбнулся, а старик, указав пальцем на часового, ребром другой ладони провел по горлу. Роберт Джордан кивнул, но уже без улыбки.

Дальняя будка была обращена в сторону уходящей дороги и стояла к ним задней стенкой, так что они не могли видеть, что в ней происходит. Дорога, широкая, ровная, заасфальтированная, после моста сворачивала влево, потом вправо и исчезала из виду. Там старая дорога была расширена, для чего пришлось срезать часть твердой скалы на дальнем склоне ущелья. Ее повисший над обрывом левый, то есть западный, если смотреть со стороны моста и ущелья, край был огорожен и защищен ровно вытесанными каменными блоками. Здесь горловина, по дну которой бежал ручей и через которую был перекинут мост, превращалась в очень глубокий каньон, где ручей впадал в главную речку ущелья.

– И где следующий пост? – спросил Роберт Джордан.

– В полукилометре ниже, за тем поворотом, – ответил Ансельмо. – В сторожке дорожного смотрителя, в глубине скалы.

– И сколько там народу? – поинтересовался Роберт Джордан.

Он снова разглядывал часового в бинокль. Тот загасил папиросу о дощатую стену будки, достал из кармана кожаный кисет, надорвал бумагу на окурке и вытряхнул из нее остатки табака в кисет. Потом встал, прислонил винтовку к стене, потянулся, взвалил винтовку на плечо и пошел на мост. Ансельмо припал к земле, Роберт Джордан убрал бинокль в карман и спрятал голову за ствол сосны.

– Там семь человек во главе с капралом, – прошептал Ансельмо в ухо Роберту Джордану. – Так мне сказал цыган.

– Подождем, когда он отойдет подальше, и уходим, – сказал Роберт Джордан. – Пока он еще слишком близко.

– Ты увидел все, что тебе нужно?

– Да. Все, что мне нужно.

Теперь, после захода солнца, стало быстро холодать, и по мере того как меркли его последние отблески, доходившие из-за гор, темнело.

– Ну и как тебе? – тихо спросил Ансельмо, провожая взглядом часового, направлявшегося к дальней будке, штык на его винтовке посверкивал в отражении солнечных лучей, и фигура в плащ-палатке казалась бесформенной.

– Очень хорошо, – ответил Роберт Джордан. – Очень-очень хорошо.

– Я рад, – сказал Ансельмо. – Ну что, пошли? Теперь он нас уже никак не увидит.

Часовой стоял к ним спиной у дальнего конца моста. Со дна горловины доносился шум перекатывающейся через камни воды. А потом вдруг сквозь этот шум стал пробиваться другой – ровный приглушенный гул; они увидели, как часовой поднял голову так, что вязаная шапка сползла на затылок, и, тоже посмотрев вверх, заметили высоко в вечернем небе три моноплана, летевших клином и казавшихся крохотными серебристыми точками на той высоте, которую все еще освещало солнце; сопровождаемые размеренным рокотом двигателей, они с неправдоподобной скоростью пересекали небо.

– Наши? – спросил Ансельмо.

– Похоже, да, – ответил Роберт Джордан, хоть и понимал, что на такой высоте определить это наверняка невозможно. Это мог быть вечерний патруль с любой стороны. Но, глядя на летящие над головой истребители, всегда хочется сказать, что они наши, потому что это действует на людей успокаивающе. Другое дело бомбардировщики.

Видимо, и Ансельмо чувствовал то же самое, потому что сказал:

– Да, это наши. Я их знаю – это «мухи»¹³.

– Да, – подтвердил Роберт Джордан, – мне тоже кажется, что это «мухи».

– «Мухи», точно, – обрадовался Ансельмо.

Роберт Джордан мог бы навести бинокль и без труда выяснить, что это за самолеты, но предпочел не выяснять. В данный момент это не имело для него никакого значения, а если старику было спокойней считать, что самолеты наши, он не хотел его разочаровывать. Хотя теперь, когда машины удалялись в сторону Сеговии, они уже не походили на зеленую с красными оконечностями низко посаженных крыльев русскую модификацию «Боинга Р-32», которую здесь называли «мухами». Раскраска видна не была, но силуэт отличался. Нет. Это фашистские разведчики возвращались домой.

Часовой по-прежнему стоял у дальней будки спиной к ним.

– Пошли, – сказал Роберт Джордан и стал взбираться в гору, двигаясь осторожно и прячась за деревьями, пока не достиг места, откуда их уже нельзя было видеть с моста. Тут он остановился и подождал старика, шагавшего в сотне ярдов позади него. Выйдя вперед, тот повел его за собой, уверенно карабкаясь в темноте по крутому склону ущелья.

– У нас очень сильная авиация, – радостно сказал старик.

– Да.

– И мы победим.

– Должны победить.

– Да. А после того как мы победим, приезжай к нам поохотиться.

– На кого?

– На кабана, на медведя, на волка, на горного козла...

– Ты любишь охотиться?

– А как же, друг. Больше всего на свете. У нас в деревне все – охотники. А ты что, не любишь?

– Нет, – ответил Роберт Джордан. – Мне не нравится убивать животных.

– А мне, наоборот, не нравится убивать людей, – сказал старик.

– Никому не нравится, если у него с головой все в порядке, – сказал Роберт Джордан. – Но когда необходимо, я не возражаю. Когда ради общей цели.

– Ну, это другое дело, – сказал Ансельмо. – У меня в доме – когда у меня еще был дом, теперь-то его нет – висели клыки кабана, которого я застрелил в лесу у подножия гор. А еще у меня были волчьи шкуры. Волков я убил зимой, гнался за ними по снегу. Один был здоровенный, я его застрелил как-то под вечер в ноябре на краю деревни, когда возвращался домой. У меня на полу лежало четыре волчьих шкуры, вытоптанные уже, но все равно – волчьи шкуры. А еще висели козлиные рога, того козла я убил высоко в Сьерре. И еще у меня было чучело орла, его мне сделал один чучельник в Авиле: крылья вразмах, глаза желтые, прямо как у настоящего живого орла. Очень красивая была вещь. И мне приятно было на все это смотреть.

– Ну да, – сказал Роберт Джордан.

– А на двери церкви в моей деревне была прибита лапа медведя, которого я завалил весной: я его увидел на склоне в снегу, он этой самой лапой бревно ворочал.

– Когда это было?

– Шесть лет назад. И каждый раз, когда я видел эту прибитую к двери лапу, она мне казалась человеческой рукой, только с длинными когтями, и мне было очень приятно.

– Гордился?

¹³ Имеются в виду советские истребители ИИ-16, полученные Испанской Республикой из Советского Союза осенью 1936 года и впервые использованные в боевой обстановке во время Гражданской войны в Испании. Ужас встречи с внезапно появившимися ИИ-16 у противника республиканцев первоначально был столь велик, что они дали ему прозвище «рата» (крыса), сами же республиканцы ласково называли своего защитника «моска» (mosca) – муха.

– Да, гордился, когда вспоминал, как встретился с медведем тогда, ранней весной на склоне. А вот когда человека, такого же, как ты сам, убиваешь, ничего хорошего в памяти не остается.

– Ну да, его лапу к церковной двери не прибьешь, – заметил Роберт Джордан.

– Не прибьешь. Такую дикость и представить себе невозможно. Хотя человеческая рука и похожа на медвежью лапу.

– Да и грудь человека напоминает грудь медведя, – сказал Роберт Джордан. – Если шкуру содрать, видно, что у них много одинаковых мышц.

– Да, – согласился Ансельмо. – Цыгане верят, что медведь человеку брат.

– Американские индейцы тоже. Поэтому, когда они убивают медведя, они винятся и просят у него прощения. А потом оставляют его голову на дереве и, прежде чем уйти, опять просят у него прощения.

– Цыгане считают медведя братом человека потому, что у него под шкурой такое же туловище, потому, что он пьет пиво, любит музыку и умеет танцевать.

– И индейцы так же считают.

– Значит, индейцы – все равно что цыгане?

– Нет. Но насчет медведя они думают одинаково.

– Ну, ясно. Еще цыгане верят, что медведь – брат, потому что он ворует ради удовольствия.

– А в тебе есть цыганская кровь?

– Нет. Но я много их перевидал на своем веку, особенно после начала войны. Тут в горах их полно. У них не считается грехом убить того, кто не их племени. Они этого не признают, но это правда.

– Как у марокканцев.

– Ага. Но у цыган, хоть они и говорят, что это не так, есть много своих законов. Война многих цыган опять сделала плохими, такими, какими они были в старые времена.

– Они не понимают, из-за чего идет война, не знают, за что мы воюем.

– Это да, – согласился Ансельмо. – Они знают только, что сейчас – война и что можно убивать, как в старые времена, безнаказанно.

– А ты убивал? – спросил Роберт Джордан, чувствуя, что объединяющая их темнота и день, проведенный вместе, позволяют задать такой глубоко личный вопрос.

– Да. Несколько раз. Но радости мне это не принесло. По мне, людей убивать – грех. Даже фашистов, которых мы должны убивать. Я считаю, что есть большая разница между медведем и человеком, и не верю в цыганские байки про родство людей со зверями. Нет. Я против того, чтобы убивать людей вообще.

– Тем не менее ты убивал.

– Да. И буду убивать. Но если выживу, постараюсь жить, никому не причиняя зла, чтобы заслужить прощение.

– Чье?

– Кто знает? Раз у нас тут теперь нет ни Бога, ни Его Сына, ни Духа Святого, кто прощает? Я не знаю.

– У вас больше нет Бога?

– Нет. Эх, друг. Конечно, нет. Если бы Он был, Он бы никогда не допустил то, что мне довелось видеть своими глазами. Пусть уж Бог будет *у них*.

– Они утверждают, что Он с ними.

– Ясное дело. Мне Его не хватает, потому что меня растили в вере. Но сейчас каждый должен отвечать за себя сам.

– Значит, ты сам и должен будешь простить себя за то, что убивал.

– Наверное, – сказал Ансельмо. – Раз ты так просто это сказал, значит, так оно и должно быть. Только, есть Бог или нет Его, все равно убивать грешно. По мне, забрать жизнь у другого – поганое дело. Я, конечно, не отступлюсь, когда понадобится, но я – не Пабло, я другой породы.

– Чтобы победить в войне, приходится убивать врагов. Так всегда было.

– Это ясно. На войне мы должны убивать. Но у меня на этот счет есть свои мысли, – сказал Ансельмо.

Теперь они шли рядом в темноте, и он говорил тихо, время от времени оглядываясь.

– Я бы не стал убивать даже епископа. Даже какого-нибудь хозяина-кровопийцу. Я бы заставил их до конца жизни гнуть спину каждый день так, как мы ее гнули на их полях или в горах на лесоповале. Чтобы они поняли, для чего человек рождается на свет. Чтобы они спали там, где спим мы. Ели то, что едим мы. Но главное – чтобы они трудились. Вот это была бы им наука.

– А они выживут и снова подомнут тебя под себя.

– Смерть их все равно ничему не научит, – сказал Ансельмо. – Их невозможно уничтожить, потому что из их семени выйдет еще больше таких же, как они, и ненавидеть они будут еще сильнее. Тюрьма тоже ничего не дает. Тюрьма рождает только ненависть. Это должны знать все наши враги.

– И все-таки ты убивал.

– Да, – согласился Ансельмо. – Много раз, и буду убивать еще. Но против своей воли, и всегда буду считать это грехом.

– А часовой? Ты же предлагал его убить.

– Это была шутка. Да, я убил бы часового. Не раздумывая и с легким сердцем, потому что знал бы, что это нужно для нашего дела. Но мне бы это не понравилось.

– Ну, тогда оставим убийство тем, кому оно нравится, – сказал Роберт Джордан. – Восемь и пять – всего тринадцать. Для тех, кому нравится.

– Таких много, – в темноте произнес Ансельмо. – У нас – тоже. Больше, чем годных для боя.

– А ты участвовал в боях?

– Нет, – ответил старик. – В начале войны мы воевали в Сеговии, но нас разбили и пришлось бежать. Я убежал вместе с другими. Мы толком не понимали ни что нужно делать, ни как. А кроме того, у меня был только дробовик с крупной дробью, а у гражданской гвардии – «маузеры». Я не мог попасть в них картечью со ста ярдов, а они, если хотели, могли перестрелять нас с трехсот, как кроликов. И они стреляли, много и хорошо, мы перед ними были – что овцы. – Он помолчал, потом спросил: – Думаешь, на мосту будет бой?

– Не исключено.

– Я до сих пор в бою только деру давал, – сказал Ансельмо. – Не знаю, как поведу себя теперь. Я ведь уже старик. Потому и спросил.

– Я буду рядом с тобой, – пообещал ему Роберт Джордан.

– А ты много раз был в бою?

– Несколько.

– И как ты думаешь, что будет здесь, возле моста?

– Я прежде всего думаю о самом мосте. Мое дело – он. Разрушить этот мост нетрудно. Потом мы продумаем задачи и для остальных. И подготовку. Все будет расписано.

– Мало кто из этих людей умеет читать, – заметил Ансельмо.

– Мы все напишем, но тем, кто не умеет читать, разъясним на словах.

– Я сделаю все, что мне поручат, – сказал Ансельмо, – но не хочу, чтоб вышло опять как в Сеговии. Если будет бой или даже просто перестрелка, я бы хотел точно знать, что мне делать в каждом отдельном случае, чтобы не побежать. Помню, в Сеговии меня так и подмывало пуститься наутек.

– Мы все время будем вместе, – пообещал Роберт Джордан. – И я буду говорить тебе, что делать.

– Ну, тогда порядок, – сказал Ансельмо. – Приказы выполнять я умею.

– Нашей задачей будет мост и бой, если он случится. – Произнесенные в темноте, эти слова самому ему показались немного пафосными, но по-испански это звучало нормально.

– Это будет очень интересно, – сказал Ансельмо, и, услышав, как просто и искренне, безо всякого позерства – и без нарочитой английской сдержанности, и без свойственной романцам бравады – он это произнес, Роберт Джордан подумал о том, как ему повезло с помощником. Осмотрев мост и увидев, сколь несложной была бы задача захватить часовых врасплох и взорвать мост обычным способом, он с досадой вспомнил о приказе Гольца и о том, чем он вызван. Ему не нравился этот приказ, потому что он представлял себе, чем это может обернуться для него и для старика. Для тех, кому предназначено его выполнить, это был явно небезопасный приказ.

Нет, так думать нельзя, одернул он себя, нет людей, застрахованных от неприятных неожиданностей, и ты – не исключение. Ни ты, ни этот старик не имеете никакого значения. Вы – только инструменты, превыше всего – долг. Есть приказ, не тебе его обсуждать, есть мост, и взрыв этого моста может стать поворотным пунктом для будущего всего человечества. И, уж конечно, событием, которое, возможно, изменит ход этой войны. У тебя только одна задача, и ты обязан ее выполнить. Черта с два, тут же возразил он себе. Если бы только одна, все было бы очень просто. Ладно, кончай паниковать, пустозвон, приказал он себе. Подумай о чем-нибудь другом.

И он предался размышлениям о девушке, Марии, о ее коже, волосах и глазах, одинаково золотистых, светло-коричневых; волосы были чуть темнее остального, но они будут казаться более светлыми, когда кожа – гладкая, бледно-золотистая снаружи и словно бы более темная под поверхностью – загорит сильнее. Однако останется такой же гладкой. Должно быть, у нее все тело такое гладкое. А движения угловатые, как будто есть что-то в ней или происходит с ней такое, что ее смущает, и ей кажется, что всем это видно, хотя это не так и существует только в ее воображении. Он вспомнил, как она краснела, когда он смотрел на нее, как сидела, обхватив колени руками, как распахнулся ворот у нее на шее, как топорщилась блузка над упругими чашечками ее груди; при мысли о ней у него перехватило горло и стало трудно переставлять ноги; они с Ансельмо шли молча, пока старик не сказал:

– Ну, теперь осталось пройти через вон те скалы – и мы в лагере.

Когда они стали спускаться через расселину, в темноте раздался мужской голос: «Стой! Кто идет?» Они услышали звук передергиваемого на винтовке затвора.

– Товарищи, – ответил Ансельмо.

– Какие еще товарищи?

– Товарищи Пабло, – пояснил старик. – Ты что, нас не знаешь?

– Знаю, – ответил голос, – но у меня – приказ. Пароль знаете?

– Нет. Мы идем снизу.

– Я знаю, – сказал голос из темноты. – Вы ходили к мосту. Я все знаю. Но приказ не я отдавал. Вы должны сказать ответ на пароль.

– А первая половина пароля какая? – спросил Роберт Джордан.

– Я ее забыл. – Из темноты донесся смех. – Ладно, мать вашу, идите уже к костру и своему долбаному динамиту.

– И это называется партизанской дисциплиной, – вздохнул Ансельмо. – Ружье-то поставь на предохранитель.

– Уже поставил, – ответил из темноты мужчина. – Я перевел его вниз большим и указательным пальцами.

– Вот будет у тебя когда-нибудь «маузер», попробуй на нем такое сделать, у «маузера» на затворе нет насечки, он сразу выстрелит.

– А это и есть «маузер», – сказал часовой. – Но у меня в пальцах сила – ты и представить себе не можешь какая. Я всегда так предохранитель спускаю.

– А куда сейчас дуло смотрит? – в темноте спросил Ансельмо.

– На тебя, – ответил часовой, – и пока я предохранитель спускал, тоже на тебя смотрело. Ты, слушай, когда до лагеря доберешься, скажи там, чтоб меня кто-нибудь сменил, потому что я жрать хочу как зверь, мать их, и пароль забыл.

– Как тебя зовут? – спросил Роберт Джордан.

– Агустин, – ответил часовой. – Меня зовут Агустин, и я тут скоро от тоски подохну.

– Мы передадим твою просьбу, – пообещал Роберт Джордан и подумал, что ни на одном другом языке, кроме испанского, крестьянин никогда бы не употребил такое слово, как тоска – *aburrimiento*. А вот для испанца, к какому бы классу он ни принадлежал, оно – самое что ни на есть обычное.

– Послушай, – сказал Агустин, подходя ближе и кладя руку Роберту Джордану на плечо. Потом чиркнул кремнем по огниву, поджег трут, раздул огонек и, подняв его повыше, осветил лицо молодого человека. – Ты похож на того, другого, – сказал он, – но немного другой. Слушай... – он опустил трут и оперся о ружье, – ...ты мне вот что скажи: это правда насчет моста?

– А что насчет моста?

– Что мы взорвем этот долбаный мост к чертовой матери, а потом сами должны будем с этих гор к чертовой матери катиться?

– Этого я не знаю.

– Ах, *ты* не знаешь! – огрызнулся Агустин. – Ну, ты даешь! А чей же тогда динамит?

– Мой.

– И ты не знаешь, для чего он? Не пудри мне мозги!

– Я знаю, для чего он, и ты в свое время узнаешь, – ответил Роберт Джордан. – А сейчас мы идем в лагерь.

– Да иди ты знаешь куда, – сказал Агустин. – Мать твою! Хочешь, я скажу тебе кое-что?

– Скажи, – ответил Роберт Джордан, – только если сумеешь без «мать твою». – Этот человек, Агустин, так пересыпал свою речь непристойными словами, присоединяя их к каждому существительному в качестве прилагательных и облекая в форму глаголов, что Роберту Джордану стало интересно, сможет ли он составить фразу без них.

Агустин рассмеялся в темноте, услышав ругательство из уст молодого человека, и ответил:

– Ну, так уж я привык разговаривать. Может, это и плохо, кто знает? Каждый говорит как ему удобно. Послушай. На мост мне плевать. На мост и на многое другое. Кроме того, меня уже с души воротит от этих гор, надо будет – уйдем. Чихал я на эти горы. Но одну вещь я тебе скажу: стереги хорошенько свой динамит.

– Спасибо, – ответил Роберт Джордан. – От тебя?

– Нет, – сказал Агустин. – От тех, кто не горазд ругаться, как я.

– И что дальше?

– Ты же понимаешь по-испански, – уже серьезно сказал Агустин. – Присматривай хорошенько за своей гребаной взрывчаткой.

– Спасибо.

– Нет, не надо меня благодарить. Просто следи за своим имуществом.

– С ним что-нибудь случилось?

– Нет, а то зачем бы я стал терять время на такие разговоры?

– В любом случае спасибо. А теперь мы идем в лагерь.

– Давайте, – сказал Агустин, – и пусть пришлют кого-нибудь, кто знает пароль.

– Мы с тобой увидимся в лагере?

– А то. И очень скоро.

– Пошли, – сказал Роберт Джордан, обращаясь к Ансельмо.

Теперь они шли по краю луга, утопая в сером тумане. После лесного настила из сухой хвои трава под ногами казалась особенно пышной, от обильной росы чувяки на веревочной подошве промокли насквозь. Впереди между деревьями забрезжил свет, и Роберт Джордан догадался, что это вход в пещеру.

– Агустин очень хороший человек, – сказал Ансельмо. – Правда, насмешничает вечно и язык у него как помело, но вообще-то он надежный.

– Ты его хорошо знаешь?

– Да. И давно. Я ему верю.

– И тому, что он сказал, тоже?

– Да, парень. Этот Пабло, как ты сам видел, совсем скурвился.

– И что теперь делать?

– Надо, чтобы кто-то все время охранял взрывчатку.

– Кто?

– Ты. Я. Старуха и Агустин – раз он сам чует опасность.

– И давно тут все так плохо?

– Нет, – ответил Ансельмо. – Просто все покатилося в тартарары очень быстро. Но нам все равно нужно было сюда прийти. Это земля Пабло и Глухого. Они здесь хозяева, и раз уж в одиночку мы справиться не можем, придется иметь с ними дело.

– А как Глухой?

– Он в порядке, – сказал Ансельмо. – Этот настолько же хорош, насколько плох другой.

– Значит, ты считаешь, что Пабло совсем ненадежный?

– Я весь день про это думал, а после того как мы услышали то, что услышали, окончательно уверился: да, так и есть.

– Может, лучше сказать, что приказ изменили, что велено взорвать другой мост, и уйти, договориться с людьми из других отрядов?

– Нет, – сказал Ансельмо. – Это его земля. Тут шагу ступить нельзя, чтобы он об этом не узнал. Но надо быть очень осторожными.

Глава четвертая

Они подошли ко входу в пещеру, завешенному попоной, из-под нижнего края которой пробивался свет. Мешки стояли у подножия дерева, укрытые брезентом. Роберт Джордан в темноте опустил на колени и ощупал намокший, заглубевший брезент. Просунув руку под него, он нашарил внешний карман одного из мешков, достал из него фляжку в кожаной оплетке и сунул ее в карман. Потом отомкнул висячие замочки, скреплявшие концы пропущенных через кольца ремешков, которые стягивали горловины мешков, открыл мешки и на ощупь проверил их содержимое. На дне первого лежали брикеты скрепленных динамитных шашек в холщовых мешочках, завернутые в спальник; Роберт Джордан снова стянул ремешки на горловине мешка и защелкнул замочек. После этого он просунул руки во второй мешок и ощупал острый контур деревянного бокса старого детонатора, коробку из-под сигар, в которой лежали капсулы (каждый маленький цилиндр был обмотан двумя проводами, и все вместе они были упакованы с той же осторожностью и тщательностью, с какими он в детстве упаковывал свою коллекцию птичьих яиц), ложу автомата, отсоединенную от ствола и обернутую кожаной курткой; в одном из внутренних карманов находились два автоматных диска с пятью магазинами к ним, в другом – маленькие мотки медной проволоки и большой моток легкого изолированного провода. В кармане с проволокой он нащупал также плоскогубцы и два деревянных шила – чтобы протыкать отверстия в брикетах взрывчатки, а из третьего внутреннего кармана достал большую коробку русских папирос из запаса, полученного в штабе Гольца, после чего стянул горловину мешка, вставил замочек в кольца, защелкнул его, прикрыл кожаным клапаном и снова обернул оба мешка брезентом. Ансельмо к тому времени уже ушел в пещеру.

Роберт Джордан отправился было вслед за ним, но передумал, вернулся, откинул брезент, взял по мешку в обе руки и, едва отрывая от земли, потащил их ко входу в пещеру. Поставив один мешок на землю, он отвел в сторону край попоны, придержал его головой и, снова поднимая мешки за кожаные ляжки, вошел с ними в пещеру.

Там было тепло и дымно. У одной стены стоял стол, на нем горела сальная свеча, воткнутая в горлышко бутылки, за столом сидели Пабло, три незнакомых мужчины и цыган Рафаэль. Свечной фитиль отбрасывал тени на стену за их спинами, еще не успевший сесть Ансельмо стоял справа от стола. В углу пещеры над открытым очагом склонилась жена Пабло. Девушка, стоя рядом с ней на коленях, мешала деревянной ложкой в чугунном котле. Вынув ложку из варева, она посмотрела на Роберта Джордана, остановившегося у входа; оттуда, в свете пламени, которое с помощью мехов раздувала в очаге жена Пабло, ему были видны лицо девушки, ее рука и капли, стекавшие с ложки в котел.

– Что это ты принес? – спросил Пабло.

– Свои вещи, – ответил Роберт Джордан и поставил мешки на небольшом расстоянии друг от друга в стороне от стола, где пещера расширялась.

– А чем им плохо было снаружи? – спросил Пабло.

– Кто-нибудь может в темноте споткнуться о них, – ответил Роберт Джордан и, подойдя к столу, положил на него коробку папирос.

– Я не хочу, чтобы динамит лежал в пещере, – сказал Пабло.

– Он будет далеко от огня, – ответил Роберт Джордан. – Угощайтесь. – Он прорезал ногтем большого пальца края картонной коробки с большим красочным военным кораблем, изображенным на крышке, и, откинув ее, пододвинул коробку Пабло.

Ансельмо принес ему табуретку с сиденьем из сыромятной кожи, и он подсел к столу. Пабло посмотрел на него так, словно собирался что-то сказать, но, видимо, передумал и взял папиросы.

Роберт Джордан подвинул коробку остальным. Он не смотрел на них, но краем глаза заметил, что один мужчина взял папиросы, а двое других – нет, все его внимание было сосредоточено на Пабло.

– Как дела, цыган? – спросил он у Рафаэля.

– Хорошо, – ответил цыган. Роберт Джордан догадался, что они говорили о нем, когда он вошел, потому что даже цыган чувствовал себя неловко.

– Как думаешь, она тебя еще раз покормит? – спросил цыгана Роберт Джордан.

– Да. С чего бы ей меня не покормить? – ответил тот. От шутливо-приветливой атмосферы их дневного разговора теперь не осталось и следа.

Жена Пабло молчала, продолжая раздувать угли в очаге.

– Человек по имени Агустин говорит, что умирает от тоски там, наверху, – сказал Роберт Джордан.

– Перебьется, – ответил Пабло. – Пусть еще немного поумирает.

– Вино есть? – спросил Роберт Джордан, не обращаясь ни к кому конкретно, и, подавшись вперед, положил руки на стол.

– Осталось немного, – угрюмо ответил Пабло. Роберт Джордан решил, что пора познакомиться с остальными и понять, на что он может рассчитывать.

– Ну, в таком случае выпьем воды. Эй! – крикнул он девушке. – Принеси-ка мне кружку воды.

Девушка посмотрела на жену Пабло, но та не проронила ни звука, словно и не слышала ничего, тогда девушка пошла к котелку с водой, зачерпнула из него полную кружку, принесла и поставила ее на стол перед Робертом Джорданом. Тот улыбнулся ей. Одновременно он втянул живот, слегка развернулся на табуретке влево, чтобы висевший на поясе пистолет оказался поближе, и сунул руку в карман. Пабло наблюдал за ним. Роберт Джордан знал наверняка, что за ним наблюдают и остальные, но его взгляд был устремлен только на Пабло. Когда он вынул руку из кармана, в ней оказалась фляжка в кожаной оплетке, он отвинтил крышку, выпил полкружки воды и очень медленно влил в другую половину жидкость из фляги.

– Для тебя это слишком крепко, а то я бы тебя угостил, – сказал он девушке и снова улыбнулся ей, потом повернулся к Пабло и добавил: – Тут совсем мало осталось, а то бы я и тебе предложил.

– Я не люблю анисовую, – ответил Пабло.

В резком запахе, поплывшем над столом, он уловил знакомый дух.

– Ну и хорошо, – сказал Роберт Джордан. – А то совсем мало осталось.

– Это что за штука такая? – спросил цыган.

– Лекарство, – ответил Роберт Джордан. – Хочешь попробовать?

– Лекарство – от чего?

– От всего, – сказал Роберт Джордан. – Оно все лечит. Если у тебя что-нибудь не в порядке, оно и тебе поможет.

– Ну-ка дай попробовать, – сказал цыган.

Роберт Джордан пододвинул ему кружку. Соединившись с водой, жидкость приобрела молочно-желтый цвет, и он понадеялся, что цыган больше одного глотка не выпьет. У него осталось совсем немного, а кружка этого напитка заменяла ему вечерние газеты, былые вечера, проведенные в кафе, каштаны, которые как раз сейчас должны были быть в цвету, крупных неторопливых лошадей на внешнем кольце бульваров, книжные лавки, киоски и художественные галереи, парк Монсури, стадион «Буффало», «Бют-Шомон», «Гэранти траст компани», Ситэ, старинный отель «Фуайо» и возможность почитать и отдохнуть вечером – все то, что он любил и почти забыл теперь и что возвращалось к нему с глотком этой мутноватой, горькой, охлаждающей язык и согревающей мозг и желудок, меняющей представления о жизни текучей алхимии.

Цыган скорчил гримасу и отодвинул кружку.

– Пахнет анисом, а на вкус – горькое, как желчь, – сказал он. – Лучше уж болеть, чем пить такое лекарство.

– Это полынь, – объяснил ему Роберт Джордан. – В настоящем абсенте, таком, как этот, всегда есть полынь. Считается, что он сушит мозги, но я в это не верю. Просто он изменяет взгляд на окружающее. Нужно вливать воду в него, очень медленно, по капле, а я, наоборот, влил его в воду.

– О чем это ты? – сердито спросил Пабло, чувствуя в словах Роберта Джордана насмешку.

– Объясняю действие лекарства, – ответил тот и усмехнулся. – Я купил его в Мадриде. Это была последняя бутылка, и мне ее хватило на три недели. – Он сделал большой глоток и почувствовал, как приятно немеет смоченный абсентом язык. Взглянув на Пабло, он снова усмехнулся и спросил:

– Как идут дела?

Пабло не ответил, и Роберт Джордан стал внимательно разглядывать троих незнакомых мужчин за столом. У одного из них было крупное плоское лицо, коричневое, как серранская ветчина, со сломанным приплюснутым носом; оттого, что тонкая русская папироса торчала у него изо рта под углом, оно казалось еще более плоским. В его коротко стриженных волосах и щетине на подбородке обильно проступала седина, традиционная черная рубаша была застегнута до самой шеи. Когда Роберт Джордан посмотрел на него, он сидел, уставившись в стол, но взгляд у него был жесткий и немигающий. Двое других явно были братьями. Они очень походили друг на друга: смуглые, невысокие, коренастые, с темными волосами, низкими лбами и черными глазами. У одного лоб над левой бровью пересекал шрам; на взгляд Роберта Джордана оба ответили спокойным твердым взглядом. Одному, судя по всему, было лет двадцать шесть – двадцать восемь, другому – года на два больше.

– На что это ты уставился? – спросил тот, что со шрамом.

– На тебя, – ответил Роберт Джордан.

– Увидел что-нибудь диковинное?

– Нет. Хочешь папиросу?

– Ну, давай, – сказал мужчина. До того он к папиросам не притрагивался. – Они такие же, как были у того, другого – ну, который поезд взрывал.

– А ты там тоже был?

– Все мы там были, – спокойно ответил мужчина. – Все, кроме старика.

– Что нам теперь надо, так это еще один поезд, – сказал Пабло.

– Это можно, – отозвался Роберт Джордан. – После моста.

Он заметил, что жена Пабло, повернувшись от очага, теперь слушает разговор. Когда он произнес слово «мост», все затихли.

– После моста, – намеренно повторил он и отпил еще глоток абсента, подумав: какой смысл влиять, все равно придется говорить начистоту.

– Я в это ввязываться не буду, – сказал Пабло, уставившись в стол. – Ни я, ни мои люди. Роберт Джордан промолчал. Потом, подняв кружку, взглянул на Ансельмо.

– Тогда мы сделаем это сами, старик, – сказал он и улыбнулся.

– Без этого труса, – согласился Ансельмо.

– Что ты сказал? – Пабло поднял взгляд на старика.

– Тебе – ничего, – ответил тот. – Я не с тобой разговаривал.

Роберт Джордан посмотрел поверх стола туда, где у очага стояла жена Пабло. Она пока не произнесла ни слова и даже не подала виду, что слышит разговор, но теперь сказала девушке что-то, чего он не разобрал, та поднялась, отошла от очага, проскользнула вдоль стены, приподняла попону, закрывавшую вход в пещеру, и вышла. Ну, кажется, начинается, подумал Роберт Джордан. Да, наверняка. Я не хотел, чтобы все вышло так, но, похоже, именно так оно и будет.

– Мы взорвем мост без твоей помощи, – сказал он Пабло.

– Нет, – возразил Пабло, и Роберт Джордан заметил, как на его лице выступила испарина. – Ты не будешь взрывать здесь никаких мостов.

– Не буду?

– Нет. Никаких мостов, – мрачно повторил Пабло.

– А ты что скажешь? – обратился Роберт Джордан к жене Пабло, чья неподвижная мощная фигура все так же возвышалась у очага. Повернувшись к ним, женщина произнесла:

– Я – за мост.

В отблесках пламени ее смуглое лицо казалось разбурявшимся, сиявшим особым теплом и красивым, каким, в сущности, и было.

– Ты что несешь? – крикнул ей Пабло, и Роберт Джордан увидел в его взгляде боль человека, которого предали, капли пота потекли у него по лбу.

– Я сказала, что я – за мост и против тебя, – спокойно ответила жена Пабло. – Больше ничего.

– Я тоже за мост, – вступил человек с плоским лицом и сломанным носом, давя окуроченный стол.

– Мне на мост наплевать, – сказал один из братьев. – Но я – за *mujer* Пабло.

– И я, – подхватил другой брат.

– И я, – присоединился цыган.

Не сводя глаз с Пабло, Роберт Джордан незаметно все ниже опускал правую руку, готовый, если понадобится – и даже почти надеясь, что понадобится, – действовать (он чувствовал, что, быть может, это было бы самым простым и легким решением, но, зная, как быстро в случае ссоры семья, клан, отряд спланиваются против чужака, боялся нарушить достигнутое согласие и, тем не менее, понимал: то, что можно сделать одним движением руки, в создавшейся ситуации было бы самым простым, наилучшим и пусть радикальным, но здравым поступком). Продолжая наблюдать за Пабло, он в то же время видел, что его жена, раскрасневшись, как краснеют сильные и здоровые люди, стоит с горделивым видом, словно присягая на верность.

– Я – за Республику, – уверенно произнесла она. – А Республике нужно, чтобы этот мост был взорван. Потом у нас будет время, чтобы заняться и другими делами.

– Эх ты! – с горечью сказал Пабло. – У тебя мозги, как у племенного быка, и сердце шлюхи. Ты думаешь, что будет какое-то «потом», если мы взорвем мост? Да ты хоть представляешь, что будет потом на самом деле?

– То, что должно быть, – ответила его жена. – Что должно быть, то и будет.

– И тебе все равно, что нас будут травить, как диких зверей, после этого взрыва, который не принесет нам никакой выгоды? И что мы все вообще можем погибнуть в этой заварухе?

– Да, все равно, – сказала жена Пабло. – И не пытайся запугать меня, трус.

– Трус, – со злостью повторил Пабло. – Ты считаешь человека трусом только потому, что у него есть здравый смысл. Потому, что он знает наперед, чем кончится этот идиотизм. Уметь распознать глупость – это не трусость.

– А распознать трусость – это не глупость, – не сдержавшись, вставил Ансельмо.

– Ты хочешь умереть? – серьезно спросил его Пабло, и Роберт Джордан видел, что вопрос был отнюдь не риторическим.

– Нет.

– Тогда следи за своим языком. Слишком много болтаешь о том, о чем понятия не имеешь. Ты что, не видишь, как это опасно? – Голос Пабло прозвучал почти жалобно. – Похоже, я один среди вас понимаю, насколько это серьезно.

Я тоже понимаю, подумал Роберт Джордан. Эх, старина Пабло, я тоже это понимаю. Кроме тебя – только я. Женщина что-то прочла у меня по руке, но и она еще не понимает. Пока не понимает.

– Даром, что ли, я ваш вожак? – спросил Пабло. – Я знаю, что говорю. А вы – нет. Старик несет чушь. Этот старик – вообще всего лишь посыльный и проводник для нездешних. Иностранец пришел сюда, чтобы сделать то, что нужно им, иностранцам. И ради него мы должны всем пожертвовать? А я – за то, что выгодно и безопасно для всех нас, здешних.

– Безопасно? – сказала жена Пабло. – Какая тут может быть безопасность? Здесь теперь столько тех, кто ищет безопасности, что от них-то главная опасность и происходит. Сейчас искать безопасности значит потерять все.

Теперь она стояла у стола с половником в руке.

– Нет, безопасность существует, – возразил Пабло. – Просто, когда видишь опасность, надо знать, что делать. Это как с матадором, который знает, что делает, зря не рискует и потому избегает опасности.

– Пока не напорется на рога, – с горечью закончила его фразу женщина. – Сколько раз я слышала такие речи от матадоров перед тем, как бык втыкал в них свой рог. Сколько раз Финито говорил, что все зависит от умения и что бык никогда не пропорет человека, скорее уж человек сам себя насадит на рог. Все они так похваляются. А потом мы навещаем их в больнице. – Она изобразила визит к раненому. Сначала пророкотала своим низким голосом: «Ну, привет, ветеран, привет!», потом пропищала, имитируя слабый голос раненого матадора: «*Buenas, Compadre*¹⁴. Как поживаешь, Пилар?» – «Как это случилось, Финито, *chico*¹⁵, как такая пакость могла с тобой приключиться?» – это опять своим, низким раскатистым голосом. И снова слабым, писклявым: «Ерунда, женщина. Не бери в голову, Пилар. Такого не должно было быть. Понимаешь, я убил его, насмерть убил, никто бы не сделал это лучше, чем я. И вот когда я уже, как положено, прикончил его и он шатался на ногах и готов был рухнуть всей своей тушей на землю, я отошел от него, эдак красиво, не без гордости, а он вдруг как кинется на меня сзади и всадил мне рог между ягодицами, да так, что до самой печенки достал». – Она засмеялась и уже не женоподобным тоненьким голосом раненого матадора, а своим собственным добавила: – А ты говоришь про какую-то безопасность! Неужели ты думаешь, что я, прожив девять лет с тремя самыми завальщиками матадорами на свете, ничего не знаю о страхе и опасности? Не тебе рассказывать мне об этом. А ты? Какие надежды я на тебя возлагала – и чем все обернулось! Всего один год на войне – и ты превратился в лентяя, пьяницу и труса.

– Ты не смеешь так со мной говорить, – сказал Пабло. – Тем более при людях и при иностранце.

– Нет, я буду говорить именно так, – продолжила его жена. – Ты что, ничего не слышал? Ты по-прежнему веришь, что все еще командуешь здесь?

– Да, – ответил Пабло. – Я здесь командую.

– Не смей меня, – сказала женщина. – «Я здесь командую!» Ты слышал, что люди сказали? Здесь никто не командует, кроме меня. Если хочешь, можешь остаться, есть и пить вино – только не чересчур, черт тебя дери, – можешь работать вместе с нами, опять же если хочешь. Но командую здесь я.

– Надо бы мне застрелить и тебя, и иностранца, – злобно сказал Пабло.

– Попробуй, – ответила женщина, – увидишь, что будет.

– Дайте-ка мне еще кружку воды, – попросил Роберт Джордан, не отводя взгляда от мужчины с угрюмым, тяжелым лицом и женщины, гордо и уверенно стоявшей перед ним с половником, который она держала решительно, как будто это была палица.

– Мария, – позвала жена Пабло и, когда девушка вошла в пещеру, сказала: – Воды – этому товарищу.

¹⁴ Привет, подруга (исп.).

¹⁵ Малыш (исп.).

Роберт Джордан сунул руку в карман и, пока доставал из него фляжку, незаметно расстегнул кобур и сдвинул ее вперед, после чего вылил остатки абсента в пустую кружку, взял полную, которую принесла девушка, и начал постепенно, тонкой струйкой вливать абсент в воду. Девушка наблюдала за ним, стоя рядом.

– Ступай, – сказала ей жена Пабло, указывая половником на выход.

– Там холодно, – ответила девушка, продолжая наблюдать за реакцией, происходившей в кружке, где алкоголь мутными хлопьями клубился в воде, и при этом едва не касаясь Роберта Джордана щекой.

– Может, там и холодно, – сказала жена Пабло, – зато здесь слишком жарко. – И мягко добавила: – Это ненадолго.

Девушка покачала головой и вышла.

Видимо, долго он это терпеть не будет, подумал Роберт Джордан. В одной руке он держал кружку, другая, теперь уже открыто, покоилась на револьвере. Он снял его с предохранителя и пальцами ощущал успокоительную надежность рукоятки с почти стершейся насечкой и прохладную дружелюбную округлость спускового крючка. Пабло больше не смотрел на него, он не сводил глаз с жены, которая продолжала говорить:

– Послушай меня, забулдыга. Ты понял, кто теперь здесь командует?

– Я.

– Нет. Разлепи свои волосатые уши и слушай. Хорошенько слушай. Командую здесь – я.

По лицу Пабло было невозможно понять, о чем он думает. Он еще какое-то время пристально смотрел на жену, потом перевел взгляд на сидевшего напротив него Роберта Джордана, долго и задумчиво глядел на него, потом снова устремил взгляд на жену.

– Ладно, командуешь ты, – сказал он. – Если хочешь, пусть и он командует. И катитесь вы оба в преисподнюю. – Он смотрел ей прямо в глаза, и в его взгляде не было ни покорности, ни горечи поражения. – Может, я действительно обленился и слишком много пью. Можешь считать меня трусом, хотя это не так. Но я не дурак. – Он помолчал. – Давай, командуй и радуйся. Но если ты не только командирша, но еще и женщина, то дай нам что-нибудь поесть.

– Мария! – позвала жена Пабло. Девушка, отодвинув завесу, просунула голову внутрь. – Иди сюда, ужин подавать будем.

Девушка прошла к очагу, взяла с низенького стола эмалированные миски и расставила их на большом столе.

– Вина хватит на всех, – сказала Роберту Джордану жена Пабло. – Не обращай внимания на то, что говорит этот пьяница. Когда сделаем дело, достанем еще. Допивай свою болтушку и возьми кружку вина.

Роберт Джордан залпом проглотил остатки абсента, почувствовав, как постепенно разливается по телу возбуждающий влажный жар, меняющий химический состав организма, и протянул кружку за вином. Девушка наполнила ее до краев и улыбнулась ему.

– Ну что, посмотрел мост? – спросил его цыган. Остальные, еще ни разу не открывшие рта после смены подданства, склонились вперед, чтобы лучше слышать.

– Да, – ответил Роберт Джордан. – Задача нетрудная. Хотите, покажу?

– Да, давай. Это очень интересно.

Роберт Джордан достал из нагрудного кармана блокнот и показал свои чертежи.

– Глянь-ка, – сказал человек с плоским лицом, которого называли *Primitivo* – Простак. – Это ж тот самый мост.

Пользуясь кончиком карандаша как указкой, Роберт Джордан объяснил, как будет взорван мост и почему заряды нужно заложить именно в этих местах.

– Как просто, – сказал брат со шрамом, которого звали Андресом. – А как их подорвать?

Роберт Джордан стал объяснять и это; водя карандашом по чертежу, он почувствовал на своем плече руку девушки, которая заглядывала в блокнот из-за его спины. Жена Пабло тоже

следила за объяснениями. Только Пабло не проявлял никакого интереса, он сидел в стороне, один, с кружкой вина, которую пополнял время от времени, зачерпывая из большой миски – Мария влила в нее вино из бурдюка, висевшего слева от входа в пещеру.

– Ты много раз это делал? – тихо спросила Роберта Джордана девушка.

– Да.

– А мы сможем увидеть, как это делается?

– Конечно. Почему бы нет.

– Ты увидишь, – зловеще произнес Пабло со своего конца стола. – Обязательно увидишь.

– Заткнись, – сказала ему жена и вдруг, вспомнив то, что она днем прочла по руке Роберта Джордана, неоправданно дико разозлилась. – Заткнись, трус! Каркаешь, как ворона! Заткнись, убивец!

– Ладно, – ответил Пабло. – Я заткнусь. Теперь же ты тут командуешь. А ты давай, разглядывай картинки дальше. Только помни, что я – не дурак.

Жена Пабло почувствовала, как гнев сменяется в ней печалью и предчувствием крушения всех ожиданий и надежд. Это чувство было знакомо ей с детства, и всю жизнь ее преследовало то, что его порождает. Сейчас оно обрушилось на нее внезапно, и, стараясь отогнать его от себя, не дать ему ее коснуться – ни ее, ни Республики, – она сказала:

– А теперь давайте есть. Мария, раскладывай еду по мискам.

Глава пятая

Роберт Джордан отвел в сторону лошадиную попону, закрывавшую вход в пещеру, и, выйдя наружу, глубоко вдохнул холодный ночной воздух. Туман рассеялся, на небе высыпали звезды. Ветра не было, и после душного воздуха пещеры, густо наполненного табачным дымом и чадом от очага, духом жареного мяса и риса, сдобренного шафраном и душистым перцем, оливкового масла, дегтя, пропитавшегося вином огромного бурдюка, подвешенного за горловину на стене рядом со входом, с торчащими в стороны четырьмя ногами, в одной из которых было проделано отверстие, заткнутое пробкой, – когда вино из него наливали в миску, немного влаги просачивалось на землю, заглушая запах пыли, – после ароматов безымянных для него трав, пучками развешанных под потолком вместе с длинными косичками чеснока, после привкуса грошового красного вина и чеснока, после зловония человеческого и конского пота, впитавшегося в одежду сидевших за столом мужчин со взмыленных боков лошадей (человеческий – едкий и тяжелый, лошадиный – сладковато-тошнотворный), – после всего этого Роберт Джордан с особым удовольствием глубоко вобрал в себя чистый ночной воздух гор, благоухавший соснами и покрытыми росой луговыми травами у ручья. Когда ветер стих, роса обильно пала на землю, но, оглядевшись, Роберт Джордан подумал, что к утру подморозит.

Так, дыша полной грудью, он вслушивался в ночь и слышал сначала отдаленный звук выстрела, потом уханье совы откуда-то снизу, из леса, где находился загон для лошадей. А потом из пещеры донеслись легкие аккорды гитары и пение цыгана:

Завещал мне батюшка щедрое наследство...

– нарочито низкий голос резко взмыл вверх, замер на секунду, потом продолжил:

*Свет луны на небе, летний солнца жар.
Сколько ни скитался я с той поры по свету,
Не иссяк отцовский драгоценный дар.*

Каскад легких гитарных аккордов прозвучал рукоплесканиями певцу. Роберт Джордан услышал, как кто-то сказал:

– Здорово! А теперь вжарь что-нибудь каталонское.
– Нет.
– Да! Да! Каталонскую давай!
– Ну, ладно, – сдался цыган и похоронным голосом затянул:

*Широконосый и чернокожий,
Но человек я все же...*

– Олэ! – подбодрил его кто-то. – Давай, цыган, давай!
Голос цыгана возвысился трагически-насмешливо:

*Не каталонец я, пусть и негр —
Хвала тебе, ласковый Божье!*

– Шуму много, – послышался голос Пабло. – Заткнись, цыган.
– И правда, – подхватил женский голос, – шуму слишком много. Будешь так глотку драть – всю *guardia civil* сюда созовешь, да и голос у тебя противный.

– Я еще одну песенку знаю, – сказал цыган и пробежался по струнам.

– Прибереги ее на потом, – оборвала его женщина.

Гитара смолкла.

– Я сегодня не в голосе, так что вы ничего не теряете, – сказал цыган и, откинув завесу, вышел в темноту ночи.

Роберт Джордан видел, как он направился к дереву, потом повернул в его сторону.

– Роберто, – тихо позвал цыган.

– Да, Рафаэль, – ответил он. По голосу ему было ясно, что цыган навеселе. Он и сам выпил две кружки абсента и еще вина, но из-за стычки с Пабло был так взвинчен, что голова его оставалась холодной и ясной.

– Ты чего не грохнул Пабло? – очень тихо спросил цыган.

– А зачем?

– Тебе все равно придется рано или поздно его убить. Надо было воспользоваться случаем.

– Ты серьезно?

– А чего они все ждали, как ты думаешь? И зачем, по-твоему, Пилар выставила девчонку? Неужели ты веришь, что после всего сказанного можно будет продолжать как прежде?

– Тогда вам самим нужно было его убить.

– Э нет! – тихо сказал цыган. – Это твоё дело. Раза три или четыре мы уж думали, что вот сейчас ты его застрелишь. У Пабло нет друзей.

– Была у меня такая мысль, – признался Роберт Джордан. – Но я от нее отказался.

– Да мы видели. Все заметили, что ты готовишься. Что ж ты так и не решился?

– Подумал, что это может не понравиться вам или женщине.

– Да брось ты. Женщина ждала этого, как шлюха ждет выгодную добычу. Просто ты моложе, чем кажешься на вид.

– Может быть.

– Застрели его сейчас, – подначил цыган.

– Это было бы убийство из-за угла.

– Тем лучше, – очень тихо сказал цыган. – Меньше риска. Ну, давай. Убей его прямо сейчас.

– Я так не могу. Это против принципов, борцы за правое дело так не поступают.

– Ну, так подбей его на ссору. Так или иначе, ты должен его убить. Другого выхода нет.

Пока они разговаривали, между деревьев совершенно бесшумно пролетела сова, камнем бросилась вниз, потом снова взмыла, быстро, но без единого звука маша крыльями, как могут охотиться только птицы.

– Вон, посмотри на нее, – в темноте произнес цыган. – Так должен двигаться и человек.

– А днем так же, как она, ничего не видя, сидеть на дереве, пока вороны не заклюют, – продолжил Роберт Джордан.

– Иногда и так бывает, – согласился цыган, – но редко и только случайно. Убей его, – снова настойчиво повторил он. – Не жди, пока это станет сделать трудней.

– Момент прошел.

– Так верни его. Разозли Пабло. Или сделай по-тихому.

Попона, закрывавшая вход, отодвинулась, и темноту прорезал свет изнутри пещеры. Кто-то вышел и направился к ним.

– Отличная ночь, – произнес бесцветный низкий голос. – Завтра будет хорошая погода. Это был Пабло.

Он курил одну из взятых у Роберта Джордана русских папирос, и его круглое лицо освещалось тусклым огоньком каждый раз, когда он затягивался. В свете звезд они различали очертания его крупной фигуры с длинными руками.

– Не обращай внимания на женщину, – сказал он Роберту Джордану. Кончик папиросы разгорелся на миг и скользнул вниз в опустившейся руке. – С ней иногда бывает трудно. Но вообще она хорошая женщина. И очень предана Республике. – Огонек папиросы теперь слегка подрагивал: должно быть, он говорит, зажав ее в уголке рта, подумал Роберт Джордан. – Между нами не должно быть раздоров. Мы ведь заодно. Я рад, что ты к нам приехал. – Папироса ярко вспыхнула. – Ты на эти ссоры внимания не обращай, – повторил он. – Мы все тебе рады. А теперь ты меня извини: надо пойти проверить, хорошо ли привязали лошадей.

Он направился через перелесок к лугу, и вскоре оттуда, снизу, послышалось лошадиное ржание.

– Видишь? – сказал цыган. – Ну, теперь ты видишь? Случай упущен.

Роберт Джордан не ответил.

– Пойду за ним, – сердито сказал цыган.

– Зачем?

– Зачем-зачем, – передразнил его цыган. – Присмотрю хотя бы, чтоб не сбежал.

– А он может оттуда уехать верхом?

– Нет.

– Тогда лучше иди туда, где его можно перехватить.

– Там есть Агустин.

– Ну так иди поговори с Агустином. Расскажи ему, что тут случилось.

– Агустин с удовольствием прикончит его.

– Тем более, – сказал Роберт Джордан. – Иди и расскажи ему, что тут было.

– И что дальше?

– А я спущусь к лугу, присмотрю за Пабло.

– Вот это дело, друг. Это хорошо. – Роберту Джордану в темноте не было видно лицо Рафаэля, но он догадался, что тот улыбается. – Вот теперь ты молодец, – одобрительно отозвался он.

– Ступай к Агустину, – повторил Роберт Джордан.

– Иду, Роберто, уже иду, – ответил цыган.

На ощупь, от ствола к стволу, Роберт Джордан двинулся через сосняк. На открытом месте, в свете звезд видимость была лучше, и, взглядевшись в противоположный конец луга, он увидел темные силуэты бродивших на привязи лошадей. Их было пять. Роберт Джордан уселся под сосной и стал смотреть вдаль.

Я устал, думал он, и, возможно, рассуждаю не слишком здраво, но у меня приказ – взорвать мост, и я не имею права понапрасну рисковать, пока не выполню его. Конечно, иногда куда рискованней упустить случай, которым следовало бы воспользоваться, но до сих пор я позволял событиям идти своим чередом, и все обходилось. Если верить цыгану и все действительно ждали, что я убью Пабло, нужно было это сделать. Но я вовсе не был уверен, что они действительно этого от меня ждали. Негоже чужаку начинать с убийства одного из тех, с кем предстоит работать. Это можно сделать в ходе операции и при безропотной дисциплине соратников, но в сложившейся ситуации, думаю, это могло обернуться большой неприятностью, хотя искушение было и выход казался самым быстрым и простым. Впрочем, я не верю, что в этой стране что бы то ни было можно сделать быстро и просто, и притом что я полностью доверяю женщине, не знаю, как бы она отреагировала на такое радикальное решение. В таком месте смерть одного из них могла быть воспринята как нечто безобразное, подлое и отвратительное. Кто знает, как бы она к этому отнеслась? Без этой женщины здесь не будет никакой организации и никакой дисциплины, а с ней все может устроиться очень хорошо. Было бы идеально, если бы она сама его убила или цыган (но он этого не сделает), или часовой, Агустин. Ансельмо убьет, если я скажу, что так нужно, хоть и говорит, что он в принципе против убийства. Судя по всему, он ненавидит Пабло, а мне доверяет как представителю того дела, в которое верит.

Только он да женщина тут по-настоящему верят в Республику, насколько я вижу; впрочем, об этом пока рано судить.

Когда его глаза привыкли к свету звезд, он увидел Пабло, стоявшего рядом с одной из лошадей. Лошадь подняла голову, потом снова опустила ее и опять принялась щипать траву. Пабло стоял, прильнув к ней, похлопывая ее по шее и переступая вместе с ней с места на место, насколько позволяла натянутая веревка. Его ласка нервировала лошадь, мешала ей пастись. Роберт Джордан не видел, что делает Пабло, и не слышал, что он говорит лошади, но было ясно, что он не отвязывает и не седлает ее. Он продолжал, сидя под деревом, наблюдать за ним и пытался до конца осмыслить сложившуюся ситуацию.

– Ты моя большая хорошая лошадка, – говорил Пабло своему крупному гнедому жеребцу. – Ты мой любимый белолобый красавец. Шея у тебя – как арка моста в моем родном городе. – Он помолчал. – Но гораздо круче и красивей, чем та арка.

Конь рвал зубами траву, водя головой из стороны в сторону: человек своей болтовней раздражал его.

– Ты-то – не женщина и не дурак, – продолжал отводить душу Пабло. – Ты... о, ты, ты... ты – моя большая лошадка. Ты не то, что эта распаленная бой-баба. И не девчонка с остриженной головой, неуклюжая, как еще не обсохший новорожденный жеребенок. Ты не оскорбишь, не обманешь, ты всегда поймешь. Ты, о, ты... ты моя большая хорошая лошадка.

Роберт Джордан удивился бы, услышь он, что нашептывает Пабло своему гнедому, но он этого не слышал, поскольку, убедившись, что Пабло пришел сюда только для того, чтобы проверить лошадей, и решив, что было бы неразумно убить его здесь, он встал и отправился обратно в пещеру. А Пабло еще долго разговаривал с конем на лугу. Конь, конечно, не понимал того, что говорил ему человек, лишь по интонации догадывался, что тот изливает на него свою нежность, но, простояв весь день в загоне, он был голоден, нетерпеливо общипывал тот участок луга, куда позволяла дотянуться привязь, и человек лишь докучал ему. Наконец человек переставил колышек подальше и теперь уже молча стоял рядом с конем, который продолжал пастись на новом месте, довольный тем, что ему перестали мешать.

Глава шестая

Роберт Джордан сидел в углу у очага на одном из табуретов из сыромятной кожи и слушал, что говорила женщина. Та мыла посуду, а девушка, Мария, вытирала ее и, опустившись на колени, ставила в выдолбленную в стене нишу, которую использовали как полку.

– Странно, – говорила женщина, – что Глухой не пришел. Он должен был быть здесь еще час назад.

– А его звали?

– Нет. Он сам приходит каждый вечер.

– Может, занят? Дело какое-нибудь.

– Может быть, – согласилась она. – Если не придет, надо будет завтра сходить к нему проверить.

– Да. Это далеко?

– Нет. Мне будет полезно прогуляться. Я мало двигаюсь.

– А мне можно? – спросила Мария. – Можно мне тоже пойти, Пилар?

– Да, красавица, – сказала женщина и, повернув свое широкое лицо к Роберту Джордану, спросила: – Правда, она хорошенькая? Как тебе? Худовата, правда.

– На мой взгляд, она выглядит прекрасно, – возразил Роберт Джордан.

Мария наполнила его кружку вином.

– Выпей, – сказала она. – Я покажусь тебе еще лучше. Чтобы счесть меня красивой, нужно много выпить.

– Тогда я лучше остановлюсь, – сказал Роберт Джордан. – Ты уже и так кажешься мне красавицей, и даже больше.

– Вот как надо говорить, – сказала женщина. – Ты говоришь как настоящий мужчина. А что значит «даже больше»?

– Она еще и... умная, – запнувшись, ответил Роберт Джордан.

Мария хихикнула, а женщина печально покачала головой:

– Так хорошо начал и так плохо закончил, дон Роберто.

– Не называй меня дон Роберто.

– Так это же шутка. Мы и Пабло зовем доном Пабло. А Марию – сеньоритой Марией, тоже шутя.

– Я таких шуток не признаю, – сказал Роберт Джордан. – По-моему, на этой войне все должны называть друг друга серьезно – товарищами. С шуточек начинается разложение.

– Я смотрю, ты очень строг насчет политики, – поддразнила его женщина. – Ты что же, никогда не шутишь?

– Ну почему же, я люблю пошутить, но только не насчет обращения друг к другу. Обращение – все равно что знамя.

– А я и про знамя могу пошутить, – рассмеялась женщина. – По мне, шутить можно над чем угодно. Мы, например, старый желто-красный флаг называли «гниль и кровь». А республиканский, когда одну красную заменили на лиловую полосу, стали называть «кровь, гниль и марганцовка». Это ж просто шутка.

– Он – коммунист, – сказала Мария. – А они люди серьезные.

– Ты коммунист?

– Нет, я антифашист.

– Давно?

– С тех пор как понял, что такое фашизм.

– И когда это было?

– Лет десять назад.

– Это не так давно, – сказала женщина. – Я уже лет двадцать – за Республику.
– Мой отец всю жизнь был республиканцем, – сказала Мария. – За это его и убили.
– И мой отец всю жизнь был республиканцем. И дед тоже, – сказал Роберт Джордан.
– Это в какой стране?
– В Соединенных Штатах.
– Его убили? – спросила женщина.
– *Qué va*¹⁶, – сказала Мария, – Соединенные Штаты – страна республиканцев. Там за это не убивают.

– Все равно, хорошо иметь деда-республиканца, – сказала женщина. – Значит, в тебе течет хорошая кровь.

– Мой дед был членом Национального комитета республиканской партии, – сказал Роберт Джордан.

Это произвело сильное впечатление даже на Марию.

– А твой отец до сих пор служит делу Республики? – спросила Пилар.

– Нет. Он умер.

– Не обидишься, если спрошу – как?

– Застрелился.

– Чтобы избежать пытки? – спросила женщина.

– Да, – ответил Роберт Джордан. – Чтобы избежать пытки.

У Марии на глаза навернулись слезы.

– А у моего отца не было оружия. О, я так рада, что твоему отцу повезло достать оружие.

– Да. Ему очень повезло, – сказал Роберт Джордан. – Давайте поговорим о чем-нибудь другом.

– Значит, у нас с тобой много общего, – сказала Мария. Она коснулась его руки и посмотрела ему в лицо. Он тоже смотрел на ее смуглое лицо, в ее глаза, которые, с тех пор как он впервые увидел их, всегда казались ему старше, чем она сама, но сейчас вдруг засветились юношеским голодом и желанием.

– На вид вы – как брат с сестрой, – сказала женщина. – Ваше счастье, что это не так.

– Теперь я понимаю, почему сразу почувствовала то, что почувствовала, – сказала Мария. – Теперь мне ясно.

– *Qué va*, – сказал Роберт Джордан и, протянув руку, погладил ее по голове. Ему весь день хотелось это сделать, и теперь, когда он действительно сделал это, у него перехватило горло. Она потерлась макушкой о его ладонь и, подняв глаза, улыбнулась ему, он ощутил под пальцами густой, но шелковистый ежик ее стриженных волос. Его рука соскользнула ей на шею, потом он убрал ее.

– Сделай так еще раз, – попросила она. – Я весь день об этом мечтала.

– Как-нибудь потом, – ответил Роберт Джордан охрипшим голосом.

– Ну вот, а мне что прикажете делать? – прогудела жена Пабло своим раскатистым голосом. – Спокойно смотреть на это? Думаете, меня это не трогает? Кто бы не растрогался! Хоть бы Пабло вернулся, раз никого получше нет.

Теперь Мария не обращала никакого внимания ни на нее, ни на остальных, игравших в карты за столом при свете свечи.

– Хочешь еще вина, Роберто? – спросила она.

– Да, – ответил он. – Почему бы не выпить?

– Смотри, будет у тебя такой же забуддыга, как у меня, – сказала жена Пабло. – С этой его болтушкой... Послушай, *Inglés*.

– Я не *Inglés*, я американец.

¹⁶ Широко распространенное многозначное испанское восклицание, означающее «ну да», «что ты», «как же» и т. п.

- Ладно, американец. Послушай. Ты где спать собираешься?
- Снаружи. У меня есть спальный мешок.
- Хорошо, – сказала она. – Ночь ясная.
- И будет холодно.
- Значит, снаружи, – сказала она. – Ну, спи снаружи. А твои мешки пусть спят со мной.
- Хорошо, – согласился Роберт Джордан.
- Оставь-ка нас на минутку, – обратился он к девушке, кладя руку ей на плечо.
- Почему?
- Мне нужно поговорить с Пилар.
- Мне уйти?
- Да.
- Что ты хотел мне сказать? – спросила жена Пабло, когда девушка отошла к выходу из пещеры и встала возле огромного бурдюка, наблюдая за игроками.
- Цыган говорит, что мне следовало... – начал он.
- Нет, – перебила его женщина. – Он ошибается.
- Если это необходимо, я... – спокойно, но не без труда выговорил Роберт Джордан.
- ...ты это сделаешь, – продолжила за него женщина. – Я не сомневаюсь. Нет, в этом нет необходимости. Я наблюдала за тобой. Ты решил правильно.
- Но если так нужно...
- Нет, – повторила женщина. – Говорю тебе, не нужно. У цыгана в голове помутилось.
- Но человек, давший слабину, может стать очень опасен.
- Нет. Ты не понимаешь. От *этого* уже опасности ждать не нужно – он весь вышел.
- Не понимаю.
- Ты еще очень молодой, – сказала она. – Поймешь когда-нибудь. – И, повернувшись к девушке, позвала: – Иди сюда, Мария. Мы закончили.
- Девушка подошла, и Роберт Джордан, протянув руку, потрепал ее по волосам. Она снова потерлась головой о его ладонь, как котенок, и ему показалось, что она готова расплакаться. Но ее губы растянулись в улыбке, и она, подняв глаза, посмотрела на него.
- Шел бы ты спать, – сказала женщина Роберту Джордану. – У тебя сегодня был длинный день.
- Хорошо, – согласился тот. – Только вещи возьму.

Глава седьмая

Он спал, упаковавшись в спальный мешок, и, когда проснулся, подумал, что спит уже давно. Мешок он разложил на усыпанной хвоей земле, защищенной выступом скалы, за входом в пещеру; повернувшись во сне, он почувствовал, как в бок ему впился револьвер, который он пристегнул шнурком к запястью и положил у бедра, когда устраивался на ночлег, вконец уморившись за день: ныли плечи и спина, ноги дрожали от усталости, и мышцы были так напряжены, что земля казалась мягкой, поэтому было особенно приятно просто растянуться в мешке под пушистой фланелевой подкладкой. Проснувшись, он не сразу сообразил, где находится, потом вспомнил и, вытащив револьвер из-под бока, с удовольствием приготовился снова погрузиться в сон, положив ладонь на подушку, сооруженную из одежды, в которую были аккуратно завернуты чужаки на веревочной подошве.

Но тут он почувствовал, как кто-то тронул его за плечо, и мгновенно вскинулся, правой рукой схватив внутри мешка револьвер.

– Ах, это ты, – сказал он, отпустив револьвер, выпростал обе руки, притянул ее к себе и ощутил, что она дрожит.

– Забирайся ко мне, – произнес он тихо. – Там холодно.

– Нет. Я не должна...

– Забирайся, – повторил он. – Тогда и поговорим.

Она не переставала дрожать, и он взял ее за запястье одной рукой и нежно обнял за плечи другой. Она отвернулась.

– Иди ко мне, крольчонок, – снова сказал он и поцеловал ее в затылок.

– Я боюсь.

– Не надо бояться. Забирайся.

– Как?

– Просто залезай. Здесь просторно. Хочешь – помогу?

– Нет, – сказала она, но уже в следующий момент оказалась в мешке, и он, крепко прижимая ее к себе, искал ее губы, а она лежала, уткнувшись лицом в импровизированную подушку, но обнимая его за шею. Потом он почувствовал, что ее руки разомкнулись и она снова задрожала.

– Нет, – сказал он и рассмеялся. – Не бойся. Это револьвер.

Он взял его и переложил за спину.

– Мне стыдно, – сказала она, все так же пряча лицо.

– Нет, тебе нечего стыдиться. Здесь. Сейчас.

– Нет, я не должна. Мне стыдно и страшно.

– Да нет же, мой крольчонок. Прошу тебя.

– Я не должна. Если ты меня не любишь.

– Я люблю тебя.

– И я тебя люблю. Ох, я так тебя люблю. Погладь меня по голове, – попросила она, по-прежнему пряча голову в подушку и не глядя на него. Он положил ладонь ей на голову, погладил, и она вдруг оторвала голову от подушки и оказалась в его объятиях, он крепко прижимал ее к себе, ее лицо было прямо напротив его лица. Она плакала.

Лежа неподвижно, он крепко прижимал ее к себе, всем своим телом осязая ее молодое тело, гладил по голове, поцелуями осушал соленую влагу ее глаз и при каждом ее всхлипе чувствовал округлость ее грудей с затвердевшими сосками, топорщившимися под рубашкой.

– Я не умею целоваться, – сказала она. – Не знаю, как это делается.

– Целоваться не обязательно.

– Нет, обязательно. Я хочу делать все.

- Не нужно – все. Нам и так хорошо. Но на тебе слишком много одежды.
- И что я должна сделать?
- Я тебе помогу.
- Так лучше?
- Да. Намного. А тебе разве так не лучше?
- Да. Гораздо лучше. А я действительно смогу уехать с тобой, как сказала Пилар?
- Да.
- Но не в приют. А именно с тобой.
- Нет, не в приют.
- Нет. Нет. Нет. С тобой. Я буду твоей женщиной.

Теперь, когда они лежали рядом, все, что прежде было защищено, стало беззащитным. Там, где раньше ощущалась шершавость грубой ткани, теперь чувствовалась лишь идеальная гладкость, упругость прижатых к нему округлостей, протяженность свежести и тепла – прохладной поверхности, разгорающейся изнутри; длинное и легкое, льнущее к нему и прижимаемое им к себе тело, всеми своими изгибами разжигающее желание, дарящее острое, до боли в груди, ощущение счастья, юное и любящее, теперь уже горячее, вызывало такое щемящее томление, что становилось почти невыносимо, и Роберт Джордан спросил:

- Ты уже любила других?
- Никогда, – ответила она.
- И вдруг, замерев в его объятиях, добавила:
- Но со мной это делали.
- Кто?
- Несколько человек.

Теперь она лежала, не шевелясь, отвернувшись от него, словно мертвая.

- Теперь ты не будешь меня любить.
- Я уже люблю тебя.

Но что-то в нем изменилось, и она это почувствовала.

– Нет, – сказала она, и голос ее сделался безжизненным и глухим. – Ты не будешь меня любить. Но, может быть, ты отвезешь меня в приют. И я буду там жить и никогда не стану твоей женщиной, вообще никем не стану.

- Я люблю тебя, Мария.
- Нет. Это неправда, – ответила она и, будто цепляясь за последнюю соломинку, жалобно, с надеждой добавила: – Но я никогда не целовалась ни с одним мужчиной.
- Тогда поцелуй меня сейчас.

– Я бы хотела, – сказала она, – но не знаю как. Когда со мной это делали, я отбивалась до тех пор, пока уже ничего не могла видеть. Я дралась, пока... пока... пока один из них не сел мне на голову... и я его укусила... и тогда они заткнули мне рот, закинули руки за голову и так держали, пока... пока другие делали это.

– Я люблю тебя, Мария, – сказал он. – И никто ничего с тобой не делал. Тебя никто не посмел тронуть. Никто к тебе не прикоснулся, крольчонок.

- Ты в это веришь?
- Я это знаю.
- И ты сможешь любить меня? – Она снова прижалась к нему теплым телом.
- Я буду любить тебя еще больше.
- Я очень постараюсь тебя поцеловать.
- Не надо стараться, просто поцелуй.
- Но я не умею.
- Просто поцелуй меня.

Она поцеловала его в щеку.

– Нет, не так.

– А куда девать носы? Я всегда думала: куда люди девают носы, когда целуются?

– Поверни голову, вот так. – Их губы соприкоснулись, прижались друг к другу, она тесно прильнула к нему, и постепенно ее рот стал приоткрываться, а он, обнимая ее, вдруг почувствовал себя таким счастливым, каким никогда еще не был, – легко, любовно, ликующе, сокровенно счастливым, без тревожных дум, без оглядки; ощущая лишь величайший восторг, он повторял: – Мой крольчонок. Моя любимая. Моя милая. Моя длинноногая красавица.

– Что ты говоришь? – спросила она словно откуда-то издалека.

– Моя красавица, – сказал он.

Он чувствовал, как ее сердце стучит ему в грудь, и очень нежно поглаживал ступней ее ногу.

– Ты пришла босиком, – заметил он.

– Да.

– Значит, знала, что окажешься в постели?

– Да.

– И не боялась?

– Боялась. Очень боялась. Но больше всего я боялась того, как буду снимать чувяки.

– А который теперь час? *Lo sabes?*¹⁷

– Нет. А у тебя нет часов?

– Есть. Но они у тебя за спиной.

– Так достань их.

– Нет.

– Тогда посмотри через мое плечо.

Был час ночи. Циферблат ярко светился в темноте спального мешка.

– У тебя подборок колючий, плечо мне поцарапал.

– Прости. Мне нечем побриться.

– Да нет, мне нравится. А у тебя борода светлая?

– Да.

– И будет длинная?

– Не успеет вырасти до взрыва. Мария, послушай, ты...

– Что – я?

– Ты хочешь?

– Да. Все. Прошу тебя. Если у меня это будет с тобой, может, то, другое, сгинет, как и не было.

– Ты сама до этого додумалась?

– Нет. Что-то такое было у меня в мыслях, но Пилар мне это сказала прямо.

– Она очень мудрая.

– И еще, – совсем тихо сказала Мария. – Она велела сказать тебе, что я не больна. Она в этом разбирается и велела тебе это сказать.

– Она велела тебе сказать это мне?

– Да. Я с ней говорила и призналась, что люблю тебя. Я тебя полюбила, как только увидела сегодня, и я любила тебя всегда, хоть и не видела раньше, это я и сказала Пилар, а она сказала: если я решусь рассказать тебе все, обязательно сказать и то, что я не больна. И еще одно она мне сказала давно, сразу после поезда.

– И что же это?

– Она сказала, что с человеком нельзя сделать ничего плохого, если, если это против его воли, и что если я кого-нибудь полюблю, все плохое уйдет. Я ведь тогда хотела умереть.

¹⁷ Ты знаешь? (исп.)

– Она правду сказала.

– А теперь я рада, что не умерла. Я так рада, что не умерла. Ты и правда сможешь меня любить?

– Да. Я уже люблю тебя.

– И я смогу быть твоей женой?

– При том, чем я занимаюсь, мне нельзя иметь жену. Но сейчас ты моя жена.

– Раз я стану ею, то и всегда буду. А сейчас я – твоя жена?

– Да, Мария. Да, мой крольчонок.

Она тесно прижалась к нему, стала искать его губы, нашла, прильнула к ним, и он всем телом почувствовал ее, свежую, новую, гладкую, юную и прекрасную этой своей жгучей прохладой, даже не верилось, что она действительно здесь, в его спальном мешке, привычном и знакомом, как одежда или обувь, как чувство долга.

– Ну, тогда давай скорее сделаем то, что нужно, чтобы все те, другие, сгинули.

– Ты хочешь?

– Да, – сказала она почти сурово. – Да. Да. Да.

Глава восьмая

Было холодно, и Роберт Джордан спал глубоким сном. Пробудившись среди ночи, он потянулся и почувствовал, что девушка рядом: свернувшись клубочком где-то внизу, она дышала легко и ровно; от холода, от казавшегося твердым неба, утыканного острыми звездами, от ледящего ноздри воздуха он спрятал голову в уютное тепло спального мешка и поцеловал ее гладкое плечо. Она не проснулась, и он, повернувшись на бок, спиной к ней, и снова высунув голову наружу, в холод, полежал еще какое-то время с приятным ощущением пронизывающей тягучей усталости во всех мышцах и осязаемой радости соприкосновения тел, а потом, вытянув ноги, насколько позволяла длина мешка, опять мгновенно провалился в сон.

Когда он проснулся на рассвете, девушки уже не было. Он сразу понял это, протянув руку и нащупав нагретое ею место в мешке. Он посмотрел на вход в пещеру и увидел иней, оторочивший края закрывавшей его попоны, и тонкую струйку серого дыма, просачивавшуюся в расщелину скалы, – значит, огонь в очаге уже разожгли.

Из лесу вышел мужчина, одеяло с прорезью для головы было надето на нем как пончо. Мужчина курил папиросу. Роберт Джордан узнал в нем Пабло и подумал, что тот наверняка ходил ставить лошадей в загон.

Пабло откинул попону и, не посмотрев на Роберта Джордана, вошел в пещеру.

Роберт Джордан потрогал рукой легкий иней, покрывший истертую, сделанную из пятилистного зеленого парашютного шелка поверхность спального мешка, служившего ему уже лет пять, и снова поудобней устроился внутри. *Bueno*, сказал он себе, ощущая знакомое ласковое прикосновение фланелевой подкладки, широко раскинул, потом снова соединил ноги и повернул голову затылком в ту сторону, откуда, как он знал, будет всходить солнце. *Qué más da* — можно еще поспать.

Он спал до тех пор, пока его не разбудил рев самолетных двигателей.

Лежа на спине, он видел их – фашистский патруль, состоявший из трех «Фиатов», крохотных, блестящих, быстро пересекавших небо над горами и направлявшихся туда, откуда они с Ансельмо вчера пришли. Когда скрылись эти три, появились еще девять, они летели гораздо выше, выстроившись в крохотные остроконечные «галочки» – три по три.

Пабло и цыган стояли в проеме пещеры, глядя в небо, Роберт Джордан лежал неподвижно и тоже смотрел в небо, оглашаемое мерным ревом моторов; потом к этому реву стал примешиваться другой звук – нарастающий монотонный гул, и вскоре на высоте меньше тысячи футов над поляной показались еще три самолета. Это были двухмоторные бомбардировщики «Хенкель-111».

Голова Роберта Джордана была скрыта за скалой, и он знал, что они его не видят, да если бы и увидели, это не имело значения. Но если они искали что-то здесь, в горах, то лошадей в загоне заметить могли. И даже если они ничего здесь не искали, вполне могли увидеть их, но наверняка приняли бы за свой кавалерийский разезд. Потом накатилась новая волна еще более громкого гула, и показались еще три строго соблюдавших построение «Хенкеля-111», они приближались стремительно, неумолимо, на еще меньшей высоте, рев их моторов нарастал крещендо и, достигнув высшей точки, стал затихать по мере того, как они пролетали поляну.

Роберт Джордан развернул тючок из одежды, служивший ему подушкой, и достал из него рубашку. Когда он натягивал ее на голову, снова послышался звук приближающихся самолетов; не вылезая из спального мешка, он быстро надел брюки и замер неподвижно, глядя, как над головой пролетают еще три двухмоторных «Хенкеля». Не успели они скрыться за склоном горы, как он пристегнул револьвер, скатал мешок, засунул его в расщелину и, сидя в тени скалы, переплетал ремешки своих альпаргатов, когда снова донесшийся издали рокот превра-

тился в более оглушительный, чем прежде, рев, и еще девять легких бомбардировщиков «Хенкель», выстроившись эшелонами, разорвали небо над головой и скрылись.

Роберт Джордан скользнул вдоль скалы ко входу в пещеру, где, подняв головы к небу, стояли один из братьев, Пабло, цыган, Ансельмо, Агустин и жена Пабло.

– Бывало, что здесь и раньше летало столько самолетов? – спросил он.

– Никогда, – ответил Пабло. – Входи, а то они тебя увидят.

Солнце еще не подобралось ко входу в пещеру. Оно пока освещало лишь часть луга возле ручья, и Роберт Джордан знал, что в густой тени, отбрасываемой деревьями и уступом скалы, их нельзя разглядеть с воздуха, но, чтобы никого не волновать, вошел в пещеру.

– Много их, – сказала женщина.

– И будет еще больше, – сказал Роберт Джордан.

– Откуда ты знаешь? – подозрительно спросил Пабло.

– За такими, как те, что только что пролетели, всегда следует сопровождение.

И они тут же услышали более высокий, завывающий гул; Роберт Джордан насчитал пятнадцать «Фиатов», летевших на высоте пятисот футов тройками, выстроившимися одним большим клином, как стая диких гусей.

При свете, лившемся из глубины пещеры, выражение лиц у всех было спокойным, но серьезным.

– Значит, столько самолетов разом вы здесь еще не видели? – снова спросил Роберт Джордан.

– Никогда, – повторил Пабло.

– А в Сеговии много самолетов?

– Раньше было не много, обычно над нами пролетало не больше трех за раз. Ну, иногда шесть – если это истребители. Или три больших трехмоторных «Юнкерса» и сопровождение из истребителей. А таких, как эти, мы еще не видели.

Дело плохо, подумал Роберт Джордан. Совсем плохо. Такое скопление самолетов может означать только нечто очень скверное. Надо прислушаться, где они будут сбрасывать бомбы. Впрочем, нет, войска для наступления еще не успели бы подтянуть. И начнут подтягивать не раньше, чем сегодня вечером или завтра. В такой час никакую передислокацию, разумеется, проводить не будут.

Удаляющийся гул самолетов все еще был слышен. Он посмотрел на часы. Теперь они, должно быть, уже пересекли линию фронта, во всяком случае, первые из них. Он оттянул головку на часах, включил секундомер и стал следить за стрелкой. Нет, наверное, еще нет. А вот теперь – да. Теперь уж точно пересекли. У этих «сто одиннадцатых» скорость двести пятьдесят миль в час. Чтобы отсюда долететь до линии фронта, им нужно пять минут. Сейчас они уже давно пролетели над ущельем и теперь летят над Кастилией; в эти утренние часы под ними – желто-коричневая земля, испещренная белыми нитями дорог и пятнышками деревень, и по всему этому, как тени акул по песчаному дну океана, скользят тени «Хейнкелей».

Никаких бум-бу-бум-бу-бум от разрывов бомб слышно не было. Его часы продолжали тикать.

Они полетели на Кольменар, Эскориал или на аэродром в Мансанарес-эль-Реал, подумал он, туда, где старинный замок стоит над озером, в котором среди водорослей плавают утки, и где за настоящим аэродромом устроен ложный, с макетами небрежно закамуфлированных самолетов, чьи пропеллеры крутятся от ветра. Вот куда они, должно быть, направляются. Они не могут знать о наступлении, убеждал он себя, но где-то на периферии сознания вертелась мысль: а почему, собственно, не могут? Ведь обо всех других знали.

– Как думаешь, они видели лошадей? – спросил Пабло.

– Эти лошадей не высматривали, – ответил Роберт Джордан.

– Но они могли их заметить?

– Только если им велели их искать.

– Но могли они их увидеть?

– Наверное, нет, – сказал Роберт Джордан. – Разве что солнце уже добралось до деревьев.

– Оно добирается до них очень рано, – сокрушенно сказал Пабло.

– Думаю, у них есть заботы поважней, чем высматривать твоих лошадей, – заметил Роберт Джордан.

Прошло уже восемь минут с тех пор, как он включил хронометр, но пока никакой бомбежки слышно не было.

– Что ты там делаешь с часами? – спросила женщина.

– Пытаюсь вычислить, куда они полетели.

– А-а!

Через десять минут он выключил секундомер, поняв, что самолеты в любом случае уже слишком далеко, чтобы, даже сделав поправку на минуту, за которую звук пройдет расстояние между ними, можно было что-то услышать, и сказал Ансельмо:

– Мне нужно с тобой поговорить.

Они с Ансельмо вышли из пещеры и, отойдя в сторону, остановились у сосны.

– *Qué tal?* – спросил Роберт Джордан. – Как дела?

– Все хорошо.

– Ты уже поел?

– Нет. Никто еще не ел.

– Тогда поешь и с собой прихвати что-нибудь перекусить. Я хочу, чтобы ты понаблюдал за дорогой. Записывай все, что будет проезжать в обе стороны.

– Я не умею писать.

– Это и не требуется. – Роберт Джордан вырвал из своего блокнота два листка и ножом отрезал от карандаша кусочек длиной с дюйм. – Вот, будешь ставить пометки. Это танки. – Он нарисовал условный танк. – Отмечай каждый вертикальной черточкой и, когда наберется четыре, пятую палочку рисуй поперек.

– Ага, мы тоже так считаем.

– Отлично. Теперь другой значок: два колеса и на них квадратик – это грузовики. Если пустые – рисуй кружок. Если с солдатами – черточку. А это – орудия. Вот так помечаем большие, вот так – маленькие. Это – легковые машины. Это – санитарные: два колеса, квадратик и на нем – крестик. Пехоту считай ротами под вот этим значком: маленький квадратик и рядом палочка. Кавалерию обозначим так – видишь, похоже на лошадь: квадратик и четыре ноги? Их считай двадцатками: одна черточка на каждые два десятка. Понял?

– Понял. Здорово придумано.

– Теперь, – он начертил два больших колеса, обвел их кружками и пририсовал короткую палочку, обозначающую оружейный ствол, – этот значок – для противотанковых пушек. Они на резиновом ходу. А этот – для зениток. – Он нарисовал такой же значок, но со стволом, нацеленным вверх. – Их тоже отмечай, отдельно. Понял? Ты видел такие орудия?

– Да, – ответил Ансельмо. – Конечно. Все ясно.

– Возьми с собой цыгана, пусть он запомнит, где ты засядешь, чтобы тебя можно было сменить. Место выбери безопасное: не слишком близко к дороге, но так, чтобы было удобно и все хорошо видно. И оставайся там, пока тебя не сменят.

– Я понял.

– Хорошо. И чтобы, когда ты вернешься, я знал точно, сколько чего проехало по дороге. На одной бумажке отмечай все, что движется туда, на другой – обратно.

Они направились к пещере.

– Пришли мне Рафаэля, – сказал Роберт Джордан и остался ждать под деревом. Он видел, как Ансельмо вошел в пещеру, как за ним снова опустилась попона, потом, на ходу рукой вытирая рот, из пещеры неторопливо вышел цыган.

– Ну как? – спросил он. – Поразвлекся ночью?

– Ночью я спал.

– Ну, тем лучше, – ухмыльнулся цыган. – Папироса найдется?

– Слушай меня, – сказал Роберт Джордан, доставая папиросы из кармана. – Я хочу, чтобы ты пошел с Ансельмо туда, откуда он будет наблюдать за дорогой. Потом вернешься, хорошенько запомнив место, чтобы ты смог отвести к нему меня или того, кто будет его сменять. После этого отправляйся туда, откуда хорошо видна лесопилка, посмотри, не произошло ли там каких-нибудь перемен.

– Каких перемен?

– Сколько там сейчас народу?

– Восемь человек. Во всяком случае, было восемь, когда я видел лесопилку в последний раз.

– Посмотри, сколько их там теперь. Запомни, через какие интервалы происходит смена караула на мосту.

– Интервалы?

– Ну, сколько времени часовой стоит на посту и когда его сменяют.

– У меня часов нет.

– Возьми мои. – Он расстегнул ремешок.

– Вот это часы! – восторженно воскликнул Рафаэль. – Чего только тут нет. Такие часы, глядишь, сами читать-писать смогли бы. Ты посмотри, сколько тут разных цифр. Эти часы – всем часам часы.

– Не балуйся с ними, – предупредил Роберт Джордан. – Ты время-то определять умеешь?

– А чего тут трудного? Двенадцать часов дня – есть хочется. Двенадцать часов ночи – спать. Шесть часов утра – опять есть хочется. Шесть часов вечера – пить пора. Если есть что. Десять часов вечера...

– Заткнись, – перебил его Роберт Джордан. – Не строй из себя шута. Мне нужно, чтобы ты проверил посты на большом мосту и в доме обходчика, а также на лесопилке и на малом мосту.

– Ого, сколько работы, – улыбнулся цыган. – Может, лучше послать вместо меня кого-нибудь другого?

– Нет, Рафаэль. Это очень важно. Ты должен сделать все очень осторожно и аккуратно, чтобы никто тебя не заметил.

– Ну, чтоб никто не заметил, это я могу, – сказал цыган. – Меня об этом и предупреждать не надо. Думаешь, я хочу, чтобы меня подстрелили?

– Будь-ка ты посерьезней, – сказал Роберт Джордан. – Потому что дело у нас серьезное.

– И это ты просишь меня быть посерьезней? После того, что сам делал прошлой ночью? Когда ты должен был убить человека, а вместо этого занимался тем, чем занимался? Тебе нужно было убить человека, а не сделать нового! И это когда мы видим столько самолетов, что их хватило бы, чтобы угробить нас всех, включая старых дедов и еще не родившихся внучат вместе со всеми кошками, козами и клопами. Столько, что у твоей матери молоко в груди свернулось бы, если б она увидела, как они застилают небо, и услышала, как они режут, будто львы. И это ты просишь меня быть посерьезней? Я-то уже понял, что это слишком серьезно.

– Ну, ладно, – сказал Роберт Джордан и, рассмеявшись, положил руку цыгану на плечо. – Слишком всерьез их тоже воспринимать не нужно. А теперь заканчивай свой завтрак и иди.

– А ты? – спросил цыган. – Ты что делать будешь?

– А я пойду повидаюсь с Глухим.

– После этих самолетов ты, скорее всего, во всех этих горах ни одной живой души не найдешь, – сказал цыган. – Сегодня утром, когда они тут пролетали, многих пот прошиб.

– У этих самолетов – дела поважнее, чем охотиться за партизанами.

– Это-то да, – ответил цыган. – А если они не поленятся и нами заняться?

– *Qué va*, – сказал Роберт Джордан. – Это лучшие немецкие легкие бомбардировщики. Таких за цыганами гоняться не посылают.

– Все же они нагнали на меня страху, – признался цыган. – Да, признаю, я испугался.

– Они полетели бомбить аэродром, – успокоил его Роберт Джордан, когда они уже входили в пещеру. – Я почти уверен, что они полетели именно туда.

– Что ты сказал? – переспросила жена Пабло. Она налила ему кружку кофе и протянула банку сгущенного молока.

– О, у вас и молоко есть? Богато живете!

– У нас все есть, – ответила она. – Теперь вот еще и страх появился после этих самолетов. Куда, говоришь, они полетели?

Через дырку, проделанную в банке, Роберт Джордан подлил себе немного густого молока, подобрал каплю ободом кружки и взболтал кофе, пока он не приобрел ровный светло-коричневый цвет.

– Я думаю, что они полетели бомбить аэродром. То ли в Эскориале, то ли в Колменаре, то ли в Мансанаресе, а может, все три.

– Пусть летят куда угодно, только б от нас подальше, – вставил Пабло.

– А здесь-то им что нужно? – спросила женщина. – Что они здесь делают? Мы сроду не видали таких самолетов. И чтоб столько за раз... Они что, готовят наступление?

– Какие передвижения были вчера ночью на дороге? – спросил Роберт Джордан. Мария стояла рядом с ним, но он на нее не смотрел.

– Эй, Фернандо, – окликнула женщина. – Ты вчера был в Ла Гранхе. Заметил там какое-нибудь движение?

– Да никакого, – ответил коротышка лет тридцати пяти со слегка косящим глазом и простодушной физиономией, которого Роберт Джордан никогда прежде не видел. – Несколько грузовиков – как обычно. Какие-то легковые машины. А войск я не видел.

– Ты каждый вечер ходишь в Ла Гранху? – спросил его Роберт Джордан.

– Я или кто-нибудь другой, – ответил Фернандо. – Кто-то всегда ходит.

– Они ходят узнавать новости. Табак покупать, всякие мелочи, – объяснила женщина.

– У нас там есть свои люди?

– Есть, а как же. Те, кто работает на электростанции, и другие.

– И какие новости ты слышал?

– Да никаких. На севере дела по-прежнему плохи. Но это не новость. На севере с самого начала не задалось.

– А из Сеговии ничего не слышно?

– Нет, *hombre*¹⁸. Да я и не спрашивал.

– А ты сам в Сеговию ходишь?

– Иногда, – ответил Фернандо. – Это опасно. Там патрули везде, документы требуют.

– А аэродром тамошний знаешь?

– Нет, *hombre*. Я знаю, где он находится, но близко никогда не подходил. Уж там-то точно документы требуют.

– И никаких разговоров об этих самолетах вчера не было?

¹⁸ Мужчина, человек (*исп.*). Употребляется в качестве обращения как «приятель», «друг».

– В Ла Гранхе? Не было. Но сегодня-то вечером только про них и будут судачить. Вчера говорили про речь Кейпо де Льяно по радио. Больше ничего. Да, еще про то, что Республика, кажется, готовит наступление.

– Что-что?!

– Что Республика готовит наступление.

– Где?

– Точно неизвестно. Может, здесь. Может, в какой другой части Сьерры. Ты ничего такого не слыхал?

– Об этом говорят в Ла Гранхе?

– Да, *hombre*. Я, видишь, даже позабыл, потому что слухи про наступление всегда ходят.

– А откуда они берутся?

– Откуда? Да от разных людей. В Сеговии, в Авиле офицеры болтают в кафе друг с другом, а официанты мотают на ус. Слухи быстро распространяются. Про наступление Республики уже не первый день говорят.

– Республики или фашистов?

– Республики. Если бы фашистов, все бы уже знали. Нет, это наступление Республики, причем какое-то крупное. Кое-кто говорит, что даже два. Одно здесь, а другое – за Альто-дель-Леон, возле Эскориала. Ты-то сам ничего про это не знаешь?

– А что еще ты слышал?

– Ничего, *hombre*. А, да, еще идут разговоры, будто республиканцы попробуют взорвать мосты, если будет наступление. Но на мостах же везде охрана.

– Ты шутишь? – сказал Роберт Джордан и отпил глоток кофе.

– Нет, *hombre*, – ответил Фернандо.

– Этот никогда не шутит, – сказала женщина. – А жаль.

– Ну что ж, – сказал Роберт Джордан. – Спасибо за информацию. Больше ты ничего не слышал?

– Нет. Как всегда, говорят, что скоро пошлют войска, чтобы очистить эти горы. И что вроде бы они уже в пути. Что они как будто даже уже выступили из Вальядолида. Но про это всегда болтают. Можно и внимания не обращать.

– Слыхал? – почти злорадно сказала Пабло его жена. – Вот тебе твоя безопасность.

Пабло задумчиво взглянул на нее, поскреб подбородок и ответил:

– А ты слыхала? Вот тебе твои мосты.

– Какие мосты? – беззаботно спросил Фернандо.

– Бестолочь, – сказала ему женщина. – Тупица. *Tonto*¹⁹. Налей себе еще кружку кофе и припомни, что ты еще слышал.

– Не злись, Пилар, – спокойно и беззлобно сказал Фернандо. – Чего зря беспокоиться из-за каких-то слухов? Я уже рассказал тебе и этому товарищу все, что помню.

– И больше ничего не можешь вспомнить? – спросил Роберт Джордан.

– Нет, – с достоинством ответил Фернандо. – Хорошо еще, что это вспомнил, потому что все это – только слухи, а я на слухи внимания не обращаю.

– Так, значит, все-таки ходят еще какие-то слухи? – спросил Роберт Джордан.

– Ну, может, и ходят. Только я внимания не обращаю. Я уже год ничего, кроме слухов, не слышу.

Роберт Джордан уловил смешок, невольно вырвавшийся у Марии, стоявшей за его спиной.

– Расскажи нам еще про какие-нибудь слухи, Фернандито, – попросила она и снова приснула.

¹⁹ Дурак (исп.).

– Даже если бы я что-то и вспомнил, не стал бы пересказывать, – ответил Фернандо. – Негоже мужчине слухи собирать.

– И вот такие будут спасать Республику, – вздохнула женщина.

– Нет. Это *ты* будешь ее спасать, взрывая мосты, – бросил ей Пабло.

– Идите, если вы уже поели, – сказал Роберт Джордан Ансельмо и Рафаэлю.

– Уже идем, – ответил старик, и они оба встали. Роберт Джордан почувствовал руку на своем плече. Это была Мария.

– Тебе нужно поесть, – сказала она, не отнимая руки. – Поешь хорошенько, чтобы хватило сил и дальше выдерживать слухи.

– У меня от этих слухов аппетит пропал.

– Нет. Так не годится. Ты уж поешь, пока новые слухи не дошли. – Она поставила перед ним миску.

– Нечего надо мной насмехаться, Мария, – сказал Фернандо. – Я же твой друг.

– Я не насмехаюсь над тобой, Фернандо. Это я с ним шучу, он должен поесть, а то будет голодным.

– Нам всем нужно поесть, – сказал Фернандо. – Пилар, что случилось? Почему нас не кормят?

– Ничего не случилось, парень, – ответила жена Пабло, накладывая ему в миску жаркого. – Ешь. Уж это-то ты *хорошо* умеешь делать. Ешь-ешь.

– Очень вкусно, Пилар, – сказал Фернандо с тем же нерушимым достоинством.

– Спасибо, – ответила женщина. – Спасибо тебе, большое спасибо.

– Ты на меня сердишься? – спросил Фернандо.

– Нет. Ешь. Ешь давай.

– Я ем, – ответил Фернандо. – Спасибо.

Роберт Джордан посмотрел на Марию, у нее снова плечи затряслись от смеха, и она отвернулась. Фернандо ел не спеша, с выражением горделивого достоинства на лице, достоинства, которого не могли умалить даже гигантская ложка, которой он орудовал, и подтеки соуса в уголках рта.

– Значит, нравится тебе еда? – спросила его жена Пабло.

– Да, Пилар, – ответил он с набитым ртом. – Она такая, как всегда.

Роберт Джордан почувствовал, как ладонь Марии легла на его руку и ее пальцы сжались от радостного возбуждения.

– И *поэтому* она тебе нравится? – спросила Фернандо женщина. – Да, понимаю: жаркое – как всегда. На севере все плохо – как всегда. Здесь – наступление, как всегда. Войска на подходе, чтобы выгнать нас отсюда, – как всегда. С тебя бы памятник этому «как всегда» слепить.

– Но про наступление и про войска – это ж только слухи, Пилар.

– Испания, – горестно произнесла жена Пабло и, повернувшись к Роберту Джордану, спросила: – Есть ли еще где-нибудь страна с таким народом, как этот?

– Таких стран, как Испания, нигде больше нет, – вежливо ответил Роберт Джордан.

– Ты прав, – согласился Фернандо. – Нигде на свете нет больше такой страны, как Испания.

– А ты хоть одну другую страну видел? – спросила его женщина.

– Нет, – ответил Фернандо. – И не хочу.

– Ну, ты видишь? – обратилась она к Роберту Джордану.

– Фернандито, расскажи нам, как ты ездил в Валенсию, – попросила Мария.

– Не понравилась мне Валенсия.

– Почему? – спросила Мария, снова сжав руку Роберту Джордану. – Почему она тебе не понравилась?

– Там люди вести себя не умеют, и я совсем не понимал, что они говорят. Только и делают, что орут друг другу: «*Ché?*»²⁰

– А они тебя понимали? – спросила Мария.

– Конечно, только притворялись, что не понимают, – ответил Фернандо.

– А что ты там делал?

– Да я сразу уехал, даже на море не посмотрел, – сказал Фернандо. – Не понравились мне тамошние люди.

– Ох, проваливал бы ты отсюда, баба старая, – сказала жена Пабло. – Проваливай, пока меня от тебя не стошнило. В Валенсии я провела лучшие годы своей жизни. Да куда тебе! Валенсия! Не говорите мне о Валенсии.

– А что ты там делала? – спросила Мария.

Жена Пабло под села к столу с кружкой кофе, куском хлеба и миской жаркого.

– *Qhé?* Что мы там делали? Мы туда приехали, когда Финито получил контракт на три боя во время ярмарки. Никогда в жизни я не видела таких толп. Никогда в жизни я не видела таких битком набитых кафе. Часами нужно было ждать, когда освободится столик, а влезть в трамвай вообще было невозможно. Жизнь кипела в Валенсии днем и ночью.

– Но что ты все-таки там делала? – настаивала Мария.

– Да чего мы только не делали, – ответила женщина. – Ходили на пляж, лежали в волнах, а быки вытаскивали на берег парусные лодки. Быков заводили в воду с головой, так, что им приходилось держаться на плаву, потом запрягали в лодки и начинали гнать к берегу, а когда быки нащупывали дно ногами, они уже сами волокли лодку по песку. Утро, полоса прибоя, бьющегося о берег, и десять пар быков, тянущих из моря огромный парусник. Вот что такое Валенсия.

– Но что ты делала кроме того, что любовалась быками? – не отставала Мария.

– Мы ели в пляжных павильонах, разбитых на песке. Пироги с вареной мелко нарубленной рыбой, приправленной красным и зеленым перцем и маленькими, как рисинки, орешками. Тесто воздушное, слоеное, а рыба такая сочная, какой и не бывает. Креветки, только что из моря, сбрызнутые лимонным соком. Они были розовые, сладкие и такие огромные, что от каждой можно было раза четыре откусить. Много мы их поели тогда. Еще мы любили паэлью со свежей морской живностью: крохотными рачками прямо в панцирях, мидиями, морскими гребешками, кусочками лангустов и маленьких угрей. А еще мы ели совсем маленьких угрей, зажаренных в масле, они были такие тоненькие, что напоминали бобовые побеги, выющиеся в разные стороны, и такие нежные, что их можно было глотать, не жуя. И все это мы запивали белым вином, холодным, легким и очень хорошим, хоть и стоило оно тридцать сантимов за бутылку. А под конец – дыня. Там же родина дынь.

– Кастильские дыни лучше, – вставил Фернандо.

– *Qué va!* Рассказывай! – фыркнула жена Пабло. – Кастильские дыни – только чтобы плюнуть. Валенсийские – чтобы есть. Как подумаю про эти дыни – с руку длиной, зеленоватые, как морская вода, когда разрезаешь, хрустят под ножом и истекают соком, а сладкие... слаще раннего летнего утра. Ой-ёй! Как вспомню тех крохотных угрей, малюсеньких, нежных, горькой лежащих на тарелке!.. И еще пиво, мы его пили весь день после обеда, холодное, в запотевших кружках величиной с кувшин для воды.

– А что ты делала, когда не ела и не пила?

– Мы любили друг друга в комнате со ставнями из деревянных планок, закрывавшими балконную дверь, а верхняя ее часть откидывалась на петлях, и через нее задувал ветерок с моря. Там мы любили друг друга, днем в комнате за закрытыми ставнями было темно, и с улицы доносились запахи цветочного базара и пороха от фейерверков, которые взрывались

²⁰ Чего? (каталонск.)

повсюду на протяжении всей ярмарки. Они были подвешены к столбам, соединены друг с другом, непрерывной *traca*, сетью, опутывали весь город и загорались от трамвайных искр; стоило вспыхнуть одной шутихе – и огонь бежал от столба к столбу, поджигая остальные, треск стоял такой, что вы бы не поверили.

Мы любили друг друга, потом посылали за новым кувшином пива, а когда служанка приносила запотевший кувшин, я в дверях принимала его и ставила ледяным дном на спину спавшего Финито, который никак не хотел просыпаться и только повторял: «Нет, Пилар. Нет, женщина, дай поспать». А я говорила: «Да ты посмотри, какое оно холодное, проснись, попей», и он просыпался, пил, не открывая глаз, и снова засыпал, а я полулежала, прислонившись спиной к подушке, в изножье кровати, смотрела, как он спит, загорелый, черноволосый, молодой, тихий во сне, и допивала пиво, весь кувшин, слушая, как играет проходящий по улице оркестр. А ты... – Она обратилась к Пабло. – Разве тебе ведомо такое?

– Нам с тобой тоже есть что вспомнить, – сказал Пабло.

– Да, – сказала женщина. – Есть. И ты в свое время был мужчиной даже больше, чем Финито. Но с тобой мы никогда не ездили в Валенсию. И никогда не лежали там в кровати вместе, слушая, как играет проходящий под окнами оркестр.

– Это было невозможно, – ответил ей Пабло. – У нас не было случая съездить в Валенсию. Если бы ты была способна рассуждать здраво, ты бы и сама это поняла. Зато с Финито ты никогда не взрывала поезд.

– Да, – сказала женщина. – Только это нам теперь и осталось. Поезд. Да. Только поезд. Тут возразить нечего. Только это и остается при нынешней нашей трусости – леность, праздность и никчемность. Да, прежде и у нас было то, что не грех вспомнить. Я не хочу быть несправедливой. Но Валенсию хаять не смей, – повернулась она к Фернандо. – Ты понял?

– А мне она все равно не понравилась, – тихо повторил Фернандо. – Не люблю я Валенсию.

– Ну вот, а еще говорят, что нет никого упрямей мула, – сказала женщина. – Собирай посуду, Мария, нам пора идти.

Как только она это произнесла, послышался отдаленный гул возвращающихся самолетов.

Глава девятая

Столпившись у выхода из пещеры, все наблюдали за ними. Бомбардировщики летели теперь высоко, зловещными порядками, напоминавшими наконецники стрел, быстро рассекая небо рыком своих моторов. Они *действительно* напоминают очертаниями акул, подумал Роберт Джордан: широкие плавники, заостренные носы – ни дать ни взять гольфстримские акулы. Но эти, ревущие, с раскинутыми, серебрящимися на солнце плавниками и легкими туманными облачками вращающихся пропеллеров впереди, двигаются не как акулы. Их полет ни на что не похож. Они – словно бесстрастный механический рок.

Тебе бы писать, сказал он себе. Может, когда-нибудь еще и вернешься к этому занятию. Он почувствовал, как Мария взяла его за руку. Она смотрела в небо, и он спросил ее:

– Как по-твоему, на что они похожи, *гуара*?

– Не знаю, – ответила она. – Думаю, на саму смерть.

– А по мне, так они – просто самолеты, – сказала жена Пабло. – А где же маленькие?

– Должно быть, пересекают линию фронта где-нибудь в другом месте, – ответил Роберт Джордан. – Эти бомбардировщики летают слишком быстро, чтобы дожидаться их, поэтому возвращаются сами. Мы никогда даже не пытаемся их догнать. У нас слишком мало самолетов, чтобы рисковать ими.

Как раз в этот момент низко над поляной показался клин из трех истребителей «Хенкель», они приближались, едва не задевая верхушки деревьев, как лязгающие, покачивающие крыльями остроносые уродливые игрушки; стремительно и грозно увеличившись до своих настоящих размеров, они с воющим ревом проскользили мимо так низко, что стоявшие у выхода из пещеры смогли разглядеть пилотов в летных шлемах и очках и даже шарф, развевавшийся на шее у ведущего.

– *Эти* точно могут увидеть лошадей, – сказал Пабло.

– Эти могут увидеть и огонек папиросы у тебя в зубах, – сказала женщина. – Давайте-ка опустим попону от греха подальше.

Больше самолетов не было. Остальные, скорее всего, перелетели через горы где-то дальше. Когда гул моторов стих, все вышли из пещеры.

Опустевшее небо было высоким, синим и чистым.

– Как будто это был сон, а теперь мы проснулись, – сказала Мария Роберту Джордану.

Не осталось даже почти неслышного пульсирующего эха, какое громкий звук оставляет порой в ушах: словно зажимаешь их пальцами и отпускаешь, зажимаешь – и отпускаешь.

– Никакой они не сон, иди убирай посуду, – сказала ей Пилар и, обращаясь к Роберту Джордану, спросила: – Мы как, верхом поедем или пойдем пешком?

Пабло взглянул на нее и что-то проворчал.

– Как хочешь, – ответил Роберт Джордан.

– Тогда давай пойдем пешком, – сказала она. – Это полезно для печени.

– Ездить верхом тоже полезно для печени.

– Да, но утомительно для седалища. Мы уходим, а ты, – она повернулась к Пабло, – иди пересчитай своих зверей – не ровён час какой из них улетел.

– Хочешь взять лошадь? – спросил тот, обращаясь к Роберту Джордану.

– Я – нет. Большое спасибо. А вот как насчет девушки?

– Ей тоже полезно пройтись, – сказала Пилар. – А то натрет себе кое-какие места и станет ни на что не годной.

Роберт Джордан почувствовал, что краснеет.

– Ты хорошо спал? – спросила его Пилар и добавила: – Что у нее нет никаких болезней – правда. Могли быть. Но уж не знаю почему – их нет. Должно быть, Бог все-таки существует,

хотя мы от Него и отrekliсь. Ступай, – велела она Пабло. – Тебя это не касается. Это – для тех, кто помоложе. И кто сделан из другого теста. Иди. – И снова обращаясь к Роберту Джордану: – Агустин будет присматривать за твоими вещами. Мы отправимся, когда он придет.

День был ясный, солнечный, солнце уже прогрело воздух. Роберт Джордан посмотрел на крупную смуглолицую женщину с добрыми широко поставленными глазами на массивном плоском лице, морщинистом и некрасивом, но обаятельном; несмотря на веселый взгляд, оно казалось печальным, пока она не начинала говорить. С нее он перевел взгляд на грузную и вялую фигуру мужчины, удалявшегося между деревьев по направлению к загону. Пилар тоже смотрела ему вслед.

– Вы любили друг друга ночью?

– А что она тебе сказала?

– Она мне ничего не скажет.

– Я тоже.

– Значит, любили, – сказала женщина. – Ты побереги ее.

– А если будет ребенок?

– Ну и что здесь плохого? – сказала женщина. – Это не самая большая беда.

– Здесь не место для этого.

– Она здесь и не останется. Она уйдет с тобой.

– Куда? Туда, куда я уйду, женщину брать нельзя.

– Кто знает? Может, туда, куда ты пойдешь, и двух взять можно.

– Пустой разговор.

– Послушай, – сказала женщина. – Я не трусиха, но с утра пораньше очень ясно все вижу, думаю, многие из тех, кто сейчас с нами, не доживут до следующего воскресенья.

– А сегодня какой день?

– Воскресенье.

– *Qué va*, – сказал Роберт Джордан. – До следующего воскресенья еще далеко. Нам бы средь пережить. Но мне такие твои разговоры не нравятся.

– Каждому человеку бывает нужно с кем-нибудь поговорить, – сказала женщина. – Раньше у нас была религия и разная другая чепуха. А теперь каждому нужен кто-то, с кем можно поговорить по душам; каким бы храбрым ты ни был, порой чувствуешь себя очень одиноким.

– Мы не одиноки. Мы – вместе.

– Все же эти самолеты действуют на нервы, – сказала женщина. – Мы против них – ничто.

– И тем не менее мы умеем их бить.

– Слушай, я хоть и призналась тебе в своих грустных мыслях, но не думай, что мне не хватает решимости. Никуда моя решимость не делась.

– Грустные мысли рассеются, как только солнце взойдет. Они же все равно что туман.

– Ясное дело, – сказала женщина. – Ладно, пусть будет по-твоему. Может, все дело в том, что я вспомнила про Валенсию и наболтала всяких глупостей. И еще в том неудачнике, который потащился считать своих лошадей. Я сильно растравила его своими разговорами. Убить его – да. Проклясть – да. Но ранить его душу негоже.

– Как случилось, что ты с ним?

– А как люди сходятся? В первые дни движения и перед тем он был о-го-го. Серьезный человек. А теперь ему конец. Вынули затычку из бурдюка – и все вино вытекло.

– Не нравится он мне.

– Ты ему тоже, и не без причины. Прошлой ночью я спала с ним. – Она улыбнулась и покачала головой. – *Vamos a ver*²¹. Я ему сказала: «Пабло, почему ты не убил иностранца?» А

²¹ Посмотрим (исп.).

он мне: «Он хороший парень, Пилар. Хороший парень». Я ему: «Но ты понимаешь, что теперь тут команду я?» – «Да, Пилар. Да», – отвечает. А потом, позже, я услышала, что он не спит и плачет. Безобразно так взрыдывает, как обычно плачут мужчины – будто внутри у них какой-то зверь сидит и бередит их. Я его обняла, прижала к себе и спрашиваю: «Что с тобой, Пабло?», а он отвечает: «Ничего, Пилар. Ничего». – «Да нет же, что-то с тобой происходит». – «Люди, – говорит. – То, как они меня бросили. *Gente*²²». – «Но они же со мной, а я – твоя жена». – «Пилар, – говорит, – помнишь поезд? – И добавляет: – Да поможет тебе Бог, Пилар». – «Ты что это Бога вспомнил? – говорю. – К чему такие разговоры?» А он: «Да. Бог и Пресвятая Дева. Да помогут они тебе». – «*Qué va*, – говорю. – Бог и Пресвятая Дева! Да разве пристало тебе так говорить?» А он: «Я боюсь умереть, Пилар. *Tengo miedo de morir*. Понимаешь ты это?» – «Тогда вылезай из постели, – говорю. – Тесно нам в одной постели – тебе, мне и твоему страху». Ему стало стыдно, он замолчал, и я заснула, но он уже – развалина, ты уж поверь мне, друг.

Роберт Джордан промолчал.

– Всю жизнь на меня время от времени находят печальные мысли, – сказала женщина. – Но это совсем другая печаль, не такая, как у Пабло. Она не подрывает моей решимости.

– В этом я не сомневаюсь.

– Это как определенные дни у женщин, – сказала она. – Может, это вообще ничего не значит. – Она помолчала и продолжила: – Я связываю с Республикой большие надежды. Я в нее твердо верю, а верить я умею. Истово, как люди набожные – в чудеса.

– Не сомневаюсь, что так и есть.

– А ты так же веришь?

– В Республику?

– Да.

– Да, верю, – ответил он, надеясь, что это правда.

– Я очень рада, – сказала женщина. – И ты ничего не боишься?

– Во всяком случае, не смерти, – ответил он, и это была правда.

– А чего-нибудь другого боишься?

– Только не исполнить свой долг как подобает.

– А в плен попасть не боишься, как другие?

– Нет, – ответил он искренне. – Если этого бояться, страх будет так держать за горло, что станешь бесполезным.

– Ты очень холодный парень.

– Нет, – сказал он. – Не думаю.

– Да. Ум у тебя очень холодный.

– Это потому, что он полностью поглощен работой.

– А того, что доставляет удовольствие в жизни, ты не любишь?

– Люблю. Очень люблю. Только если оно не мешает работе.

– Знаю, что ты выпить любишь. Я это видела.

– Да. Очень люблю. Но только если это не мешает работе.

– А женщин?

– Их я тоже очень люблю, но они для меня – не главное.

– Они для тебя не важны?

– Нет. Но я не встретил пока ни одной, которая задела бы меня за живое так, как, говорят, это бывает.

– Думаю, ты кривишь душой.

– Ну, может, немного.

– Ведь Мария тебя задела?

²² Люди (исп.).

– Да. Внезапно и очень сильно.

– Меня тоже. Я ее очень люблю. Да. Очень.

– И я, – сказал Роберт Джордан и услышал, как осип его голос. – Я тоже. Да. – Ему было приятно говорить это, и он с особым удовольствием произнес фразу, которая по-испански звучала весьма торжественно: – Я очень ее люблю.

– После того как мы повидаемся с Глухим, я оставлю вас вдвоем.

Роберт Джордан помолчал, потом сказал:

– Это не обязательно.

– Обязательно, друг. Это обязательно. Времени не так много осталось.

– Ты прочла это у меня по руке? – спросил он.

– Нет. Забудь ты про свою руку. Ерунда все это.

Сама она выкинула это из своей жизни так же, как все прочее, что могло причинить вред Республике.

Роберт Джордан снова промолчал. Он смотрел, как Мария в пещере собирает грязную посуду. Она вытерла руки, обернулась и улыбнулась ему. Девушка не слышала, что говорит Пилар, но ее загорелая кожа потемнела от разлившегося по лицу румянца. Она снова улыбнулась Роберту Джордану.

– Есть еще день, – сказала женщина. – Ночь – ваша, но есть еще и день. Ясное дело, у вас не будет такого приволья, какое было у меня в Валенсии. Но несколько диких ягодок вы сорвать успеете. – Она рассмеялась.

Роберт Джордан положил руку на ее могучее плечо.

– Тебя я тоже люблю, – сказал он. – Я очень тебя люблю.

– Да ты просто настоящий дон Хуан Тенорио, – сказала женщина, смутившись от охвативших ее чувств. – Эдак ты скоро каждую любить будешь. А вот и Агустин.

Роберт Джордан вошел в пещеру и направился к Марии. Она смотрела, как он приближается к ней, и глаза ее сияли, а лицо и шея снова залились краской.

– Привет, крольчонок, – сказал он и поцеловал ее в губы. Она прижалась к нему и, глядя ему в лицо, сказала:

– Привет. Ох, привет. Привет.

Фернандо, по-прежнему сидевший за столом и куривший папиросу, встал, покачал головой и вышел, прихватив карабин, прислоненный к стене.

– Совсем распустились, – сказал он. – Мне это не нравится. Ты бы присмотрела за девочкой.

– Я присматриваю, – ответила Пилар. – Этот товарищ – ее *novio*²³.

– А-а, – сказал Фернандо. – Ну, раз они обручены, тогда, думаю, это нормально.

– Я очень рада, что ты так думаешь, – сказала женщина.

– Я тоже, – с полной серьезностью согласился Фернандо. – *Salud*, Пилар.

– Ты куда направляешься?

– На верхний пост, сменить Простака.

– Куда тебя черти несут? – подходя, спросил Агустин серьезного коротышку.

– Исполнять свой долг, – с достоинством ответил Фернандо.

– Ах, твой долг, – с издевкой сказал Агустин. – Клал я на твой долг. – И повернувшись к женщине, добавил: – Ну и где, мать вашу, это дерьмо, которое я должен охранять?

– В пещере, – сказала Пилар. – В двух мешках. Устала я от твоего сквернословия.

– Клал я на твою усталость, – сказал Агустин.

– Ну, тогда иди и матерись сам с собой.

– Мать твою, – ответил Агустин.

²³ Жених (*исп.*).

– Ну да, своей-то у тебя никогда не было.

По испанским меркам перепалка достигла высшего накала: у испанцев самые оскорбительные действия никогда не называются прямо – только подразумеваются.

– А что тут происходит? – понизив голос, спросил Агустин.

– Ничего, – ответила Пилар. – *Nada*. В конце концов, на дворе весна, скотина ты эдакая.

– Скотина, – повторил Агустин, смакуя слово. – Я – скотина. А ты-то кто? Отродье гребаной грязной шлюхи. Да клал я на вашу гребаную весну.

Пилар толкнула его в плечо и рассмеялась своим ухающим смехом.

– Эх ты, – сказала она. – Даже ругнуться поинтересней не можешь, только одно и знаешь. Но душу вкладываешь. Ты самолеты видел?

– Блевать я хотел в их моторы, мать их, – сказал Агустин, решительно потряхнув головой, и закусил нижнюю губу.

– Здорово придумано, – сказала Пилар. – Очень здорово. Только выполнить трудно.

– Ну да, на такой высоте – трудно, – усмехнулся Агустин. – *Desde luego*. Но почему не пошутить?

– Ага, – согласилась Пилар. – Лучше уж шутить. Хороший ты человек, Агустин, и шутки у тебя смачные.

– Слушай, Пилар, – уже серьезно сказал Агустин. – Не иначе как что-то тут затевается. Правда?

– Ну и что ты об этом думаешь?

– Да хуже некуда, судя по всему этому непотребству. Слишком много самолетов, женщина. Слишком много.

– И ты хвост поджал от страха, как все остальные?

– *Qué va*, – сказал Агустин. – Как думаешь, что они затевают?

– Слушай, – ответила Пилар. – Судя по тому, что этого парня прислали взорвать мосты, Республика готовит наступление. А судя по этим самолетам, фашисты готовятся его отразить. Но зачем они показывают свои самолеты?

– В этой войне много глупости, – сказал Агустин. – Безмозглость сплошная эта война.

– Это уж точно, – согласилась Пилар. – Иначе мы бы здесь не оказались.

– Вот именно, – сказал Агустин. – Год уже барахтаемся в этой дурости. Но Пабло, он ушлый. Пабло очень хитрый.

– Ты это к чему?

– Просто сказал.

– Как ты не понимаешь, – попыталась растолковать ему Пилар, – что теперь уже слишком поздно спастись хитростью, а другого у него ничего не осталось.

– Я понимаю, – сказал Агустин. – Знаю, что нам теперь дорога – только вперед. И чтобы выжить в конце концов, мы должны победить, а для этого нужно взорвать мосты. Но Пабло, каким бы трусом он теперь ни был, очень хитрый.

– Я тоже хитрая.

– Нет, Пилар, – возразил Агустин. – Ты не хитрая. Ты храбрая. И преданная. В тебе решимость есть. Чутье. Много решимости и большое сердце. Но ты не хитрая.

– Ты и впрямь так думаешь? – задумчиво спросила женщина.

– Да, Пилар.

– Этот парень тоже хитрый, – сказала женщина. – Хитрый и хладнокровный. У него очень холодная голова.

– Да, – согласился Агустин. – Дело свое он хорошо знает, иначе ему бы не дали такого задания. Но в том, что он хитрый, я не уверен, а вот про Пабло *точно знаю*, что он хитрый.

– Только бесполезный теперь из-за своего страха и нежелания действовать.

– А все равно хитрый.

– Ну и что скажешь?

– Ничего. Я стараюсь смотреть на дело трезво. В данный момент нам нужно действовать с умом. После взрыва нужно будет сразу же уходить. Все должно быть подготовлено заранее. Мы должны знать, куда и как мы пойдем.

– Ну, конечно.

– Вот для этого и нужен Пабло. Тут хитрость требуется.

– Не доверяю я Пабло.

– В этом ему можно доверять.

– Нет. Ты не знаешь, какая он теперь развалина.

– *Pero es muy vivo*. Зато очень хитрый. А если мы не сделаем все по-хитрому, будем в полном дерьме.

– Я об этом подумаю, – сказала Пилар. – У меня еще целый день, чтобы об этом подумать.

– Что касается мостов – этот парень, он свое дело знает, – сказал Агустин. – Помнишь, как тот, другой, все организовал с поездом?

– Да, – сказала Пилар. – С поездом это действительно он все спланировал.

– Ты будешь – для напора и решимости, – сказал Агустин. – А вот Пабло понадобится для отхода. Да, отступление – это по его части. Заставь его уже сейчас все обдумать.

– А ты – голова.

– Да, я – голова. Но *sin picardia*. Без хитрости. Для этого есть Пабло.

– При всех его страхах?

– При всех его страхах.

– А насчет мостов что ты думаешь?

– Их нужно взорвать. Это я знаю. Мы должны сделать две вещи: уйти отсюда и победить. А если мы хотим победить, мосты нужно взорвать.

– Что ж Пабло, если он такой хитроумный, этого не понимает?

– Из-за слабости. Он хочет, чтобы все оставалось как оно есть. Хочет, чтоб его носило по кругу в воронке его слабости. Но вода-то в реке прибывает. Вот когда его припрет окончательно, тут-то он и пустит в ход свою хитрость, чтобы выжить. *Es muy vivo*.

– Хорошо, что парень не убил его.

– *Qué va*. Вчера вечером цыган меня подбивал сделать это. Цыган – скотина.

– Ты тоже скотина, – сказала Пилар. – Но умная.

– Мы с тобой оба умные, – ответил Агустин. – Но настоящий талант – это Пабло!

– Только поладить с ним трудно. Ты не знаешь, насколько он развалился.

– Да. Но у него талант. Слушай, Пилар, чтобы воевать, нужен только ум. А вот чтобы победить, нужны талант и средства.

– Я это обдумую, – сказала она. – А теперь пора идти, мы и так уже припозднились. – И, повысив голос, крикнула: – *Inglés!* Англичанин! Пора! Идем.

Глава десятая

– Давай отдохнем, – сказала Пилар Роберту Джордану. – Садись здесь, Мария, и давай отдохнем.

– Нужно идти, – возразил Роберт Джордан. – Отдохнем, когда доберемся до места. Я хочу поскорей повидаться с этим человеком.

– Повидаешься, – сказала женщина. – Никакой спешки нет. Садись, Мария.

– Лучше пойдем, – сказал Роберт Джордан. – Отдохнем наверху.

– Я буду отдыхать здесь, – сказала женщина и опустилась на землю возле ручья. Девушка села рядом с ней на вереск, ее волосы сияли на солнце. Только Роберт Джордан остался стоять, глядя на расстилавшийся впереди высокогорный луг, рассеченный ручьем, в котором наверняка водилась форель. Там, где он стоял, вся земля поросла вереском, а дальняя часть луга – желтым дроком, среди которого там и сям виднелись серые валуны, еще дальше тянулась темная стена сосен.

– Далеко отсюда до Глухого? – спросил он.

– Недалеко, – ответила женщина. – Перейти этот луг, спуститься в следующую долину и через вон тот лес подняться вверх по ручью. Да садись ты, не будь таким серьезным.

– Я хочу встретиться с ним и покончить с этим.

– А я хочу вымыть ноги, – сказала женщина и, сняв альпартаты и толстые шерстяные чулки, опустила в ручей правую ногу. – Господи, какая холодная вода!

– Надо было взять лошадей, – сказал Роберт Джордан.

– А я довольна, – сказала женщина. – Мне как раз этого не доставало. Да что с тобой?

– Ничего, просто я тороплюсь.

– Ну, так не торопись. Времени полно. Какой день, и как я рада вырваться наконец из этих сосен. Тебе не надоели сосны, *guara*?

– Мне они нравятся, – ответила девушка.

– Да что в них может нравиться?

– Я люблю их запах и чувствовать мягкую хвою под ногами. Люблю слушать, как ветер шумит в их верхушках и как они поскрипывают, раскачиваясь.

– Ты все любишь, – сказала Пилар. – Ты была бы подарком для любого мужчины, если бы умела получше стряпать. Сосновый лес такой скучный. Просто ты никогда не видела ни березовой, ни дубовой, ни каштановой рощи. Вот это леса! В них каждое дерево отличается от другого, у каждого свой характер, каждое красиво по-своему. А сосняк – скука смертная. Ты как считаешь, *Inglés*?

– Я тоже люблю сосны.

– *Pero, venga*²⁴, два сапога пара, – сказала Пилар. – Вообще-то я тоже люблю сосны, но слишком уж долго мы в них сидим. И еще я устала от гор. В горах есть только два направления: вниз и вверх, а вниз – значит, к дороге и к городам, где хозяйничают фашисты.

– Ты иногда ездешь в Сеговию?

– *Qué va!* С моей-то рожей? Такую рожу никогда не забудешь. Как бы тебе понравилось быть страхолюдиной, красавица? – спросила она Марию.

– Ты не страхолюдина.

– *Vamos*, это я-то не страхолюдина? Я страхолюдиной родилась. И всю жизнь была страхолюдиной. Вот ты, *Inglés*, который ничего в женщинах не смыслит, знаешь ли ты, что чувствует уродливая женщина? Знаешь ли ты, что значит всю жизнь быть страхолюдиной, а внутри ощущать себя красавицей? Чуднбе, доложу тебе, ощущение. – Она опустила в воду другую ногу и

²⁴ Здесь: вы посмотрите (*исп.*).

тут же отдернула ее. – Господи, ну и холодрыга! Ты глянь на эту трясогузку. – Она показала на серенький пушистый комочек, прыгавший вверх-вниз на камне выше по ручью. – Никчемная птица: ни петь не умеет, ни в пищу не годится. Только и знает хвостом трясти. Дай мне закурить, *Inglés*, – сказала она и, взяв у Роберта Джордана папиросу, прикурила ее, чиркнув кремнем о кресало – их она носила в кармане рубахи. Потом, выпустив дым, посмотрела на Марию и на Роберта Джордана. – Странная штука жизнь, – сказала она, выпуская дым через ноздри. – Из меня вышел бы хороший мужик, но я – самая настоящая женщина, и притом самая настоящая страхолюдина. Хотя многие мужчины любили меня, и я многих любила. Чудно. Ты послушай, *Inglés*, это интересно. Посмотри, какая я страхолюдина. Внимательней посмотри, *Inglés*.

– Ты не страхолюдина.

– *Qué no?*²⁵ Не ври мне. Или... – Она рассмеялась своим глубоким грудным смехом. – Неужели и на тебя начало действовать? Нет. Это шутка. Нет. Ты посмотри на это уродство. А все ж есть у женщины внутри что-то такое, от чего мужчина становится как слепой, когда любит. Ты этим чем-то и его ослепляешь, и сама слепнешь. А потом, в один прекрасный день, безо всякой причины, он вдруг видит тебя такой, какая ты есть на самом деле, и перестает быть слепым, и ты сама уже видишь себя такой, какой он теперь тебя видит, и теряешь своего мужчину, а вместе с ним и то, что было у тебя внутри. Понимаешь, *guapa*? – Она похлопала девушку по плечу.

– Нет, – ответила Мария. – Потому что ты – не уродливая.

– Головой думай, а не сердцем, и слушай, – сказала Пилар. – Я тебе интересные вещи рассказываю. А тебе не интересно, *Inglés*?

– Интересно. Но нужно идти.

– *Qué va*, идти! Мне и здесь хорошо. Так вот, – продолжила она, обращаясь теперь к Роберту Джордану, как будто выступала перед классом, вроде лекцию читала. – Через какое-то время, притом что ты остаешься такой страхолюдиной, что страшней и не бывает, вот как я, так вот, через какое-то время то чувство, то идиотское ощущение, что ты красавица, начинает медленно расти снова. Оно растет в тебе, как капуста. И когда вырастает окончательно, другой мужчина видит тебя, и ему кажется, что ты красивая, и все начинается сначала. Для меня все это, наверное, уже в прошлом, но чем черт не шутит. Повезло тебе, *guapa*, что ты не уродина.

– Нет, я – *уродина*, – сказала Мария.

– А ты *ego* спроси, – сказала Пилар. – И не мочи ноги в воде – застудишься.

– Если Роберто говорит, что надо идти, значит, надо идти, – сказала Мария.

– Вы только послушайте ее, – сказала Пилар. – Я рискую ничуть не меньше, чем твой Роберто, но говорю, что мы вполне можем отдохнуть здесь, у ручья, времени еще полно. А кроме того, мне хочется поговорить. Это единственное нормальное занятие, которое у нас осталось. Чем еще мы можем отвлечься? Разве тебе не интересно то, что я рассказываю, *Inglés*?

– Говоришь ты очень хорошо. Но есть вещи, которые интересуют меня больше, чем разговоры о красоте или недостатке красоты.

– Тогда давай поговорим о том, что интересно тебе.

– Где ты была, когда началось движение?

– В своем родном городе.

– В Авиле?

– *Qué va*, в Авиле!

– Пабло говорил, что он из Авилы.

– Врал. Хотел похвастать, что он из большого города. А на самом деле он из... – Она назвала маленький городок.

– И что там происходило?

²⁵ Здесь: а то нет, неужели? (исп.)

– Много чего, – ответила женщина. – Очень много. И все было мерзко. Даже то, что сделало нас знаменитыми.

– Расскажи, – попросил Роберт Джордан.

– Это слишком жестоко, – ответила женщина. – Не хочу при девушке.

– Если это не для ее ушей, пусть не слушает.

– Я все смогу выслушать, – сказала Мария и положила ладонь на руку Роберта Джордана. – Нет такого, чего бы я не могла выслушать.

– Дело не в том, сможешь ли ты это выслушать, – сказала Пилар, – а в том, следует ли мне рассказывать это при тебе, как бы тебя кошмары по ночам мучить не стали.

– От твоих рассказов меня кошмары мучить не будут, – сказала Мария. – Неужели ты думаешь, что после всего того, что с нами случилось, я буду видеть страшные сны из-за какого-то рассказа?

– А может, от него англичанину страшный сон приснится.

– Попробуй – посмотрим.

– Нет, *Inglés*, я ведь не шучу. Доводилось тебе видеть начало движения в каком-нибудь маленьком городке?

– Нет, – ответил Роберт Джордан.

– Тогда, считай, ты ничего не видел. Вот ты знаешь, в какую труху превратился Пабло теперь, а видел бы ты его в тот день!

– Расскажи.

– Нет. Не хочу.

– Расскажи.

– Ну ладно. Расскажу все, как было, без утайки. Но ты, *guapa*, если станет неважно слушать, скажи.

– Если мне станет неважно, я перестану слушать, – сказала Мария. – Хуже того, что я повидала, все равно не будет.

– Боюсь, что будет, – сказала женщина. – Дай-ка мне еще одну папироску, *Inglés*, и *vamonos*²⁶.

Девушка откинулась на вереск у ручья, Роберт Джордан тоже растянулся на земле, рядом, положив голову на кустик вереска, как на подушку. Он нащупал пальцами руку Марии, сжал и стал водить ею по верхушкам вересковой поросли, пока девушка не раскрыла ладонь и не положила ее поверх ладони Роберта Джордана; так, держась за руки, они и слушали рассказ Пилар.

– Было раннее утро, когда находившиеся в казармах *civiles* сдались, – начала она.

– Вы атаковали казармы? – спросил Роберт Джордан.

– Пабло окружил их в темноте, перерезал телефонные провода, заложил взрывчатку под одну из стен и крикнул *guardia civil*, чтобы они сдавались. Они не сдались. И когда рассвело, он взорвал стену, образовался пролом. Завязался бой. Двое из *civiles* были убиты, четверо ранены, остальные четверо сдались.

В рассветной мгле мы все лежали на крышах, на земле, за бордюрами, окружавшими стены казармы и других зданий; облако пыли от взрыва поднялось очень высоко, а ветра, чтобы унести его, не было, поэтому оно так и не улеглось, и мы все падали в образовавшийся пыльный пролом наугад, перезаряжали ружья и стреляли в дым, через который сверкали ответные выстрелы, снова и снова, а потом оттуда, из-за дымовой завесы, закричали, чтобы мы прекратили огонь, и четверо *civiles* вышли с поднятыми руками. После взрыва вместе со стеной внутрь обвалился большой кусок крыши, вот через этот пролом они и вышли.

²⁶ Букв.: пойдемте; здесь: начнем (*исп.*).

Пабло крикнул: «Есть еще кто-нибудь внутри?» – «Только раненые», – ответили ему. Тогда он сказал четверым нашим, которые вышли из укрытия: «Стерегите этих. – А четверым *civiles*: – Встаньте туда, к стене». Те, грязные, все в пыли и копоти, встали к стене, четверо наших, которым Пабло велел их стеречь, взяли их на мушку, а он сам вместе с другими пошел внутрь добивать раненых.

Когда они с этим покончили и из казармы уже не доносилось ни стонов раненых, ни криков, ни стрельбы, Пабло с остальными вышли, дробовик висел у Пабло за спиной, а в руке он нес «маузер». «Смотри, Пилар, – сказал он. – Это я забрал у офицера, который застрелился сам. Я никогда еще не стрелял из «маузера». – И крикнул одному из тех, что стояли у стены: – Эй, ты! Покажи мне, как с ним обращаться. Нет. Не покажи, а расскажи».

Пока в казарме стреляли, эти четверо *civiles* стояли у стены, обливаясь потом и не произнося ни слова. Все они были высокими мужчинами с типичными для *guardias civiles* лицами, то есть с такими, как у меня. К тому же их лица заросли однодневной щетиной, потому что в последнее утро своей жизни им некогда было побриться; вот такими, небритыми, они и стояли у стены. Молча.

«Эй, ты, – сказал Пабло тому, который стоял к нему ближе всех, – объясни, как он действует».

Тот охрипшим от сухости во рту голосом ответил: «Оттяни маленький рычажок вниз, потом ствольную коробку – назад, потом отпусти, чтобы она вернулась на место». – «Что такое «ствольная коробка»? – спросил Пабло, обвел глазами всех четверых *civiles* и повторил: – Что такое «ствольная коробка»?» – «Ну, вон та коробка, что наверху».

Пабло оттянул ее назад, но что-то там заклинило. «Ну и что теперь? – спросил он. – Ее заело. Ты мне наврал». – «Дальше назад оттяни, – сказал тот, – а потом отпусти, она сама на место встанет». И скажу тебе, в жизни не слыхала я такого голоса, какой был у него, – серее самого пасмурного рассвета.

Пабло сделал, как сказал ему тот человек: оттянул, отпустил, коробка встала на место, теперь можно было стрелять. Уродливый был пистолет, громоздкий какой-то, неуклюжий: рукоятка маленькая, круглая, а ствол огромный, приплюснутый. Все это время *civiles* наблюдали за Пабло, а он молчал. Один не выдержал и спросил: «Что ты собираешься с нами делать?» – «Расстреляю», – ответил Пабло. «Когда?» – спросил человек тем же серым голосом. «Сейчас», – ответил Пабло. «Где?» – спросил человек. «Тут, – сказал Пабло. – Тут. Сейчас. Тут и сейчас. Хочешь что-нибудь сказать?» – «*Nada*, – ответил *civil*. – Ничего. Но это гнусность». – «Гнусность – это ты, – сказал Пабло. – Ты – убийца крестьян. Ты и собственную мать застрелил бы, не моргнув глазом». А *civil* ответил ему: «Я в жизни своей никого не убил. И мать мою поминать не смей». Пабло ему: «Ты вот все других убивал, а теперь сам покажи, как надо умирать». Тут другой вступил: «Незачем нас оскорблять, – говорит. – А умереть мы сумеем, не сомневайся».

Тогда Пабло скомандовал: «Встать на колени лицом к стене. – *Civiles* переглянулись. – Я сказал: на колени! – рявкнул Пабло. – А ну, быстро!» Один из четверых посмотрел на самого высокого, того, который объяснял Пабло про пистолет, и спрашивает: «Ты как считаешь, Пако?» У него на рукавах были капральские лычки, и он страшно потел, хотя в такую рань было еще холодно. «Да какая разница, – ответил ему высокий. – Можно и на колени». – «Ну да, к земле ближе будет», – вроде бы как пошутил другой, но никто не улыбнулся – слишком все жутко было на самом деле.

«Ну, на колени так на колени», – сказал тот, первый, и все четверо опустили на колени; вид у них был нескладный: лицами к стене, руки висят вдоль туловища, а Пабло зашел сзади и всех по очереди перестрелял в затылок из пистолета – переходил от одного к другому, представлял дуло к затылку, нажимал на курок, и каждый после выстрела оседал на землю. Я и сейчас еще слышу те выстрелы, резкие и в то же время какие-то приглушенные, и вижу, как дер-

гается ствол и падает вперед голова. Первый из четверых держал голову прямо и неподвижно, когда ему в затылок ткнулось дуло. Второй наклонил голову вперед и уперся лбом в стену. Третий задрожал всем телом, и голова у него затряслась. И только один, последний, закрыл глаза руками. Четыре тела некрасиво так лежали возле стены, когда Пабло развернулся, подошел к нам с пистолетом в руке, сказал мне: «Подержи его, Пилар, я не знаю, как его снова поставить на предохранитель» и отдал мне пистолет. Потом он долго смотрел на четверых гвардейцев, лежавших под стеной казармы. Все остальные, кто был с нами, тоже стояли и смотрели на них, и никто не произнес ни слова.

Город мы взяли. Было рано, никто из нас еще не ел и не пил кофе, мы смотрели друг на друга: все были покрыты пылью от взрыва казарм, как крестьяне, работающие на молотилке; тяжелый пистолет оттягивал мне руку, и когда я взглянула на мертвых гвардейцев возле стены, в животе появилась какая-то слабость; они были такими же серыми от пыли, как и мы, но сухая земля под каждым из них уже пропиталась кровью. Пока мы так стояли, над дальними горами начало всходить солнце, оно уже осветило дорогу, на которой мы стояли, и белую стену казармы, и висевшая в воздухе пыль в его первых лучах зазолотилась, и крестьянин, который стоял позади меня, посмотрел на стену казармы и на то, что лежало под ней, потом перевел взгляд на нас, потом на солнце и сказал: «*Vaya*²⁷, вот и день начинается». А я сказала: «Ну, пошли выпьем кофе». И он согласился: «Правильно, Пилар, правильно». И мы пошли в город, на площадь.

Это были последние люди, которых расстреляли в нашем городишке.

– А что случилось с остальными? – спросил Роберт Джордан. – Разве других фашистов у вас не было?

– *Qué va!* Скажешь тоже, не было других фашистов! Их оставалось еще больше двух десятков. Но ни одного из них не расстреляли.

– А что же с ними сделали?

– Пабло устроил так, что их забили до смерти цепами и с крутого обрыва сбросили в реку.

– Всех? Двадцать человек?

– Да. Я расскажу. Погоди. Это нелегко. Никогда в жизни не хотела бы я больше увидеть, как людей до смерти забивают цепами на площади. Над рекой, на утесе...

Город стоит на высоком берегу реки, и там есть площадь с фонтаном, на которой растут большие деревья, а под ними стоят скамейки. На эту площадь стекается шесть улиц и выходят балконы окрестных домов, и по кругу вдоль всех домов тянется крытая галерея из арок с колоннами, так что, когда печет солнце, всю площадь можно обойти в тени. Эта галерея опоясывает площадь с трех сторон, а с четвертой стороны, над обрывом к реке, идет обсаженная деревьями тенистая аллея. Обрыв высокий – почти сто метров.

Пабло и тут все здорово организовал, как при взятии казарм. Перво-наперво он перегородил все улицы телегами, получилась вроде как арена для *sapea*²⁸ – любительской корриды. Всех фашистов держали в *Ayuntamiento*, в мэрии – самом большом здании на площади, с большими часами на передней стене, и фашистский клуб находился там же, в одном из домов под крытой галереей. На тротуар под этой галереей они выставляли столы и стулья и проводили там свои собрания. Раньше, до начала движения, они там просто сидели и выпивали перед обедом. И столы, и стулья были плетеными – что-то вроде кафе, только выглядело шикарней.

– И их всех взяли без боя?

– Пабло схватил их ночью, еще до атаки на казармы, но казармы тогда уже были окружены. Их выволокли из домов как раз в тот момент, когда атака началась. Это было очень

²⁷ Восклицание – что-то вроде «ну вот» (исп.).

²⁸ Сапеа (от испанского слова сара – плащ) – травля быков, в которой участвуют любители, «гоняющие» молодых бычков по импровизированной арене (часто это просто огороженная деревенская площадь). Устраивается главным образом в деревнях на праздники.

умно. Пабло – отличный организатор. Иначе, пока он атаковал бы казармы *guardia civil*, на него могли напасть с флангов и с тыла.

Пабло вообще очень умный, но очень жестокий. Там, в городе, он все толково спланировал и умело всем руководил. Вот слушай. После того как казармы были успешно взяты, последние четыре гвардейца сдались и он расстрелял их у стены, после того как все мы напились кофе в кафе, которое открывается первым в городе, потому что за углом от него находится остановка, от которой отходит самый ранний автобус, он принялся обустривать площадь. Велел телегами перегородить все улицы, ведущие на нее, точно как для *carrea*, только проход к реке оставил свободным. Потом приказал священнику исповедать фашистов и причастить их, как положено.

– Где это происходило?

– В *Ayuntamiento*, я же сказала. Снаружи собралась огромная толпа, и пока священник делал свое дело внутри, многие из собравшихся на площади веселились, кое-кто выкрикивал непристойности, но большая часть людей вела себя серьезно и с достоинством. Похабно шутили те, кто уже успел набраться в честь взятия казарм, а были и просто оболтусы, которым, чтобы напиться, и повод не нужен.

Так вот, пока священник исполнял свои обязанности, Пабло велел всем выстроиться на площади в две шеренги.

Он расположил людей двумя длинными рядами, как мужчины становятся для перетягивания каната или как люди выстраиваются вдоль улиц, чтобы увидеть финал велогонки: места между правым и левым рядом остается ровно столько, сколько нужно, чтобы проехали велосипедисты или чтобы пронести святой образ во время церковного шествия. Этот коридор шириной метра в два тянулся от самых дверей *Ayuntamiento* через всю площадь до края обрыва, так что тот, кто выходил из *Ayuntamiento*, мог видеть только два ряда людей, стоявших впритык друг к другу.

В руках многие держали цепи, какими выколачивают зерно из колосьев, а расстояние между ними было ровно такое, чтобы не задеть друг друга. Цепы были не у всех, на всех не хватило, но большинство тех, кто стоял на площади, успело прихватить их в лавке дона Гильермо Мартина, тот был фашистом и торговал всяким сельскохозяйственным инструментом. Кому цепов не досталось, запаслись тяжелыми пастушьими шестами с крюком на конце или стрекалами, некоторые – сенными вилами, ну, такими, с деревянными зубьями, которыми перекидывают солому после обмолота или сено. Кое у кого были серпы, но этих Пабло поставил в самый конец, ближе к обрыву.

Все стояли смирно. День был ясный, как вот сегодня, и облака плыли высоко в небе, как сейчас, и пыль на площади еще не поднялась – ее прибила обильная роса, выпавшая ночью; тень деревьев укрывала людей от солнца, и было слышно, как вода из медной трубы в пасти льва льется в фонтан, из которого женщины обычно набирали воду в большие кувшины.

Только возле самого *Ayuntamiento*, в котором священник в окружении фашистов исполнял свой долг, кто-то по-прежнему сквернословил, но это были те самые оболтусы, которые, как я сказала, уже напились, они толклись перед окнами и через железные решетки несли всякую похабщину – им это казалось смешным. Большинство же мужчин в шеренгах ждали молча, я только слышала, как кто-то спросил: «А женщины среди них есть?», а кто-то другой ответил: «Дай-то бог, чтобы не было». Потом кто-то сказал: «Вон жена Пабло. Слушай, Пилар, там женщины есть?» Я посмотрела на него – это был крестьянин, который обливался потом в своей парадной воскресной одежде, и ответила: «Нет, Хоакин, женщин там нет. Женщин мы не убиваем. Зачем нам убивать их женщин?» И он сказал: «Слава Христу, что женщин не будет! А когда все начнется?» – «Как только священник закончит», – ответила я. «А священника – тоже?..» – спросил он. «Не знаю», – ответила я и увидела, как исказилось у него лицо и пот выступил на лбу. «Я никогда еще не убивал человека», – сказал он. «Вот сейчас и научишься, –

сказал ему крестьянин, стоявший рядом. – Только не думаю, что одного удара вот этим достаточно, чтобы убить человека». Он поднял свой цеп обеими руками и неуверенно посмотрел на него. «В том-то вся и штука, – сказал тогда еще один, – что бить надо будет много раз». – «А я, еще до того как мы пришли в город, слышал, что *они* взяли Вальядолид. И Авила тоже», – сказал кто-то, кто стоял дальше. И кто-то ему ответил: «Этот город *они* никогда не возьмут. Это – наш город. Мы ударили по ним загодя». – «Пабло не такой, чтобы ждать, когда ударят они», – сказала я. «Пабло молодец, – согласился кто-то еще, – но зря он сам прикончил всех *civiles*, нам тоже охота. Ты так не думаешь, Пилар?» – «Может быть, – ответила я, – но здесь будут участвовать все». – «Ага, – снова согласился он. – Тут все хорошо организовано. А почему нет никаких свежих новостей про боевые действия?» – «Перед атакой на казармы Пабло перерезал телефонные провода. Их еще не починили». – «А-а, – сказал он, – так вот почему известия не доходят. Я-то последние новости узнал сегодня утром от дорожного обходчика. Пилар, а зачем нужно делать это именно так?» – «Чтобы пули сберечь, – сказала я. – И чтобы каждый нес свою долю ответственности» – «Ну, так давайте начинать, что ли? Давайте начинать». Я посмотрела на него, увидела, что он плачет, и спросила: «Ты чего плачешь, Хоакин? О них плакать нечего». А он отвечает: «Ничего не могу с собой поделать, Пилар. Я никогда еще никого не убивал».

Если ты не видел первый день революции в маленьком городке, где все знают всех и всегда знали, ты не видел ничего. В тот день большинство людей, стоявших в двойной шеренге, пересекавшей площадь, были в обычной одежде, той, в которой они работали в поле, потому что в город им пришлось отправиться спешно, но некоторые, не зная, как следует одеться для первого дня движения, надели свои воскресные, праздничные костюмы и теперь, глядя на других, в том числе тех, которые брали казармы и на которых была старая затрепанная одежда, чувствовали себя неловко из-за того, что вырядились не к месту. Но и снять свои парадные пиджаки они не решались, боясь потерять, или что какой-нибудь бездельник украдет их, поэтому так и стояли, обливаясь потом на солнцепеке, и ждали, когда все начнется.

Потом подул ветер, и сухая пыль, оттого что люди ходили по площади или топтались на месте, поднялась в воздух; один из мужчин в темно-синем воскресном пиджаке закричал: «*Agua! Agua!*»²⁹, и тамошний служитель, который всегда по утрам поливал площадь, развернул свой шланг и начал сбивать пыль струей воды, двигаясь от края площади к центру. Обе шеренги отпрянули назад, чтобы дать ему смыть пыль в середине; служитель водил шлангом по широкой дуге, вода блестела на солнце, а люди стояли поодаль, опершись на свои цепи, стрела или белые деревянные вилы, и наблюдали, как вода под напором смывает пыль. После того как площадь была смочена, пыль улеглась и дышать стало легче, люди снова выстроились в две шеренги, и кто-то из крестьян крикнул:

«Ну и где там эти фашисты? Когда уже хоть один выйдет из исповедальни?»

Пабло с порога *Ayuntamiento* крикнул в ответ: «Скоро! Скоро первый выйдет!» Голос у него был хриплый, потому что он накричался во время атаки на казармы и надышался дымом.

«Чего они там тянут?» – спросил кто-то.

«Грехов много, никак замолить не могу», – ответил Пабло.

«Ну да, их же там целых два десятка», – сказал кто-то, а другой добавил: «Больше», а еще кто-то подхватил: «Да, на двадцать человек прилично грехов наберется». А какой-то рассудительный сказал: «Так-то оно так, только, думаю, уловка это, чтобы время выиграть. В таком положении, как у них сейчас, никаких грехов и не вспомнишь, разве что самые страшные».

«Ты уж потерпи: чтобы больше двадцати человек покаяться даже в самых страшных грехах, время нужно».

²⁹ Воды! Воды! (исп.)

«Потерпеть я могу, – сказал рассудительный, – только лучше бы уж поскорей с этим покончить. И для них, и для нас лучше. Июль на дворе, работы по горло. Сжать-то мы сжали, но не обмолотили еще. Не время пока для ярмарок и праздников».

«А все ж праздник сегодня будет, – возразил ему кто-то. – Праздник Свободы, потому что с этого дня, когда не станет тех, кто там, внутри, город и земля будут нашими».

«Уж мы сегодня фашистов-то пообмолотим, – подхватил кто-то, – и выколотим из этой мякины свободу для нашего *pueblo*³⁰».

«Но чтобы заслужить ее, надо все сделать по уму, – сказал кто-то. – Пилар, когда у нас будет общее собрание?»

«Как только покончим с этим, – ответила я. – Вот прямо здесь, в *Ayuntamiento*».

На мне шутки ради была форменная лакированная треуголка гражданского гвардейца, пистолет заткнут за веревку, которой я была подпоясана, так, что дуло торчало из-под нее, я придерживала предохранитель большим пальцем, а для виду жала на курок. Когда я напяливала на голову треуголку, мне казалось, что это очень смешно, хоть потом я и пожалела, что вместо шапки не прихватила у гвардейца кобуру. Но кто-то из мужчин, стоявших в шеренге, сказал мне: «Пилар, дочка, по-моему, негоже тебе носить эту шапку. У нас теперь больше нет никакой *guardia civil*». – «Ну, тогда я ее снимаю», – ответила я. И сняла. «Отдай ее мне, – сказал он. – Надо, чтобы и духу ее не осталось».

Мы стояли на дальнем конце площади, там, где аллея тянется вдоль обрыва над рекой; он взял у меня шапку и, размахнувшись, швырнул ее с обрыва так, как пастух швыряет подбренный с земли камень в отбившегося быка, чтобы загнать его в стадо. Она долго планировала в воздухе, становясь все меньше и меньше, посверкивая на солнце своей лакированной кожей и постепенно опускаясь к воде. Я отвернулась и посмотрела на площадь: у всех окон и на всех балконах толпились люди, двойная шеренга мужчин тянулась от обрыва до самого входа в *Ayuntamiento*, а там, перед окнами, роился народ и стоял гул множества голосов, и вдруг поверх него я услышала крик, и кто-то сказал: «Вот, первый выходит». Это был дон Бенито Гарсия, мэр. С непокрытой головой, он медленно вышел из дверей и спустился с крыльца – и ничего не произошло; он двинулся сквозь строй мужчин с цепями – и ничего не произошло. Миновал первых двух, четырех, восьмерых, десятерых – и ничего не произошло; он шел сквозь этот строй с высоко поднятой головой, его пухлое лицо было серым, взгляд устремлен перед собой, поступь ровная, лишь раз или два он быстро посмотрел по сторонам. И ничего не происходило.

Вдруг с какого-то балкона донесся крик: «*Qué pasa, cobardes?* – Что вы делаете, трусы?», но дон Бенито продолжал идти сквозь строй мужчин, и ничего не происходило. Тут я обратила внимание на мужчину, стоявшего за три человека от меня: желваки ходуном ходили у него на лице, он кусал губы и так крепко сжимал рукоятку своего цепя, что костяшки на пальцах побелели. Он смотрел прямо на дону Бенито и ждал его приближения. И все равно ничего не происходило. А потом, как раз перед тем, как дон Бенито поравнялся с этим человеком, тот высоко поднял свой цеп так, что даже задел билом стоявшего позади него, и изо всех сил обрушил его на дону Бенито, удар пришелся тому в висок, он посмотрел на мужчину, и тот ударил снова, закричав: «Вот тебе, *cabrón*³¹!». Этот удар попал дону Бенито по лицу, он вскинул руки, чтобы прикрыться, и тут его начали избивать, пока он не упал, а мужчина, ударивший первым, крикнул остальным, чтобы помогали, и, уцепив за воротник рубашки, потащил дону Бенито лицом по земле, другие подхватили его за руки, поволокли к краю обрыва и сбросили в реку. А тот, что ударил первым, стоял на коленях у края обрыва и, провожая его взглядом, кричал: «*Cabrón! Cabrón! Y-y, Cabrón!*» Он был арендатором дону Бенито, и они всегда не ладили – между ними шел давний спор насчет участка земли у реки, который дон Бенито забрал у этого

³⁰ Народ (исп.).

³¹ Козел (исп.).

человека и отдал другому, и этот человек давно его ненавидел. Он не стал возвращаться в строй, а так и остался сидеть на краю обрыва, глядя вниз, туда, куда упал дон Бенито.

После дона Бенито долго никто не выходил, но теперь все стояли молча – ждали, кто появится следующим. Потом какой-то пьяница громко заорал: «*Qué salga el toro!* Выпускай быка!» А вслед за ним кто-то, кто через окно следил за тем, что происходит внутри *Ayuntamiento*, крикнул: «Никто не собирается выходить! Они все молятся!» Тогда еще один пропойца завопил: «Ташите их оттуда! Давайте, вытаскивайте! Хватит им молиться!» Но и после этого долго никто не выходил, а потом я увидела на пороге человека.

Это был дон Федерико Гонсалес, хозяин мельницы и фуражной лавки, фашист из фашистов. Он был высокий, худой и зачесывал волосы от виска к виску, чтобы скрыть лысину. Видно, его вытащили прямо из постели, потому что он был босиком и в ночной рубашке, заправленной в брюки. С поднятыми руками, он шел впереди Пабло, который толкал его в спину стволами своего дробовика, пока не вступил в проход между шеренгами. Но стоило Пабло отойти от него и вернуться к дверям *Ayuntamiento*, как дон Федерико остановился, не в силах сделать больше ни шагу, и, подняв голову, простер руки к небу, будто хотел ухватиться за него.

«Гляди-ка, ему ноги отказали», – ухмыльнулся кто-то, а кто-то другой прокричал издали: «Что с вами, дон Федерико? Ходить разучились?» Но дон Федерико так и стоял, воздев руки к небу, и только тихо шевелил губами.

«Ну, ты, давай пошевеливайся», – крикнул ему Пабло с крыльца.

Дон Федерико продолжал стоять, не в состоянии сдвинуться с места. Один из пьянчуг ткнул его в бок ручкой цепа, и дон Федерико дернулся в сторону, как испуганная лошадь, но остался стоять все там же, с поднятыми руками и возведенным к небу взглядом.

Тут крестьянин, стоявший позади меня, сказал: «Позорище какое. Я против него ничего не имею, но надо кончать это представление». Он прошел до того места, где стоял дон Федерико, протолкался сквозь строй и, сказав: «С вашего позволения», огрел его шестом по голове.

Дон Федерико уронил руки, прикрыв ими лысину так, что длинные жидкие волосы выбились между пальцами, опустил голову и, защищая ее ладонями, бегом ринулся сквозь строй; удары сыпались ему на спину и на плечи, пока он не упал, и тогда стоявшие в конце строя подняли его и сбросили с обрыва. С того самого момента, когда вышел из *Ayuntamiento*, подталкиваемый дробовиком Пабло, он ни разу не открыл рта. Его только ноги не слушались, он не мог больше ими управлять.

После дона Федерико я заметила, что на ближнем к обрыву конце шеренги стали собираться самые суровые мужчины, и ушла оттуда, добралась до галереи, прилегавшей к *Ayuntamiento*, и, растолкав двух пьянчуг, заглянула в окно. В большом зале фашисты полукругом стояли на коленях и молились, священник, тоже на коленях, молился вместе с ними. Пабло, еще один человек по прозвищу *Cuatro Dedos*, Четырехпалый, сапожник, который тогда постоянно был при Пабло, и еще двое стояли с дробовиками в руках. «Ну, кто следующий?» – спросил Пабло у священника, но тот продолжал молиться и ничего ему не ответил.

«Слушай, ты, – хриплым голосом повторил Пабло, – кто пойдет следующим? Кто уже готов?»

Священник не обращал на него внимания и вел себя так, будто его там и не было, и я видела, что Пабло это начинает бесить.

«Давай мы выйдем все вместе», – предложил Пабло землевладелец дон Рикардо Монтальво, подняв голову и перестав молиться.

«*Qué va*, – сказал Пабло. – Как бы не так. По одному. Кто готов, тот пусть и выходит».

«Тогда я пойду, – сказал дон Рикардо. – Более готовым, чем сейчас, я все равно уже не буду. – Священник благословил его, пока он говорил с Пабло, потом, когда он встал с колен,

еще раз перекрестил его и, не прерывая молитвы, протянул распятие, дон Рикардо поцеловал крест, повернулся к Пабло и сказал: – Я готов как никогда. Ну, козел паршивый, пошли».

Дон Рикардо был невысоким мужчиной с седыми волосами и толстой шеей, в то утро на нем была рубашка без воротника. Он много ездил верхом, и ноги у него от этого стали кривыми. «Прощайте, – сказал он молившимся на коленях товарищам. – Не горюйте. Умирать – легко. Плохо только, что приходится умирать от рук этих *canalla*³². Не трогай меня, – сказал он Пабло. – Не смей прикасаться ко мне своим дробовиком».

Когда он, седой, со своими маленькими серыми глазками и толстой шеей, вышел на крыльцо *Ayuntamiento*, вид у него был разгневанный, и он казался очень маленьким. Он взглянул на две шеренги крестьян и плюнул на землю. Причем плюнул настоящей слюной, что в таких обстоятельствах, как ты знаешь, *Inglés*, бывает очень редко, и сказал: «*Arriba España!*³³ Долой вашу так называемую Республику, и клал я на ваших отцов».

Из-за этого оскорбления его забили очень быстро; начали избивать, как только он поравнялся с первыми двумя стоявшими друг против друга мужчинами, избивали, пока он пытался идти вперед с поднятой головой, избивали, пока он не упал, а после этого рубили серпами, и нашлось много охотников отнести его к обрыву и сбросить в реку; к тому времени руки и одежда у людей были уже в крови, и у них появилось четкое ощущение, что те, кто выходит из *Ayuntamiento*, – настоящие враги, которых нужно убивать.

Пока не вышел разъяренный дон Рикардо и не оскорбил всех, многие из стоявших на площади – я уверена в этом – дорого бы дали за то, чтобы не быть там. И если бы кто-нибудь крикнул тогда: «Ладно, они получили хороший урок, пощадим остальных», не сомневаюсь, что многие согласились бы.

Но дон Рикардо своей храбростью сослужил остальным плохую службу. Потому что он разозлил тех, кто стоял в строю, и если раньше они только выполняли свой долг, притом без особой охоты, то теперь по-настоящему рассвирепели, разница была видна.

Кто-то крикнул: «Вытащите оттуда священника, тогда дело пойдет быстрее», его поддержали: «Давай сюда священника! Трех разбойников прикончили – теперь священника давай!»

«Два разбойника, – сказал невысокий крестьянин тому, кто это крикнул. – Два разбойника были с Господом нашим».

«С чьим Господом?!» – вскинулся тот, его аж перекосило, и лицо сделалось красным.

«Ну, просто так говорится – с Господом нашим».

«Он мне не господин, даже в шутку. А ты следи за языком, если не хочешь, чтобы тебя тоже прогнали сквозь строй», – пригрозил первый.

«Я такой же преданный республиканец, как и ты, – обиделся невысокий. – Это я огрел дона Рикардо прямо по зубам. А дон Федерико по спине. Правда, по дону Бенито промахнулся. А «Господь наш» – это просто выражение такое, когда поминаешь того, с кем было двое разбойников».

«Это ты-то республиканец, мать твою? И поэтому у тебя все – «доны»?» – не унимался первый.

«Ну, их же так называют».

«Только не я, для меня они – *cabrones*. А на твоего Господа я... Эй, глядите, еще один идет!»

И вот тогда мы увидели действительно постыдное зрелище, потому что из дверей *Ayuntamiento* вышел дон Фаустино Риверо, старший сын помещика дон Селестино Риверо. Фаустино был высоким блондином с аккуратно зачесанными назад волосами: он всегда носил в кармане гребенку и, перед тем как выйти, явно причесался. Он был тем еще ходок и трусом

³² Каналья, мерзавец (*исп.*).

³³ Вставай, Испания! (*исп.*) – лозунг фалангистов во время Гражданской войны в Испании.

и всегда мечтал стать матадором-любителем. Вечно валандался с цыганами, вертелся вокруг матадоров и производителей быков, обожал красоваться в андалузском костюме, но храбрости в нем не было ни на грош, и воспринимали его как всеобщее посмешище. Как-то раз он объявил, что проведет любительский благотворительный бой в пользу дома престарелых в Авиле верхом, по-андалузски. Долго тренировался. Но когда увидел настоящего здоровенного быка, а не малыша на слабых ножках, каких сам себе выбирал для тренировки, сразу же заявил, что болен, и, говорят, сунул в глотку три пальца, чтобы его выворотило.

Как только его увидели на площади, слышались крики: «*Hola*, дон Фаустино! Смотри не сблуй!»

«Слушай, дон Фаустино, там, под обрывом, тебя ждут молодые красотки».

«Эй, дон Фаустино, погоди чуток, мы тебе сейчас приведем быка посolidней, чем тот, от которого ты драпанул».

А кто-то крикнул: «Послушай меня, дон Фаустино. Ты про смерть что-нибудь когда-нибудь слышал?»

Дон Фаустино стоял, пытаясь разыгрывать храбрость. Он еще был под впечатлением от того, что сам вызвался перед остальными выйти к толпе. Это был такой же порыв хвастовства, как тот, что когда-то заставил его объявить об участии в бое быков и поверить, будто он может стать матадором-любителем. А теперь он, видать, вдохновлялся примером дона Рикардо – стоял красивый такой и с виду храбрый, изображал презрение. Только вот язык у него напрочь отнялся.

«Иди сюда, дон Фаустино, – выкрикнул кто-то из рядов. – Иди сюда! Тут тебя дожидается самый здоровенный бык на свете».

Дон Фаустино стоял, глядя куда-то вперед, и мне подумалось, что ни в том, ни в другом ряду не найдется ни души, чтоб его пожалеть. Тем не менее выглядел он эдаким надменным красавцем, но время утекало, а другого пути у него не было.

«Эй, дон Фаустино, – крикнул кто-то, – чего ты там ждешь, а, дон Фаустино?»

«Он готовится сблевать», – ответил кто-то другой, и люди на площади покатались со смеху.

«Дон Фаустино, – крикнул какой-то крестьянин, – блуй, если тебе так будет легче. Мне плевать».

И тогда дон Фаустино обвел глазами людей в шеренгах, потом посмотрел в конец площади, туда, где за обрывом была пустота, и, быстро развернувшись, нырнул обратно в дверь. Обе шеренги взревели, и кто-то, перекрывая рев, высоким голосом закричал: «Куда же вы, дон Фаустино? Куда же вы?»

«Блевать пошел», – съязвил кто-то, и все снова захохотали.

Потом мы опять увидели дону Фаустино, Пабло вел его под прицелом своего дробовика. От его гонора не осталось и следа. При виде веселившихся людей он позабыл и про свое происхождение, и про свою спесь; похоже было, будто Пабло, шедший позади с дробовиком, метет улицу, а дон Фаустино – это мусор, который он гонит впереди себя. Дон Фаустино крестился и бормотал молитвы, а потом закрыл глаза руками и спустился с крыльца.

Кто-то крикнул: «Пусть идет сам, не трогайте его».

Все поняли, и никто не прикоснулся к дону Фаустино, тот шел между шеренгами, дрожащими ладонями закрыв глаза и шевеля губами. Никто не произносил ни слова, никто его не трогал, а он, дойдя до середины строя, не смог идти дальше и упал на колени. Но и тут никто его не тронул. Я шла вровень с ним позади шеренги, чтобы увидеть, что с ним будет. Какой-то крестьянин наклонился, поднял его и сказал: «Вставайте, дон Фаустино, идите дальше. Быка еще не выпустили».

Но дон Фаустино не мог идти сам, и этот крестьянин в черной рабочей блузе взял его под руку с одной стороны, а другой такой же, тоже в черной блузе и пастушьих башмаках, –

с другой, и они повели его сквозь строй; дон Фаустино шел, все так же не отнимая ладоней от глаз, беспрерывно шевеля губами, с прилизанными светлыми волосами, блестящими на солнце, а крестьяне, когда он проходил мимо, говорили кто: «*Buen provecho*, дон Фаустино, доброго вам аппетита», кто: «*A sus ordenes*, дон Фаустино, к вашим услугам», а кто-то из тех, кто сам был горе-матадором, сказал: «Дон Фаустино, *matador, a sus ordenes*», а еще один: «Дон Фаустино, на небесах полно красивых девушек, вот увидите, дон Фаустино».

Так они вели его сквозь строй, сжимая с обеих сторон, не давая ему упасть, а он так ни разу и не отнял рук от лица. Но, должно быть, он видел сквозь пальцы, потому что, когда его подвели к краю обрыва, он снова грохнулся на колени, припал к земле, вцепился в нее пальцами, выдирая траву, и запричитал: «Нет. Нет. Нет. Пожалуйста. НЕТ! Пожалуйста. Пожалуйста. Нет. Нет».

Тогда те крестьяне, которые привели его, и другие, суровые мужчины, которые собрались в конце строя, присели на корточки позади него и, приподняв, швырнули что есть мочи с обрыва; вот так он и полетел, без единого синяка, все только услышали, как он громко и пронзительно вскрикнул, падая.

В тот момент я и поняла, что в людях по-настоящему проснулась жестокость; первым ее разбудил дон Рикардо своими оскорблениями, вторым – дон Фаустино, своей трусостью.

«Давай следующего!» – крикнул один крестьянин, а другой, похлопав его по спине, сказал: «Ну, дон Фаустино! Вот это была забава! Ну, дон Фаустино!»

А еще кто-то сказал: «Наконец-то он встретится со своим здоровенным быком, и теперь, блбуй – не блбуй, ничего ему уже не поможет».

И первый добавил: «За всю жизнь, за всю мою жизнь не видел я такого фрукта, как дон Фаустино».

«Потерпи, увидишь и других. Кто знает, что нас еще ждет?» – ответили ему.

«Да нет, даже если б они были великаны или карлики, – возразил первый, – негры или диковинные африканские существа, такого, как дон Фаустино, никогда, никогда больше не будет. Ну, давай следующего! Продолжим. Следующего давай!»

Пьянчуги передавали по кругу бутылки с анисовой и с коньяком, которые нахватили в баре фашистского клуба, пили залпом из горла, как вино, и многие из тех, кто стоял в шеренгах, тоже порядочно уже опьянели – и от спиртного, и от возбуждения, вызванного расправой над доном Бенито, доном Федерико, доном Рикардо и особенно над доном Фаустино. Те, кто не пил крепкого из бутылок, накачивались вином из бурдюка, который передавали из рук в руки, кто-то и мне его протянул, и я сделала большой глоток, смочив горло прохладным вином из этой кожаной *bota*, потому что мне тоже очень хотелось пить.

«Когда убиваешь, мучает жажда», – сказал тот, который передал мне бурдюк. А я ответила: «*Qué va!* А ты-то сам убивал?»

«Мы убили четверых, – сказал он с гордостью. – Не считая *civiles*. А это правда, что одного из *civiles* убила ты, Пилар?»

«Ни одного, – ответила я. – Я, как и все, палила в дым, когда рухнула стена. Вот и все».

«А откуда у тебя пистолет, Пилар?»

«От Пабло. Пабло отдал мне его после того, как убил *civiles*».

«Он их пострелял этим пистолетом?»

«А откуда у нас быть другому? – сказала я. – Убил, а потом меня им вооружил».

«Можно мне его посмотреть, Пилар? Подержать можно?»

«А чего ж не подержать, друг», – сказала я, вытащила пистолет из-под своего веревочного пояса и отдала ему. Но мне было интересно, почему больше никто не выходит, и тут как раз появился не кто иной, как дон Гильермо Мартин, тот самый, из чьей лавки были все наши цепи, пастушьи крюки и деревянные вилы. Дон Гильермо был фашистом, но против него лично мы ничего не имели.

Конечно, он мало платил тем, кто эти цепи делал, но и зарабатывал на них не много, а если кто не желал покупать цепи у дон Гильермо, мог и сам их сделать, и ему это стоило бы ровно столько, сколько стоят две деревянные палки да кожаный ремень. Дон Гильермо был грубияном и, конечно, фашистом, членом ихнего клуба, и обычно в полдень и вечерами сидел в этом клубе на плетеном стуле и почитывал «*El Debate*», пока ему начищали штиблеты, и потягивал вермут с сельтерской, и лакомился жареным миндалем, сушеными креветками и анчоусами, но за это не убивают, и я уверена: если бы не оскорбления дон Рикардо Монтальво и не постыдное зрелище, которое устроил дон Фаустино, а в придачу не воздействие выпивки, кто-нибудь обязательно крикнул бы: «А дон Гильермо пусть идет с миром. Спасибо ему за цепи, и отпустите его».

Потому что народ в этом городе способен на милосердие так же, как и на жестокость, и у него есть врожденное чувство справедливости и желание все делать по совести. Но жестокость уже обуяла тех, кто стоял на площади, и пьяный угар или начало пьяного угара делали свое дело, и люди в шеренгах были уже не теми, какими они были, когда вышел дон Бенито. Я не знаю, как в других странах, я и сама, как никто другой, люблю пропустить стаканчик, но в Испании, когда человек напивается не вином, а чем-нибудь покрепче, картина бывает ужасной, и люди делают страшные вещи, которых никогда бы не сделали, будь они трезвы. В твоей стране тоже так, *Inglés?*

– Да, тоже, – сказал Роберт Джордан. – Когда мне было семь лет, я поехал с мамой в штат Огайо на свадьбу, где должен был в паре с девочкой нести цветы...

– Ты нес цветы? – спросила Мария. – Как трогательно!

– Так вот, в этом городе негра повесили на фонарном столбе, а потом подожгли. Там была дуговая лампа, чтобы ее зажигать, нужно было опускать лампу к тротуару с помощью специального механизма. И сначала, чтобы вздернуть, его привязали к этому механизму, но механизм сломался...

– Негра? – сказала Мария. – Какое варварство!

– Люди были пьяные? – спросила Пилар. – Те, которые сожгли негра, были пьяные?

– Не знаю, – сказал Роберт Джордан. – Я видел это только из дома, стоявшего на том самом углу, где был фонарь, – подглядывал из-за занавески на окне. Народу на улице было полно, и когда негра вздергивали во второй раз...

– Если тебе было всего семь лет и ты находился в доме, ты, конечно, не можешь знать, пьяные они были или нет, – вставила Пилар.

– Так вот, когда негра во второй раз вздергивали на фонарь, мать оттащила меня от окна, и больше я ничего не видел, – сказал Роберт Джордан. – Но с тех пор я не раз убеждался, что в пьяном состоянии мои соотечественники ничуть не лучше других – они ведут себя отвратительно и жестоко.

– Ты был тогда слишком мал, – сказала Мария. – Слишком мал, чтобы смотреть на такое. Я в жизни не видела ни одного негра, разве что в цирке. Ну, если только марокканцы не негры.

– Там есть и негры, и не негры, – сказала Пилар. – О марокканцах я могу тебе много чего порассказать, Мария.

– Но не столько, сколько я, – сказала Мария. – Нет, не столько.

– Не надо вспоминать, Мария, – сказала Пилар. – Не травми себя. Так где я остановилась?

– Ты говорила о пьяном угаре, который начал действовать на людей, – напомнил Роберт Джордан. – Продолжай.

– Да нет, сказать «пьяный угар» будет несправедливо, – ответила Пилар. – До пьяного угара им было еще далеко. Но какая-то перемена в них уже произошла. Когда вышел дон Гильермо, среднего роста, прямой, близорукий, в рубашке с пристегивающимся воротником, но без воротника, только запонка в петельке осталась, когда он, встав на крыльце, перекрестился, посмотрел прямо перед собой, хоть ничего без очков не видел, и спокойно, с достоин-

ством шагнул на ступеньки, то, глядя на него, его хотелось пожалеть. Но кто-то из ряда крикнул: «Сюда, дон Гильермо! Идите сюда, дон Гильермо. Сюда. Мы все тут, с вашими товарами».

Им так понравилось куражиться над доном Фаустино, что теперь они уже не видели разницы между ним и доном Гильермо и не понимали, что дон Гильермо – совсем другой человек, и если уж его убивать, то делать это надо быстро и уважительно.

«Дон Гильермо, – закричал кто-то еще. – Не послать ли в ваш дом за очками?»

А у дон Гильермо и дома-то не было, поскольку был он небогат, и фашистом стал скорее для форсу, чтоб показать, что и он не лыком шит, хоть его лавка и не приносит ему богатства. А еще он пошел в фашисты, потому что любил свою очень набожную жену и считал, что это его долг перед ней. Дон Гильермо жил в квартире в трех домах от площади, и когда он стоял, близоруко глядя на строй, сквозь который должен был пройти, с балкона его квартиры раздался женский крик. Женщина на балконе была его женой.

«Гильермо, – кричала она, – Гильермо! Подожди, я иду к тебе!»

Дон Гильермо повернул голову на голос. Он не видел жену своими подслеповатыми глазами. Пытался что-то сказать, но не мог. Тогда он помахал рукой туда, откуда она кричала, и пошел вперед. А она, вцепившись руками в балконные перила и раскачиваясь в отчаянии вперед и назад, все кричала: «Гильермо! Гильермо! О, Гильермо!»

Дон Гильермо снова помахал ей рукой и пошел между шеренгами с поднятой головой, и если бы лицо у него не было бледным, как у мертвеца, ни за что бы не догадаться, что он в тот момент чувствовал.

И тут из шеренги какой-то пьяница, копируя пронзительный срывающийся голос его жены, заорал: «Гильермо!», и дон Гильермо, ничего не видя, рванулся к этому человеку, но этот человек ударил его цепом по лицу с такой силой, что дон Гильермо осел на землю, и теперь слезы лились у него по щекам, но он плакал не от страха; несколько пьянчуг продолжали избивать его, а один прыгнул прямо на него, оседлал и стал бить бутылкой. После этого многие ушли из строя, а их место заняли те пьяные, которые до того куражились и кричали всякие непристойности через решетки на окнах *Ayuntamiento*.

Когда Пабло расстреливал *guardia civiles*, мне было тошно, – сказала Пилар. – То, что там происходило, тоже было ужасно, но я думала: если так должно случиться, значит, так тому и быть, по крайней мере, там все делалось без лишней жестокости, просто людей лишили жизни, а это, как мы уже уразумели за последние годы, хоть и плохо, но необходимо, если мы хотим победить и спасти Республику.

Когда все въезды на площадь перекрыли и люди выстроились в ровные ряды, я сразу сообразила, что задумал Пабло, и даже оценила его находчивость, хотя мне все это показалось немного необычным, но я подумала: так нужно, потому что все, что должно быть сделано, должно быть сделано прилично, чтоб ни у кого не вызвать отвращения. Если казнить фашистов должен народ, то лучше, чтобы весь народ и участвовал в этом, и я сама была готова наравне со всеми разделить вину так же, как и пользоваться всеми благами, когда город станет нашим. Но после дон Гильермо мне стало стыдно и противно, а когда те, кому не понравилось, как обошлись с доном Гильермо, покинули шеренги и их место заняли пьяные бездельники, мне и вовсе не захотелось иметь ничего общего с тем, что начало происходить, и я, перейдя площадь, села в тени на скамейку под деревом.

Спустя немного времени к скамейке подошли двое крестьян, вышедших из строя, и один из них спросил меня: «Что с тобой, Пилар?»

Я ответила: «Ничего, друг», но он не поверил: «Да нет же, что-то с тобой случилось. Скажи, Пилар».

«Да просто сыта я уже всем этим по горло», – ответила я.

«Вот и мы тоже», – сказал он, и они сели рядом со мной на скамейку. Один из них держал в руке бурдюк и протянул его мне.

«На вот, прополощи рот», – сказал он. А другой, видимо, продолжая то, о чем они говорили раньше, сказал: «Хуже всего то, что все это нам аукнется. Никто меня не разубедит в том, что подобные вещи – то, как мы убили дон Гильермо, – не проходят даром».

Тогда первый сказал: «Если уж необходимо убить их всех, а я вовсе в этом не уверен, то пусть бы они умерли пристойно, без издевательств».

«Над доном Фаустино еще можно было покуражиться, – сказал второй. – Он всегда был шутком гороховым, никто его и всерьез-то не принимал. Но измываться над таким приличным человеком, как дон Гильермо, никому не пристало».

«Меня мутит от всего этого», – сказала я, и это буквально было так, потому что тошнота и впрямь подкатывала к горлу, меня прошиб пот и мутило так, будто я наелась тухлых мидий.

«Ну, хватит, – сказал первый крестьянин. – Больше мы в этом не участвуем. Интересно, а что происходит в других городах?»

«Телефонные провода еще не починили, – объяснила я. – А надо бы поскорей наладить связь».

«Ясное дело, – согласился он. – Кто знает, может, нам нужно сейчас срочно готовить город к обороне вместо того, чтобы вот так медленно и зверски убивать людей».

«Пойду поговорю с Пабло, – сказала я им, встала со скамейки и пошла ко входу в *Ayutanmiento*, от которого двойной строй людей тянулся через всю площадь. Правда, теперь строй уже не был ни ровным, ни смирным, пили там уже всерьез. Два человека повалились на спину и валялись посреди площади, передавая друг другу бутылку. Один из них глотнул из горла и, все так же лежа на спине, заорал как сумасшедший: «*Viva la Anarquia!*»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.